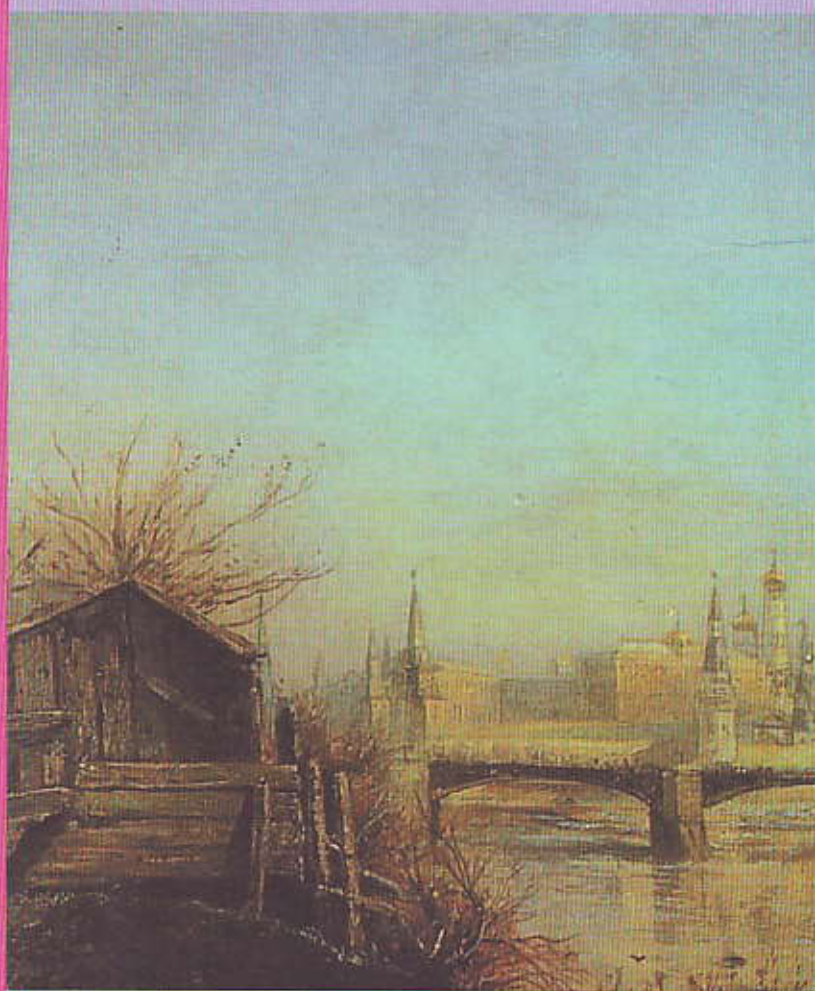

ЛИТЕРАТУРА

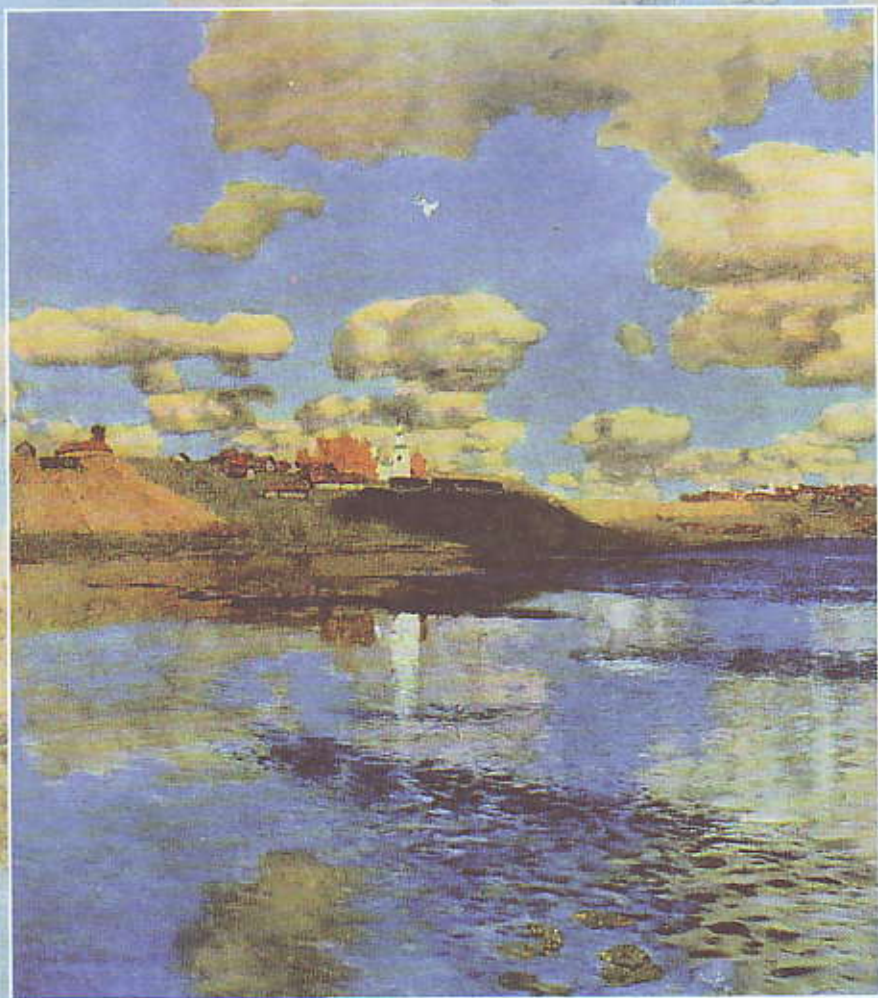

Часть 2

8

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. И. Левитан «Озеро. Русь», 1899—1900 (фрагмент)

Росси́я.

Опять, какъ въ годы золотые
Три стертыхъ треплются шлен,
И вязнуть спицы расшненыя
Въ расхлябанныя колени.

Росси́я, нищая Росси́я,
Мнѣ избы сѣрья твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, —
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманишь и обманешь, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманишь
Твои прекрасныя черты.

Ну что жь? Одной заботой болѣ —
Одной слезой рѣка шумишь,
А ты все та же — лѣсь, да поле
Да платъ узорный до бровей.

*И невозможное возможно,
Дорога дальна легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожкой
Моловскаяъ взоръ изъ подъ платка,
Когда звенитъ поскою острогой
Тухлая плетеньъ лязвика.*

А. Блок

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

Часть 2

Авторы-составители:

В. Я. Коровина

В. П. Журавлев

В. И. Коровин

Рекомендовано

Министерством образования и науки
Российской Федерации

8-е издание

Москва «Просвещение» 2009

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
Л64

На переплете — репродукция картины А. К. Саврасова
«Вид на Московский Кремль. Весна». 1873

Разработка серии — художники
О. В. Шиян, О. П. Богомолова

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106-5215/15
от 31.10.2007) и Российской академии образования
(№ 01-250/5/7д от 15.10.2007)

Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. уч-
Л64 реждений. В 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. В. Я. Коровина
[и др.]. — 8-е изд. — М. : Просвещение, 2009. —
399 с. : ил. — ISBN 978-5-09-021340-0.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-021340-0(2)
ISBN 978-5-09-021339-4(общ.)

© Издательство «Просвещение»,
2002, 2008
© художественное оформление,
Издательство «Просвещение»,
2002, 2004, 2008
Все права защищены

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (продолжение)

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

М. Е. Салтыков, взявший литературный псевдоним Щедрин, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы он провел в помещичьей усадьбе, где и познакомился с ужасами крепостного права. Впоследствии, окончив привилегированное учебное заведение — Царскосельский лицей, писатель занимал крупные и важные должности в русском государстве. Он вполне познал, как действует государственная чиновничье-бюрократическая машина, как несправедливо творится суд, как слагается психология чиновников, занимающих незначительные и значительные места. Этот жизненный и служебный опыт привел Салтыкова-Щедрина к мысли о том, что главное бедствие русской действительности — крепостное право. Но оно держится на двух основаниях — рабской покорности народа, его психологии при всей ценности замечательных качеств русских людей и на силе круговой поруки, общих корыстных интересов правящих слоев, создавших сложную, прочную систему обмана, грабежа и полной бескон-

М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города».
Титульный лист

трольности. В государственном механизме и во всех деяниях высших чиновников от императора и губернаторов до каких-нибудь мелких делопроизводителей царствовал один и тот же порядок. Во-первых, они не опасались ответственности и получали возможность творить что хотели, не ожидая наказания или возмездия. Лишь на короткие мгновения им угрожали бессмысленные бунты, которые легко подавлялись. Во-вторых, в основе всех действий по управлению страной, министерством, департаментом или другим казенным учреждением лежал личный произвол, каприз, принцип «что хочу, то и ворочу». При разности характеров, умственных способностей, образования и настроения души правители весьма отличались друг от друга, и потому капризы их были несходны. Это чрезвычайно разнообразило русскую жизнь вообще и жизнь обывателей одного и того же города или губернии. Но вместе с тем произвол всегда оставался основным и единственным способом управления.

Именно в таком свете Салтыкову-Щедрину открылась русская история на протяжении веков, которую он в фантасти-

ческой форме изобразил в знаменитой «Истории одного города», конечно преувеличив и сатирически заострив свои наблюдения над русской жизнью. В этом произведении, смеясь над летописцами, историками и историческими трудами, писатель высказал несколько принципиальных мыслей об устройстве государства. Он нашел, что в русской жизни существует некий неизменный общий принцип произвола при многообразии капризов и вздорных притязаний. Этот принцип опирался не на силу закона, твердых установок и правил, не на живой и быстрый порядок течения дел, а на мощь власти, владеющей оружием, органами принуждения, и на сложное, запутанное, недоступное простым людям, придуманное чиновниками ведение дел. Согласно русской пословице «Сила есть — ума не надо», губернаторам и градоначальникам совсем необязательно быть просвещенными, умными и душевно отзывчивыми людьми. У них в ходу краткие и выразительные формулы: «Не потерплю», «Раззорю!» И все жители на опыте предков и на своем собственном давно убедились, что так и будет. Поэтому они всегда пребывают в страхе и каждый раз надеются, что новый градоначальник окажется лучше прежнего, и непременно ошибаются. Силу градоначальникам придает не только страх обывателей, народа, но и их рабское терпение. Салтыков-Щедрин, в отличие от других писателей, не поэтизировал терпение, молчание, смирение русского человека, а считал его крайне вредным свойством национального характера, которое ведет к темноте, забитости, непросвещенности, забвению своих интересов.

«История одного города» убеждала, что так дальше продолжаться не может: либо Россия прекратит свое существование, либо наступит такой перелом, который сметет с лица русской земли существующий государственный строй.

Вопросы и задания

1. Что вам известно о детстве писателя? Какие новые сведения о нем вы почерпнули из статьи?
2. Какие произведения Щедрина вы читали? Есть ли в них отражение времени, в которое жил и трудился автор?
3. Вам предстоит познакомиться с отрывком из значительно более сложного произведения «История одного города». И в нем вы найдете сатиру на существовавшие порядки.

История одного города

Отрывок

О КОРЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛУПОВЦЕВ

«Не хочу я, подобно Костомарову¹, серым волком рысать по земли, ни, подобно Соловьеву², шизым орлом ширять под облака, ни, подобно Пыпину³, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покрыло»⁴.

Так начинает свой рассказ летописец, и затем, сказав несколько слов в похвалу своей скромности, продолжает.

Был, говорит он, в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря. Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадет — об стену тяпают; Богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с головотяпами жило множество независимых племен, но только замечательнейшие из них поименованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, черنونёбые, долбежники, проломленные головы, слепороды, губошлепы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заклучали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верно-

¹ Н. И. Костомаров (1817—1885) — историк, писатель, автор известных исследований по истории России и Украины.

² С. М. Соловьёв (1820—1879) — историк, академик, автор много-томной «Истории России с древнейших времен».

³ А. Н. Пыпин (1833—1904) — литературовед, академик, глава культурно-исторической школы в русском литературоведении.

⁴ Очевидно, летописец подражает здесь «Слову о полку Игореве»: «Бояи бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекаешесь мыслью по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облака». И далее: «О, Бояие! соловию старого времени! Абы ты сии пълки ущекотал» и т. д. — *Изд.*

сти, когда же лгали, то прибавляли «да будет мне стыдно», и были наперед уверены, что «стыд глаза не выест». Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими женами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепешки кору с последней сосны, когда не стало ни жен, ни дев и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум. Поняли, что кому-нибудь да надо верх взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тятаться, пока кто кого перетяпает. «Хитро это они сделали, — говорит летописец, — знали, что головы у них на плечах растут крепкие — вот и предложили». И действительно, как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же головотяпы их всех, с Божью помощью, перетяпали. Первые уступили слепороды и рукосуи; больше других держались гущееды, ряпушники и кособрюхие. Чтобы одолеть последних, вынуждены были даже прибегнуть к хитрости. А именно: в день битвы, когда обе стороны встали друг против друга стеной, головотяпы, неуверенные в успешном исходе своего дела, прибегли к колдовству: пустили на кособрюхих солнышко. Солнышко-то и само по себе так стояло, что должно было светить кособрюхим в глаза, но головотяпы, чтобы придать этому делу вид колдовства, стали махать в сторону кособрюхих шапками: вот, дескать, мы каковы, и солнышко заодно с нами. Однако кособрюхие не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно и стали ловить солнышко мешками. Но изловить не изловили, и только тогда, увидев, что правда на стороне головотяпов, принесли повинную.

Собрав воедино куралесов, гущеедов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка. Истории этого устройства летописец подробно не излагает, а приводит из нее лишь отдельные эпизоды. Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потом рака с колоколь-

ным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет.

Но ничего не вышло. Щука опять на яйца села; блины, которыми острог конопатили, арестанты съели; кошели, в которых кашу варили, сгорели вместе с кашею. А рознь да галденье пошли пуще прежнего: опять стали взаимно друг у друга земли разорять, жен в плен уводить, над девами ругаться. Нет порядку, да и полно. Попробовали снова головами тяпаться, но и тут ничего не доспели. Тогда надумали искать себе князя.

— Он нам все мигом предоставит, — говорил старец Добромysl, — он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следует, выстроит! Айда, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть в трех соснах не заблудились, да спасибо случился тут пошехонец-слепород, который эти три сосны как свои пять пальцев знал. Он вывел их на торную дорогу и привел прямо к князю на двор.

— Кто вы такие? и зачем ко мне пожаловали? — спросил князь посланных.

— Мы головотяпы! нет нас в свете народа мудрее и храбрее! Мы даже кособрюхих и тех шапками закидали! — хвастали головотяпы.

— А что вы еще сделали?

— Да вот комара за семь верст ловили, — начали было головотяпы, и вдруг им сделалось так смешно, так смешно... Посмотрели они друг на дружку и прыснули.

— А ведь это ты, Пётра, комара-то ловить ходил! — насмеялся Ивашка.

— Ан ты!

— Нет, не я! у тебя он и на носу-то сидел!

Тогда князь, видя, что они и здесь, перед лицом его, своей розни не покидают, сильно распалился и начал учить их жезлом.

— Глупые вы, глупые! — сказал он, — не головотяпами следует вам, по делам вашим, называться, а глуповцами! Не хочу я володеть глупыми! а ищите такого князя, какого нет в свете глупее — и тот будет володеть вами.

Сказавши это, еще маленько поучил жезлом и отослал головотяпов от себя с честью.

Задумались головотяпы над словами князя; всю дорогу шли и всё думали.

— За что он нас раскастил? — говорили одни, — мы к нему всей душой, а он послал нас искать князя глупого!

Но в то же время выискались и другие, которые ничего обидного в словах князя не видели.

— Что же! — возражали они, — нам глупый-то князь, пожалуй, еще лучше будет! Сейчас мы ему коврижку в руки: жуй, а нас не замай!

— И то правда, — согласились прочие.

Воротились добры молодцы домой, но сначала решили опять попробовать устроиться сами собою. Петуха на канате кормили, чтоб не убежал, божку съели... Однако толку все не было. Думали-думали и пошли искать глупого князя.

Шли они по ровному месту три года и три дня, и всё никуда прийти не могли. Наконец, однако, дошли до болота. Видят, стоит на краю болота чухломец-рукосуй, рукавицы торчат за поясом, а он других ищет.

— Не знаешь ли, любезный рукосуюшко, где бы нам такого князя сыскать, чтобы не было его в свете глупее? — взмолились головотяпы.

— Знаю, есть такой, — отвечал рукосуй, — вот идите прямо через болото, как раз тут.

Бросились они все разом в болото, и больше половины их тут потопло («Многие за землю свою поревновали», — говорит летописец); наконец вылезли из трясины и видят: на другом краю болотины, прямо перед ними, сидит сам князь да глупый-преглупый! Сидит и ест пряники писанные. Обрадовались головотяпы: вот так князь! лучшего и желать нам не надо!

— Кто вы такие? и зачем ко мне пожаловали? — молвил князь, жуя пряники.

— Мы головотяпы! нет нас народа мудрее и храбрее! Мы гущедедов — и тех победили! — хвастались головотяпы.

— Что же вы еще сделали?

— Мы щуку с яиц согнали, мы Волгу толочком замесили... — начали было перечислять головотяпы, но князь не захотел и слушать их.

— Я уж на что глуп, — сказал он, — а вы еще глупее меня! Разве щука сидит на яйцах? или можно разве вольную реку толокном месить? Нет, не головотяпами следует вам называться, а глуповцами! Не хочу я володеть вами, а ищите вы себе такого князя, какого нет в свете глупее, — и тот будет володеть вами!

И, наказав жезлом, отпустил с честью.

Задумались головотяпы: надул курицын сын рукосуй! Сказывал, нет этого князя глупее — ан он умный! Однако воротились домой и опять стали сами собой устраиваться. Под дождем онучи сушили, на сосну Москву смотреть лазили. И все нет как нет порядку, да и полно. Тогда надумил всех Пётра Комар.

— Есть у меня, — сказал он, — друг-приятель, по прозванию вор-новотор, уж если экая выжига князя не сыщёт, так судите вы меня судом милостивым, рубите с плеч мою голову бесталанную!

С таким убеждением высказал он это, что головотяпы послушались и призвали новотора-вора. Долго он торговался с ними, просил за розыск алтын да деньгу, головотяпы же давали грош да животы свои в придачу. Наконец, однако, кое-как сладились и пошли искать князя.

— Ты нам такого ищи, чтоб немудрый был! — говорили головотяпы новотору-вору, — на что нам мудрого-то, ну его к ляду!

И повел их вор-новотор сначала все ельничком да березничком, потом чащей дремучею, потом перелесочком, да и вывел прямо на поляночку, а посередь той поляночки князь сидит.

Как взглянули головотяпы на князя, так и обмерли. Сидит, это, перед ними князь да умной-преумной; в ружьецо попаливает да сабелькой помахивает. Что ни выпалит из ружьеца, то сердце насквозь прострелит, что ни махнет сабелькой, то голова с плеч долой. А вор-новотор, сделавши такое пакостное дело, стоит, брюхо поглаживает да в бороду усмехается.

— Что ты! с ума, никак, спятил! пойдёт ли этот к нам? во сто раз глупее были, — и те не пошли! — напустились головотяпы на новотора-вора.

— Нйшто! обладим! — молвил вор-новотор, — дай срок, я глаз на глаз с ним слово перемолвлю.

Видят головотяпы, что вор-новотор кругом на кривой их объехал, а на попятный уж не смеют.

— Это, брат, не то, что с кособрюхими лбами тятаться! нет, тут, брат, ответ подай: каков таков человек? какого чину и звания? — гуторят они меж собой.

А вор-новотор этим временем дошел до самого князя, снял перед ним шапочку соболиную и стал ему тайные слова на ухо говорить. Долго они шептались, а про что — не слышать. Только и почуяли головотяпы, как вор-новотор говорил: «Драть их, ваша княжеская светлость, завсегда очень свободно».

Наконец и для них настал черед встать перед ясные очи его княжеской светлости.

— Что вы за люди? и зачем ко мне пожаловали? — обратился к ним князь.

— Мы головотяпы! нет нас народа храбрее, — начали было головотяпы, но вдруг смутились.

— Слышал, господа головотяпы! — усмехнулся князь («и таково ласково усмехнулся, словно солнышко просияло!» — замечает летописец), — весьма слышал! И о том знаю, как вы рака с колокольным звоном встречали — довольно знаю! Об одном не знаю, зачем же ко мне-то вы пожаловали?

— А пришли мы к твоей княжеской светлости вот что объявить: много мы промеж себя убивств чинили, много друг дружке разорений и надругательств делали, а все правды у нас нет. Иди и володей нами!

— А у кого, спрошу вас, вы допрежь сего из князей, братьев моих, с поклоном были?

— А были мы у одного князя глупого, да у другого князя глупого ж — и те володеть нами не похотели!

— Ладно. Володеть вами я желаю, — сказал князь, — а чтоб идти к вам жить — не пойду!.. А вот посылаю к вам, заместо себя, самого этого новотора-вора: пуцай он вами дома правит, а я отсель и им и вами помыкать буду!

Понурили головотяпы головы и сказали:

— Так!

— И будете вы платить мне дани многие, — продолжал князь, — у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломь его начетверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду

на войну — и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!

— Так! — отвечали головотяпы.

— И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать; прочих же всех — казнить.

— Так! — отвечали головотяпы.

— А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами.

— Так! — отвечали головотяпы.

Затем приказал князь обнести послов водкою да одарить по пирогу, да по платку алому, и, обложив даянами многими, отпустил от себя с честью.

Шли головотяпы домой и вздыхали. «Вздыхали неослабляючи, вопияли сильно!» — свидетельствует летописец. «Вот она, княжеская правда какова!» — говорили они. И еще говорили: «Такали мы, такали, да и протакали!» Один же из них, взяв гусли, запел:

Не шуми, мати зелена дубровушка!

Не мешай добру молодцу думу думати,

Как завтра мне, добру молодцу, на допрос ийти

Перед грозного судью, самого царя...

Чем далее лилась песня, тем ниже понуривались головы головотяпов. «Были между ними, — говорит летописец, — старики седые и плакали горько, что сладкую волю свою прогуляли; были и молодые, кои той воли едва отведали, но и те тоже плакали. Тут только познали все, какова такова прекрасная воля есть». Когда же раздались заключительные стихи песни:

Я за то тебя, детинушку, пожалуйю

Среди поля хоромами высокими,

Что двумя столбами с перекладиною... —

то все пали ниц и зарыдали.

Но драма уже совершилась бесповоротно. Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и, заложив на ней город, назвали Глуповым, а себя по тому городу глуповцами. «Так и процвела сия древняя отрасль», — прибавляет летописец.

Но вору-новотору эта покорность была не по нраву. Ему нужны были бунты, ибо усмирением их он надеялся и ми-

лость князя себе снискать, и собрать хабару с бунтующих. И начал он донимать глуповцев всякими неправдами, и действительно, не в долгом времени возжег бунты. Взбунтовались сперва заугольники, а потом сычужники. Вор-новотор ходил на них с пушечным снарядом, палил неослабляючи и, перепалив всех, заключил мир, то есть у заугольников ел палтусину, у сычужников — сычуги. И получил от князя похвалу великую. Вскоре, однако, он до того проворовался, что слухи об его несытом воровстве дошли даже до князя. Распалился князь крепко и послал неверному рабу петлю. Но новотор, как сущий вор, и тут извернулся: предварил казнь тем, что, не выждав петли, зарезался огурцом.

После новотора-вора пришел «заместь князя» одоевец, тот самый, который «на грош постных яиц купил». Но и он догадался, что без бунтов ему не жизнь, и тоже стал донимать. Поднялись кособрюхие, калашники, соломятники — все отстаивали старину да права свои. Одоевец пошел против бунтовщиков, и тоже начал неослабно палить, но, должно быть, палил зря, потому что бунтовщики не только не смирялись, но увлекли за собой черномёбых и губошлепов. Услыхал князь бестолковую пальбу бестолкового одоевца и долго терпел, но напоследок не стерпел: вышел против бунтовщиков собственною персоною и, перепалив всех до единого, возвратился восвояси.

— Посылал я сущего вора — оказался вор, — печаловался при этом князь, — посылал одоевца по прозванию «продай на грош постных яиц» — и тот оказался вор же. Кого пошлю ныне?

Долго раздумывал он, кому из двух кандидатов отдать преимущество: орловцу ли — на том основании, что «Орел да Кромы — первые воры» — или шуянину, на том основании, что он «в Питере бывал, на полу сыпал и тут не упал», но, наконец, предпочел орловца, потому что он принадлежал к древнему роду «Проломленных Голов». Но едва прибыл орловец на место, как встали бунтом старичане и, вместо воеводы, встретили с хлебом с солью петуха. Поехал к ним орловец, надеясь в Старице стерлядями полакомиться, но нашел, что там «только грязи довольно». Тогда он Старицу сжег, а жен и дев старицких отдал самому себе на поругание. «Князь же, уведав о том, урезал ему язык».

Затем князь еще раз попробовал послать «вора попроче» и в этих соображениях выбрал калязинца, который «свинью

за бобра купил», но этот оказался еще пушчим вором, нежели новотор и орловец. Взбунтовал семендяевцев и заозерцев и «убив их, сжег».

Тогда князь выпучил глаза и воскликнул:

— Несть глупости горшия, яко глупость!

И прибых собственною персоною в Глупов и возопи:

— Запорю!

С этим словом начались исторические времена

Поразмышляем над прочитанным...

1. Чем характеры героев этого произведения напоминают некоторых сказочных персонажей?
2. Какие сатирические приемы помогают понять реальную сущность «деяний» градоначальников?
3. Подумайте, как мог страдать город от «деятельности» глуповских градоначальников. Какими пословицами оправдывали они свою деятельность? Какого «порядка» добивались головотяпы, когда собрали воедино соседние племена? Каким словом начались «исторические времена»?
4. Чего хочет достичь Щедрина сатирическим изображением чиновников и градоначальников тогдашней России? Что предполагает писатель «разбудить» в обществе?
5. С помощью каких художественных средств удастся Щедрину показать глуповцев? Почему народ, о котором рассказывается в романе, называют головотяпами? Как называются соседние народы? Перечислите их. Как можно объяснить их названия?
6. Вспомните определения гиперболы, гротеска, сравнения. Какие из этих художественных средств, т. е. тропов¹, используются Щедриным? Приведите примеры.
7. Какие произведения (басни, сказки) напоминает вам эта глава из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»?

Развивайте дар слова

1. Подготовьте подробный пересказ одного фрагмента произведения или чтение по ролям, подчеркнув сатирическое изображение персонажей.
2. Могли ли влиять сатирические произведения Щедрина на общественное мнение и общественные порядки тогдашней России? Подготовьте небольшое сообщение-рассуждение.

¹ *Троп* (гр. *tropos* — оборот) — употребление слова в переносном значении для характеристики какого-либо явления. К тропам относятся эпитет, сравнение, гипербола, гротеск, ирония и др.

Николай Семенович ЛЕСКОВ

1831—1895

Николай Семенович Лесков родился в семье мелкого чиновника, выходца из духовного сословия, в селе Горохово Орловской губернии. Первоначальное образование получил в семье богатых родственников. Затем продолжил обучение в Орловской гимназии, но курса не окончил. В шестнадцать лет ему пришлось поступить на службу писцом в суд. Криминальная сторона жизни, которая открылась ему в суде, потом часто становилась предметом художественного осмысления в повестях и романах писателя, в том числе в таких известных, как «Леди Макбет Мценского уезда», «На ножах». С 1857 года Лесков служит агентом одной из коммерческих фирм. По делам этой фирмы изъездил всю Россию. Впечатления от этих поездок стали бесценным материалом для творчества писателя.

С 1861 года Лесков — сотрудник московских газет, сначала «Русской речи», а позднее «Северной пчелы». Писатель пробует свои силы в художественном очерке, рассказе, романе, хрониках. В мае 1862 года в передовой статье «Северной пчелы», посвященной пожарам в Петербурге, требует от власти открыть народу «поджигателей», «адских злодеев». Статья совпала по времени с новой волной репрессий против революционеров и была воспринята как открытое публичное выступление охранителя режима, реакционера. Не понятый ни властями, ни революционерами-демократами, ни либералами, разочарованный в реформах царского правительства, не принимая революционной перспективы для России, Лесков называл народ «хранителем отечественного предания» в искусстве, труде, в повседневном укладе жизни. В круг

школьного чтения давно и прочно вошли такие известные произведения Н. С. Лескова, как «Левша» и «Тупейный художник», повествующие о трагической участи талантливых людей из народа. Предлагаем вам познакомиться с рассказом «Старый гений», прочитав который вы сможете узнать новые черты таланта выдающегося русского писателя — Николая Семеновича Лескова.

Старый гений

Гений лет не имеет — он преодолевает все, что останавливает обыкновенные умы.

Ларошфуко¹

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несколько лет назад в Петербург приехала маленькая старушка-помещица, у которой было, по ее словам, «вопиющее дело». Дело это заключалось в том, что она по своей сердечной доброте и простоте, чисто из одного участия, выручила из беды одного великосветского франта, — заложив для него свой домик, составлявший все достояние старушки и ее недвижимой, увечной дочери да внучки. Дом был заложен в пятнадцати тысячах, которые франт полностью взял, с обязательством уплатить в самый короткий срок.

Добрая старушка этому верила, да и не мудрено было верить, потому что должник принадлежал к одной из лучших фамилий, имел перед собою блестящую карьеру и получал хорошие доходы с имений и хорошее жалование по службе. Денежные затруднения, из которых старушка его выручила, были последствием какого-то мимолетного увлечения или неосторожности за картами в дворянском клубе, что поправить ему было, конечно, очень легко, — «лишь бы только доехать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой приязни, помогла ему; он благополучно уехал в Питер, а затем, разумеется, началась довольно обыкновенная в подобных случаях игра в кошку и мышку. Приходят сроки, старушка напоминает о себе письмами — сначала самыми мягкими, потом немножко пожестче, а

¹ *Ларошфуко Франсуа* (1613—1680) — герцог, французский писатель, автор знаменитой книги афоризмов «Максимы».

наконец, и бранится — намекает, что «это нечестно», но должник ее был зверь травленный и все равно ни на какие ее письма не отвечал. А между тем время уходит, приближается срок закладной — и перед бедной женщиной, которая уповала дожить свой век в своем домишке, вдруг разверзается страшная перспектива холода и голода с увечной дочерью и маленькою внучкою.

Старушка в отчаянии поручила свою больную и ребенка доброй соседке, а сама собрала кое-какие крохи и полетела в Петербург «хлопотать».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хлопоты ее вначале были очень успешны: адвокат ей встретился участливый и милостивый, и в суде ей решение вышло скорое и благоприятное, но как дошло дело до исполнения — тут и пошла закорюка, да такая, что и ума к ней приложить было невозможно. Не то чтобы полиция или иные какие пристава должнику мирволили — говорят, что тот им самим давно надоел и что они все старушку очень жалеют и рады ей помочь, да *не смеют*... Было у него какое-то такое могущественное родство или свойство, что нельзя было его приструнить, как всякого иного грешника.

О силе и значении этих связей достоверно не знаю, да думаю, что это и не важно. Все равно — какая бабушка ему ни вложила и все на милость преложила.

Не умею тоже вам рассказать в точности, что над ним надо было учинить, но знаю, что нужно было «вручить *должнику* с распискою» какую-то бумагу, и вот этого-то никто — никакие лица никакого уряда¹ — не могли сделать. К кому старушка ни обратится, все ей в одном роде советуют:

— Ах, сударыня, и охота же вам! Бросьте лучше! Нам очень вас жаль, да что делать, когда он никому не платит... Утешьтесь тем, что не вы первая, не вы и последняя.

— Батюшки мои, — отвечает старушка, — да какое же мне в этом утешение, что не мне одной худо будет? Я бы, голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мне и всем другим хорошо было.

¹ Уряд — здесь: ранг, положение, должность.

— Ну, — отвечают, — чтоб всем-то хорошо — вы уж это оставьте, — это специалисты¹ выдумали, и это невозможно.

А та, в простоте своей, пристаёт:

— Почему же невозможно? У него состояние во всяком случае больше, чем он всем нам должен, и пусть он должное отдаст, а ему еще много останется.

— Э, сударыня, у кого «много», тем никогда много не бывает, а им всегда недостаточно, но главное дело в том, что он платить не привык, и если очень докучать станете — может вам неприятность сделать.

— Какую неприятность?

— Ну, что вам расспрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдруг уедете.

— Ну извините, — говорит старушка, — я вам не поверю: он заматался, но человек хороший.

— Да, — отвечают, — конечно, он барин хороший, но только дурной платить; а если кто этим занялся, тот и все дурное делает.

— Ну, так тогда употребите меры.

— Да вот тут-то, — отвечают, — и точка с запятой: мы не можем против всех «употреблять меры». Зачем с такими знались.

— Какая же разница?

А вопрошаемые на нее только посмотрят да отвернутся или даже предложат идти высшим жаловаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ходила она и к высшим. Там и доступ труднее и разговору меньше, да и отвлеченнее.

Говорят: «Да где он? о нем доносят, что его нет!»

— Помилуйте, — плачет старушка, — да я его всякий день на улице вижу — он в своем доме живет.

— Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

— Ведь это все равно: муж и жена — одна сатана.

— Да это вы так судите, но закон судит иначе. Жена на него тоже счета предъявляла и жаловалась суду, и он у нее не значится... Он, черт его знает, он всем нам надо-

¹ Специалисты — вместо: социалисты.

ел, — и зачем вы ему деньги давали! Когда он в Петербурге бывает — он прописывается где-то в меблированных комнатах, но там не живет. А если вы думаете, что мы его защищаем или нам его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте, — это ваше дело, — тогда ему «вручат».

Утешительнее этого старушка ни на каких высотах ничего не добила, и, по провинциальной подозрительности, стала шептать, будто все это «оттого, что сухая ложка рот дерет».

— Что ты, — говорит, — мне ни уверяй, а я вижу, что все оно от того же самого движет, что *надо смазать*.

Пошла она «мазать» и пришла еще более огорченная. Говорит, что «прямо с целой тысячи начала», то есть обещала тысячу рублей из взысканных денег, но ее и слушать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трех тысяч, то ее даже попросили выйти.

— Трех тысяч не берут за то только, чтобы бумажку вручить! Ведь это что же такое?.. Нет, прежде лучше было.

— Ну, тоже, — напоминаю ей, — забыли вы, верно, как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и прав был.

— Это, — отвечает, — твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало, его спросишь: «Можно ли?» — а он отвечает: «В России невозможности нет», и вдруг выдумку выдумает и сделает. Вот мне и теперь один такой объявился и пристаёт ко мне, да не знаю: верить или нет? Мы с ним вместе в Мариинском пассаже у саечника Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым грошем трясусь — горячего уже давно не ем, все на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или питуций... но преубедительно говорит: «дайте мне пятьсот рублей — я *вручу*». Как ты об этом думаешь?

— Голубушка моя, — отвечаю ей, — уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете, но я и своих-то дел вести не умею и решительно ничего не могу вам посоветовать. Расспросили бы вы по крайней мере о нем кого-нибудь: кто он такой и кто за него поручиться может?

— Да уж я саечника расспрашивала, только он ничего не знает. «Так, говорит, надо думать, или купец притишил торговлю, или подупавший из каких-нибудь своих благородий».

— Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивала — кто он такой и какой на нем чин? «Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иванович, а чин на мне из четырнадцати овчин, — какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу».

— Ну вот видите, — это, выходит, совсем какая-то темная личность.

— Да, темная... «Чин из четырнадцати овчин» — это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса¹. А насчет имени и рекомендаций прямо объявляет, что «насчет рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли в своем лбу имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение».

«Почему же, батюшка, непременно *триста*?»

«А так — уж это у нас такой прификс², с которого мы уступать не желаем и больше не берем».

«Ничего, сударь, не понимаю».

«Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнителю герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и конец дело венчает. Кто хочет — пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего», — но что до меня касается, — прибавляет старушка, — то, представь ты себе мое искушение: я ему почему-то верю...

— Решительно, — говорю, — не знаю, отчего вы ему верите?

— Вообрази — предчувствие у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это как-то так тепло убеждает довериться.

— Не подождать ли еще?

— Подожду, пока возможно.

Но скоро это сделалось невозможно.

¹ «...Он *четырнадцатого класса*» — согласно Табели о рангах, введенной Петром I, чины в России делились на 14 классов; 14-й (коллежский регистратор) был самым низшим.

² *Прификс* (фр.) — твердая цена.

Приезжает ко мне старушка в состоянии самой трогательной и острой горести: во-первых, настает Рождество; во-вторых, из дому пишут, что дом на сих же днях поступает в продажу; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и погналась за ними, и даже схватила его за рукав, и взывала к содействию публики, крича со слезами: «Боже мой, он мне должен!» Но это повело только к тому, что ее от должника с его дамою отвлекли, а привлекли к ответственности за нарушение тишины и порядка в людном месте. Ужаснее же этих трех обстоятельств было четвертое, которое заключалось в том, что должник старушки добыл себе заграничный отпуск и не позже как завтра уезжает с роскошною дамою своего сердца за границу — где наверно пробудет год или два, а может быть, и совсем не вернется, «потому что она очень богатая».

Сомнений, что все это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась зорко следить за каждым шагом своего неуловимого должника и знала все его тайности от подкупленных ею слуг.

Завтра, стало быть, конец этой долгой и мучительной комедии: завтра он несомненно улизнет, и надолго, а может быть, и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за миг или краткое мгновенье.

Старушка все это во всех подробностях повергла уже обсуждению дельца, имеющего чин из четырнадцати овчин, и тот там же, сидя за ночвами¹ у саечника в Мариинском пассаже, отвечал ей:

«Да, дело кратко, но помочь еще можно: сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор; а если не имеете ко мне веры — ваши пятнадцать тысяч пропали».

— Я, друг мой, — рассказывает мне старушка, — уже решила ему довериться... Что же делать: все равно ведь никто не берет, а он берет и твердо говорит: «Я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза испытующи. Я нимало не сумасшедшая, — а и сама ничего не понимаю, но только имею к нему какое-то таинственное

¹ *Ночви* — широкие лотки для валяния теста и для укладки булочных изделий.

доверие в моем предчувствии, и сны такие снились, что я решилась и увела его с собою.

— Куда?

— Да видишь ли, мы у саечника ведь только в одну пору, всё в обед встречаемся. А тогда уже поздно будет, — так я его теперь при себе веду и не отпущу до завтраго. В мои годы, конечно, уже об этом никто ничего дурного подумать не может, а за ним надо смотреть, потому что я должна ему сейчас же все пятьсот рублей отдать, и без всякой расписки.

— И вы решаетесь?

— Конечно, решаюсь. — Что же еще сделать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала, и он теперь ждет меня в трактире, чай пьет, а я к тебе с просьбою: у меня еще двести пятьдесят рублей есть, а полтораоста нет. Сделай милость, ссуди меня, — я тебе возвращу. Пусть хоть дом продадут — все-таки там полтораоста рублей еще останется.

Знал я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ее такое трогательное, — думаю: отдаст или не отдаст — Господь с ней, от полтораоста рублей не разбогатеешь и не обеднеешь, а между тем у нее мучения на душе не останутся, что она не все средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти ее дело.

Взяла она просимые деньги и поплыла в трактир к своему отчаянному дельцу. А я с любопытством дожидал ее на следующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое шутокство изловчатся плутовать в Петербурге?

Только то, о чем я узнал, превзошло мои ожидания: пассажный гений не постыдил ни веры, ни предчувствий доброй старушки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На третий день праздника она влетает ко мне в дорожном платье и с саквояжем, и первое, что делает, — кладет мне на стол занятые у меня полтораоста рублей, а потом показывает банковую, переводную расписку с лишком на пятнадцать тысяч...

— Глазам своим не верю! Что это значит?

— Ничего больше, как я получила все свои деньги с процентами.

— Каким образом? Неужто все это четырнадцатив-
чинный Иван Иванович устроил?

— Да, он. Впрочем, был еще и другой, которому он от
себя триста рублей дал — потому что без помощи этого че-
ловека обойтись было невозможно.

— Это что же еще за деятель? Вы уж расскажите все,
как они вам помогали!

— Помогли очень честно. Я как пришла в трактир и
отдала Ивану Ивановичу деньги — он сосчитал, принял и
говорит: «Теперь, госпожа, поедем. Я, говорит, гений по
мысли моей, но мне нужен исполнитель моего плана, пото-
му что я сам таинственный незнакомец и своим лицом
юридических действий производить не могу». Ездили по
многим низким местам и по баням — всё искали какого-то
«сербского сражателя»¹, но долго его не могли найти. На-
конец нашли. Вышел этот сражатель из какой-то ямки, в
сербском военном костюме, весь оборванный, а в зубах пи-
почка из газетной бумаги, и говорит: «Я все могу, что ко-
му нужно, но прежде всего надо выпить». Все мы трое в
трактире сидели и торговались, и сербский сражатель тре-
бовал «по сту рублей на месяц, за три месяца». На этом ре-
шили. Я еще ничего не понимала, но видела, что Иван
Иванович ему деньги отдал, стало быть, он верит, и мне по-
легче стало. А потом я Ивана Ивановича к себе взяла, чтобы
в моей квартире находился, а сербского сражателя в бани
ночевать отпустили с тем, чтобы утром явился. Он утром
пришел и говорит: «Я готов!» А Иван Иванович мне шепчет:
«Пошлите для него за водочкой: от него нужна смелость.
Много я ему пить не дам, а немножко необходимо для
храбрости: настает самое главное его исполнение».

Выпил сербский сражатель, и они поехали на станцию
железной дороги, с поездом которой старушкин должник и
его дама должны были уехать. Старушка все еще ничего не
понимала, что такое они замыслили и как исполнят, но
сражатель ее успокаивал и говорил, что «все будет честно
и благородно». Стала съезжаться к поезду публика, и
должник явился тут, как лист перед травой, и с ним дама;
лакей берет для них билеты, а он сидит с своей дамой, чай
пьет и тревожно осматривается на всех. Старушка спрята-

¹ «Сербский сражатель» — участник войны Сербии с Турцией
1876—1878 гг.

Н. С. Лесков. «Старый гений».
Худ. И. Пчелко

лась за Ивана Ивановича и указывает на должника — говорит: «Вот — он!»

Сербский воитель увидал, сказал «хорошо» и сейчас же встал и прошел мимо франта раз, потом во второй, а потом в третий раз, прямо против него остановился и говорит:

— Чего это вы на меня так смотрите?

Тот отвечает:

— Я на вас вовсе никак не смотрю, я чай пью.

— А-а! — говорит воитель, — вы не смотрите, а чай пьете? так я же вас заставлю на меня смотреть, и вот вам от меня к чаю лимонный сок, песок и шоколаду кусок!.. — Да с этим — хлоп, хлоп, хлоп! его три раза по лицу и ударил.

Дама бросилась в сторону, господин тоже хотел убежать и говорил, что он теперь не в претензии; но полиция подскочила и вмешалась: «Этого, говорит, нельзя: это в публичном месте», — и сербского воителя арестовали, и побитого тоже. Тот в ужасном был волнении — не знает: не то за своей дамой броситься, не то полиции отвечать. А между тем уже и протокол готов, и поезд отходит... Дама уехала, а он остался... и как только объявил свое звание, имя и фамилию, полицейский говорит: «Так вот у меня кстати для вас и бумажка в портфеле есть для вручения». Тот — делать нечего — при свидетелях поданную ему бумагу принял и, чтобы освободить себя от обязательств о невыезде, немедленно же сполна и с процентами уплатил чеком весь долг свой старушке.

Так были побеждены неодолимые затруднения, правда восторжествовала, и в честном, но бедном доме водворился покой, и праздник стал тоже светел и весел.

Человек, который нашелся — как уладить столь трудное дело, кажется, вполне имеет право считать себя в самом деле гением.

Н. С. ЛЕСКОВ И ЕГО ГЕРОИ, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

У Лескова Россия — страна праведников, странников, умелых и талантливых людей, которые большей частью необразованны и непросвещенны. Другая Россия — страна господ, начальников, чиновников. Они образованны, но бесчестны и, как правило, глупы. Одна Россия не понимает другую, и потому многие слова, которые

употребляет образованная Россия, невольно искажаются Россией необразованной и непросвещенной. Лесков не отдает предпочтения ни той ни другой. Он скорбит о том, что природный талант русского человека не сопряжен с образованностью.

Вопросы и задания

1. В чем смысл эпитафии к рассказу? Какие чувства вызвало у вас прочитанное произведение?
2. Почему рассказ назван «Старый гений»?
3. Как вы думаете, только ли со временем Лескова может быть связан случай, о котором рассказал читателям автор?
4. В каких произведениях Лескова проявляется историзм писателя? Какое историческое время «проживают» персонажи рассказа «Старый гений»? Какие проблемы общества затрагиваются в произведении?
5. Рассмотрите иллюстрацию И. Пчелко. Такими ли вы представляли себе героев рассказа «Старый гений»?

Развивайте дар слова

1. Подготовьте рассуждение на тему «Кто виноват в страданиях героини?».
2. Подготовьте пересказ всего текста рассказа «Старый гений» или отзыв на прочитанный рассказ.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Л. Н. Толстой принадлежал к старинному дворянскому роду, который давно вошел в историю России и много сделал для ее блага. Сам Толстой прославил свой род не только как великий писатель, но и как гражданин, на военном, общественном и педагогическом поприще. В круг его ближайших интересов всегда входила история. Среди художественных произведений Толстого, запечатлевших исторические события, выделяются «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Хаджи-Мурат».

Известно, что художественный историзм проявляется не только в исторических сочинениях, но и во всем творчестве писателя. Произведения, посвященные современности, также могут быть историчными и неисторичными, то есть правильно воспроизводящими суть времени, в которое живет писатель, или эту суть искажающими. Толстой очень остро чувствовал свою эпоху. Он сознавал, что жил в момент исторического перелома, когда уходила в прошлое старая дворянская и крестьянская Русь, когда исчезали признаки патриархального строя, на котором покоился русский мир, русское общество и нравственные ценности, созданные на протяжении веков. Вместе с ним исчезала крепостная Россия, личная зависимость крестьянина от барина-помещика. Крестьянин становился свободным.

На смену патриархальным и крепостным отношениям приходили отношения зависимости людей от капитала, от денег, от земли, которая тоже превращалась в товар. Люди одновременно и объединялись на больших производствах, на фабриках и заводах, в земельных хозяйствах, и отъединялись друг от друга: крестьянин

уже не был прикреплен к помещику, не был для него «своим человеком» и сам не считал нужным быть обязанным бывшему господину. Если раньше дворянин-помещик и крестьянин составляли некое целое, хотя их отношения были, конечно, далеко не благополучными, то теперь, после реформы 1861 года, их единство окончательно распалось.

Однако писатель не оставляет попытки найти в жизни опору своим мечтам о соединении людей в общую семью. Он предлагает свой путь обретения национальной и всечеловеческой общности, в которой не было бы жестоких противоречий, смертельных схваток, господства личных корыстных интересов.

Толстой выдвигает в качестве основы человеческого общежития христианскую любовь, которую понимает как любовное отношение одного человека к другому независимо от расовых, национальных, религиозных различий. Для того чтобы такая любовь победила на земле, мало одного желания. Необходимо, чтобы люди воспитывали себя в духе такой любви и несли ее свет другим. Толстой требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли и ума. Он ждал от человека желания самовоспитываться, самосовершенствоваться, чтобы изменить условия своего существования в духе высокой и всеобщей любви к ближним. Герои Толстого часто рассуждают и спорят со своими противниками на тему самовоспитания и изменения жизни в лучшую сторону.

Так начинается и рассказ Толстого «После бала», в котором Иван Васильевич сразу отдается своим мыслям о том, знает ли человек, что хорошо и что дурно, отвечает ли он за свои мысли и поступки или во всем виновата среда, общество, в котором человек рос и воспитывался. Во времена Толстого многие люди думали так: среда, общество несовершенны, в них нет условий для личного самовоспитания, и надо изменить жизнь, общественные отношения, затем приступать к личному самоусовершенствованию. Толстой был с этим решительно не согласен. Он полагал, что никто не снимал с человека ответственности за свои мысли, чувства, желания, поступки, что в глубине души человек всегда точно знает, хорошо или дурно он ведет себя. И не надо ждать, когда создадутся условия для самовоспитания, нужно готовить их сейчас, причем готовить личным примером, то есть стремлением стать лучше, чище, нравственнее в каждую следующую минуту по сравнению с предыдущей.

Решающий момент в намерении переделать себя может наступить всегда, в любой час. Вот такому случаю, который помог ге-

рою решиться начать собственное воспитание, и посвящен рассказ «После бала». В нем исторически точно и художественно убедительно воспроизведены условия, при которых возникает разное отношение к человеку со стороны людей одного сословного круга.

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о детстве и жизни Л. Н. Толстого и что нового вы узнали, прочитав статью о писателе?
2. Какие произведения, прочитанные вами ранее, рассказывали об исторических событиях, происходивших в России?
3. О чем мечтал писатель для совершенствования общества?

После бала

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у нее уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцать лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец² лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный³ портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у гу-

¹ Грациозная — изящная.

² Иноходец — лошадь, которая бежит иноходью — выносит сначала обе правые, затем обе левые ноги.

³ Дагерротипный — от дагерротип — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

бернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера¹. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном плюсовом² платье, в брильянтовой фероньерке³ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны⁴. Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами⁵, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, все с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных⁶ башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, не смотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой

¹ *Камергёр* — почетное придворное звание.

² *Плюсовый* (устар.) — темно-коричневый.

³ *Фероньерка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

⁴ *Елизавета* (старинное произношение *Елисавета*) *Петровна* (1709—1761) — русская императрица.

⁵ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

⁶ *Атласный* — сделанный из *атласа* — шелковой гладкой блестящей ткани.

благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества¹, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «encore»². И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела. <...>

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали все тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папá просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами³, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

¹ *Качество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый свое. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

² Еще (*фр.*).

³ *Эполеты* — парадные офицерские погоны.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, та *chère*¹, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, à la Nicolas I² подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей³, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁴, — хорошие опойковые⁵

¹ Моя милая (фр.).

² Как у Николая I (фр.).

³ *Портупея* — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения оружия.

⁴ *Штрипка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁵ *Опойковые сапоги* — сапоги из *опойки* — тонкой кожи, выделанной из кожи молодых телят.

Л. Н. Толстой. «После бала». Бал.
Худ. В. Гильберт

сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит доamodelьные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну все равно, пройдите теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португезу.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке бы-

ло перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садились в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно движется около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт². Я прошел наш пустынный переулочек и вышел на большую улицу, где стали встре-

¹ *Кандидатский экзамен* — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждающуюся выпускникам университета.

² *Девический институт* — Институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

чаться и пешеходы и ломовые¹ с дровами на санях, доставших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шел твердой, подрагивающей по-

¹ Ломовые — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

ходкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпирцутенов¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном по-

¹ Шпирцутены — прутья или палки, которыми били наказываемых.

Л. Н. Толстой. «После бала». Сквозь строй. Худ. Е. Лансере

ступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидал опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Поразмышляем над прочитанным...

1. Какие впечатления, чувства и размышления возникли у вас в связи с чтением рассказа? Кто его главные герои? От чьего лица ведется рассказ? О каком периоде своей жизни повествует Иван Васильевич? Как рассказчик описывает Вареньку? Что рассказывает Иван Васильевич об обстановке бала, о своем настроении на балу? Чем можно объяснить это настроение? Как изображается отец Вареньки? Какое чувство испытывает к нему рассказчик? Что изменило настроение Ивана Васильевича? Каким показан полковник в сцене на площади? Какое же лицо полковника истинное? Как вы восприняли характеры и поступки героев? Расскажите об этом.
2. Почему рассказ назван автором не «Бал», а «После бала», хотя описание бала занимает значительнейшую часть произведения?
3. Как объяснить поведение отца Вареньки после бала — его характером или порядками в тогдашней армии?
4. Можно ли сказать, что рассказ Л. Н. Толстого открывает нам одну из страниц исторического прошлого России? Какую именно?
5. Против чего направлен рассказ «После бала»? От чего зависят, по мысли автора, перемены в человеческих отношениях?
6. По убеждению Толстого, в ходе русской истории возникло две России — Россия образованная, далекая от природы, и Россия мужицкая, близкая к природе. В этом для писателя состояла драма русской жизни. Он мечтал, чтобы эти два начала соединились, чтобы Россия стала единой. Но, будучи писателем-реалистом, он изображал ту действительность, которую видел и которую оценивал с точки зрения своих художественно-исторических взглядов. Как же отразились исторические взгляды писателя в рассказе «После бала»?
7. Чего достигает Л. Н. Толстой композицией, контрастом событий?
8. В процессе создания художественного произведения Л. Н. Толстой говорил: «...художник не рассуждает, а непо-

средственным чувством угадывает типы». Следовательно, у Толстого интуиция — это способ «угадывания». В то же время Толстой, опираясь на реальный прообраз, писал: «Я бы стыдился печататься, если бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».

Что это значит? Как вы понимаете это высказывание великого писателя?

Толстой говорил Гольденвейзеру¹: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать все множество раз. Я почти никогда не прочитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадетсЯ случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это все надо переделывать». Как вы объясните эти слова? О какой черте характера писателя они говорят?

9. Рассмотрите иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «После бала». Найдите в тексте рассказа эпизоды, изображенные художниками. Как вы думаете, удалось ли им передать настроение и пафос рассказа?

Развивайте дар слова

1. Для подтверждения ваших суждений о том или ином персонаже произведения подготовьте характеристики героев с введением портретов, диалогов, описаний бала, экзекуции.
2. Подготовьте устный отзыв на рассказ «После бала».

ПОЭЗИЯ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Русских поэтов всегда привлекала родная природа, лишенная ярких, броских, бьющих в глаза экзотических красок. Она пленяет и трогает милой прелестью настоящего на полевых травах летнего дня, морозного осеннего, «ядренного», как сказал Некрасов, воздуха, белой бескрайней пустыни до горизонта тянущихся снегов, живостью журчащих весенних ручьев и разливающихся в половодье рек с туманами над водой. Она дорога каждому большому поэту своей непосредственной жизнью, скромной простотой, в которой много красоты внутренней, раздолья, спокойствия, степенности и величия, взывающих к нравственной строгости и чистоте.

Она возвышала и призывала забыть перед ее лицом о всякой суете и эгоизме. Русская поэзия стремилась соединить гуманные принципы, выработанные лучшими умами человечества, с природными законами, которые представлялись ей справедливыми и

¹ Гольденвейзер А. Б. (1875—1961) — пианист, музыкант, композитор.

разумными. Наконец, природа в сравнении с жестокими официальными и несправедливыми устоями выступала искусным «врачом», укрепляющим дух, исцеляющим от душевных недугов и вносящим в него успокоение и гармонию.

Одни поэты черпают в ней силы для борьбы и веры в лучшее будущее народа, другие, обращаясь к ней, задумываются о философских противоречиях бытия, третьи находят в ней источник разрешения противоречий собственного сознания, четвертые она побуждает проникнуться светлым оптимизмом. Так или иначе, русская природа в изображении наших поэтов самостоятельная и очень важная тема, благодаря которой в поэзии были совершены значительные художественные открытия в познании человеческого характера, психологических мотивов общественного поведения. И даже само поэтическое творчество — дар природы, такой же естественный акт, как произрастание злака, течение воды, рождение цветка.

Природа изображалась в лирике не просто фоном, на котором проходит жизнь и деятельность человека, но неотъемлемой частью его души, одним из самых глубоких и значимых переживаний, связывающих его с землей, с «малым домом» родного края и с «большим домом» — Отчиной. Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы, от бережливого и рачительного пользования ее дарами.

А. С. ПУШКИН

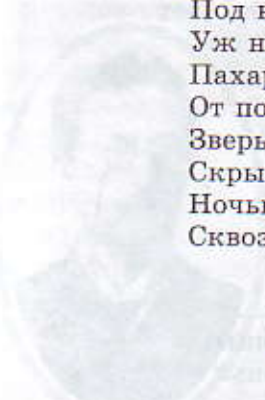
* * *

Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей.
Они унылые мечтания
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.

Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

А. А. ФЕТ

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей:
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

А. Н. МАЙКОВ

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

Будьте внимательны к слову, интонациям

1. Передайте кратко содержание статьи, предваряющей тексты стихотворных произведений. Прочитайте стихотворения и подумайте, какая мысль поэта воплощена в каждом из них.
2. Обратите внимание на эпитеты в стихотворениях разных поэтов об осени. Какие чувства подчеркивают они? Как вы думаете, почему последние цветы кажутся поэту милее? Каковы наблюдения Лермонтова над поведением людей, жизнью природы в осеннюю пору? Что изменяется в его собственном настроении?
3. Что, по мнению Тютчева, происходит в природе с приходом осени? Как вы понимаете слова и словосочетания: *ущерб, изнеможенье, божественной стыдливостью страданья*?
4. Как оживает природа весной? Как это отражается на настроении человека? Понаблюдайте, вслушайтесь в перемены, замеченные Майковым и Фетом.
5. Подготовьте выразительное чтение все стихотворений, а одно из них выучите наизусть для чтения в классе или на школьном вечере поэзии.

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

В октябре 1888 года Чехов писал поэту А. Н. Плещееву: «Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Мое святое святое — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь, абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Письмо это замечательно. В нем действительно заключена выстраданная писателем программа, которая исподволь созревала и наконец излилась страстным, искренним, приподнятым слогом.

Чехов страстно хотел исключить из современной ему действительности насилие, фальшь, «заточение» в разнообразные «футляры». Он мечтал о том, чтобы между людьми установились простые, чистые, добрые и гармоничные отношения. Своеобразной проверкой жизненных связей между людьми у Чехова не однажды служила любовь. Включенные в учебник-хрестоматию рассказы, в которых тема любви выдвинута на первый план, появились в окружении таких известных произведений, как «Душечка», «Ариадна», «Дама с собачкой», «Чайка». В них любовь также сопряжена с волнующими Чехова общественными страстями. Писатель видел в любви могучую силу, способную всколыхнуть душу человека, побудить его заново посмотреть на свою порой скучную и неприглядную до встречи со своей любовью судьбу и открыть более широкие, чем прежде, горизонты жизни.

Писатель Л. В. Никулин в книге «Чехов, Бунин, Куприн» пишет:

«Чехов близок нам, он вошел в наше время, имя его упоминают в наших литературных спорах; нелегко осознать, что он родил-

сы в тот последний год, когда еще существовало крепостное право. Род Чеховых был старый крестьянский, в пяти поколениях Чеховы были хлебопашцами, дед писателя был крепостным, отец выкупился из крепостной неволи. Семья Чеховых отличалась способностями к искусству, литературе (брат Николай был „прекрасный художник, подававший большие надежды“, старший, Александр, „одарен во всех отношениях, чтоб отдаться чему-нибудь одному“, Иван был образцовым педагогом, Михаил писал рассказы). Но только одному А. П. Чехову досталась заслуженная слава великого русского писателя.

Детство Антона Чехова было полным лишений, о чем он сам с горечью говорил: „В детстве у меня не было детства“. Отец писателя, в свое время претерпевший многие трудности, был жесток с детьми. Таганрогскую гимназию, где учился Антоша Чехов, сверстники называли арестантскими ротами, но домашний быт был еще суровее. Нужду, лишения, унижительный труд — все это знал Чехов, прежде чем открылся ему путь в большую литературу.

Писателя А. П. Чехова интересовали только люди. Разные характеры, разные натуры — люди хорошие и дурные, добрые, злые, умные и глупые. Чехов никогда не был бесстрастным художником. Чехов — писатель и врач — не мог мириться с бедствиями народа, которые он видел на каждом шагу.

Помимо юмористических рассказов, у Чехова есть много произведений о любви. „Удивительно знал он женское сердце, тонко и сильно чувствовал женственность“, — сказал о нем Бунин. Какие пленительные и тонкие женские образы рисовал он в рассказах „Дама с собачкой“, „Жена“ и др.

Никакие испытания не мешали писателю мечтать о счастливом будущем человечества. Он описывал жизнь, которую видел по-своему, как отзывчивый, наблюдательный свидетель, не навязывая своих суждений. Он предоставлял читателю делать выводы, и это были именно такие выводы, каких ожидал от него „художник жизни“, несравненный русский писатель Антон Чехов. Вся Россия его времени, от петербургской гостиной до деревенской избы, отображена в его произведениях.

„Я глубоко убежден, — писал Григоровичу¹ Чехов, — что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы

¹ Григорович Д. В. (1822—1899/1900) — русский писатель.

изображали, но Вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значит, и счастье».

Таковы сила и счастье Чехова.

Вопросы и задания

1. Что вам известно о жизни А. П. Чехова? Какие чеховские рассказы вы читали? О чем они? Расскажите об одном из них.
2. Прочитайте рассказ А. П. Чехова «О любви». Сопоставьте свои впечатления с размышлениями литературоведа.

О любви

На другой день к завтраку подавали очень вкусные пирожки, раков и бараньи котлеты; и, пока ели, приходил наверх повар Никанор справиться, что гости желают к обеду. Это был человек среднего роста, с пухлым лицом и маленькими глазами, бритый, и казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны.

Алехин рассказал, что красивая Пелагея была влюблена в этого повара. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него, и иначе не хотел, и бранил ее, когда бывал пьян, и даже бил. Когда он бывал пьян, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алехин и прислуга не уходили из дому, чтобы защитить ее в случае надобности.

Стали говорить о любви.

— Как зарождается любовь, — сказал Алехин, — почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по ее душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, — тут у нас все зовут его мурлом, — поскольку в любви важны вопросы личного счастья — все это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешенными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое луч-

А. П. Чехов. «О любви». Худ. В. Панов

шее, по-моему, — это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаюсь обобщить. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай.

— Совершенно верно, — согласился Буркин.

— Мы, русские порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам, остающимся без разрешения. Обычно любовь поэтизируют, украшают ее розами, соловьями, мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые неинтересные. В Москве, когда я еще был студентом, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякий раз, когда я держал ее в объятиях, думала о том, сколько я буду выдавать ей в месяц и почему теперь говядина за фунт. Так и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не

знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю.

Было похоже, что он хочет что-то рассказать. У людей, живущих одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в ресторан, чтобы только поговорить, и иногда рассказывают банщикам или официантам очень интересные истории, в деревне же обыкновенно они изливают душу перед своими гостями. Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя, в такую погоду некуда было деваться и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать.

— Я живу в Софьине и занимаюсь хозяйством уже давно, — начал Алехин, — с тех пор как кончил в университете. По воспитанию я белоручка, по наклонностям — кабинетный человек, но на имении, когда я приехал сюда, был большой долг, а так как отец мой задолжал отчасти потому, что много тратил на мое образование, то я решил, что не уеду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я решил так и начал тут работать, признаюсь, не без некоторого отвращения. Здешняя земля дает немного, и, чтобы сельское хозяйство было не в убыток, нужно пользоваться трудом крепостных или наемных батраков, что почти одно и то же, или же вести свое хозяйство на крестьянский лад, то есть работать в поле самому, со своей семьей. Середины тут нет. Но я тогда не вдавался в такие тонкости. Я не оставлял в покое ни одного клочка земли, я сгонял всех мужиков и баб из соседних деревень, работа у меня тут кипела неистовая; я сам тоже пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы; тело мое болело, и я спал на ходу. В первое время мне казалось, что эту рабочую жизнь я могу легко помирить со своими культурными привычками; для этого стоит только, думал я, держаться в жизни известного внешнего порядка. Я поселился тут наверху, в парадных комнатах, и завел так, что после завтрака и обеда мне подавали кофе с ликерами, и, ложась спать, я читал на ночь «Вестник Европы». Но как-то пришел наш батюшка, отец Иван, и в один присест выпил все мои ликеры; и «Вестник Европы» пошел тоже к поповнам, так как летом, особенно во время покоса, я не успевал добраться до своей постели и засыпал в сарае, в санях, или где-нибудь в лесной сторож-

ке, — какое уж тут чтение? Я мало-помалу перебрался вниз, стал обедать в людской кухне, и из прежней роскоши у меня осталась только вся эта прислуга, которая еще служила моему отцу и которую уводить мне было бы больно.

В первые же годы меня здесь выбрали в почетные мировые судьи. Кое-когда приходилось наезжать в город и принимать участие в заседаниях съезда и окружного суда, и это меня развлекало. Когда поживешь здесь безвыездно месяца два-три, особенно зимой, то в конце концов начинаешь тосковать по черном сюртуке. А в окружном суде были и сюртуки, и мундиры, и фраки, все юристы, люди, получившие общее образование; было с кем поговорить. После спанья в саях, после людской кухни сидеть в кресле в чистом белье, в легких ботинках, с цепью на груди — это такая роскошь!

В городе меня принимали радушно, я охотно знакомился. И из всех знакомств самым основательным и, правду сказать, самым приятным для меня было знакомство с Лугановичем, товарищем председателя окружного суда. Его вы знаете оба: милейшая личность. Это было как раз после знаменитого дела поджигателей; разбирательство продолжалось два дня, мы были утомлены. Луганович посмотрел на меня и сказал:

— Знаете что? Пойдемте ко мне обедать.

Это было неожиданно, так как с Лугановичем я был знаком мало, только официально, и ни разу у него не был. Я только на минуту зашел к себе в номер, чтобы переодеться, и отправился на обед. И тут мне представился случай познакомиться с Анной Алексеевной, женой Лугановича. Тогда она была еще очень молода, не старше двадцати двух лет, и за полгода до того у нее родился первый ребенок. Дело прошлое, и теперь бы я затруднился определить, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней, тогда же за обедом для меня все было неотразимо ясно; я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоду у моей матери.

В деле поджигателей обвинили четырех евреев, признали шайку, и, по-моему, совсем неосновательно. За обедом

я очень волновался, мне было тяжело, и уж не помню, что я говорил, только Анна Алексеевна все покачивала головой и говорила мужу:

— Дмитрий, как же это так?

Луганович — это добряк, один из тех простодушных людей, которые крепко держатся мнения, что раз человек попал под суд, то, значит, он виноват, и что выражать сомнение в правильности приговора можно не иначе, как в законном порядке, на бумаге, но никак не за обедом и не в частном разговоре.

— Мы с вами не поджигали, — говорил он мягко, — и вот нас же не судят, не сажают в тюрьму.

И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и пил; по некоторым мелочам, по тому, например, как оба они вместе варили кофе, и по тому, как они понимали друг друга с полуслова, я мог заключить, что живут они мирно, благополучно и что они рады гостю. После обеда играли на рояле в четыре руки, потом стало темно, и я уехал к себе. Это было в начале весны. Затем все лето провел я в Софьи-не безвыездно, и было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно легкая тень ее лежала на моей душе.

Позднее осенью в городе был спектакль с благотворительной целью. Вхожу я в губернаторскую ложу (меня пригласили туда в антракте), смотрю — рядом с губернаторшей Анна Алексеевна, и опять то же самое неотразимое, бьющее впечатление красоты и милых ласковых глаз, и опять то же чувство близости.

Мы сидели рядом, потом ходили в фойе.

— Вы похудели, — сказала она. — Вы были больны?

— Да. У меня простужено плечо, и в дождливую погоду я дурно сплю.

— У вас вялый вид. Тогда, весной, когда вы приходили обедать, вы были моложе, бодрее. Вы тогда были воодушевлены и много говорили, были очень интересны, и, признаюсь, я даже увлеклась вами немножко. Почему-то часто в течение лета вы приходили мне на память, и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу.

И она засмеялась.

— Но сегодня у вас вялый вид, — повторила она. — Это вас старит.

На другой день я завтракал у Лугановичей; после завтрака они поехали к себе на дачу, чтобы распорядиться там насчет зимы, и я с ними. С ними же вернулся в город и в полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке, когда горел камин, и молодая мать все уходила взглянуть, спит ли ее девочка. И после этого в каждый свой приезд я непременно бывал у Лугановичей. Ко мне привыкли, и я привык. Обыкновенно входил я без доклада, как свой человек.

— Кто там? — слышался из дальних комнат протяжный голос, который казался мне таким прекрасным.

— Это Павел Константинович, — отвечала горничная или няня.

Анна Алексеевна выходила ко мне с озабоченным видом и всякий раз спрашивала:

— Почему вас так долго не было? Случилось что-нибудь?

Ее взгляд, изящная, благородная рука, которую она подавала мне, ее домашнее платье, прическа, голос, шаги всякий раз производили на меня все то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного. Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своем, или же она играла мне на рояле. Если же никого не было дома, то я оставался и ждал, разговаривал с няней, играл с ребенком или же в кабинете лежал на турецком диване и читал газету, а когда Анна Алексеевна возвращалась, то я встречал ее в передней, брал от нее все ее покупки, и почему-то всякий раз эти покупки я нес с такою любовью, с таким торжеством, точно мальчик.

Есть пословица: не было у бабы хлопот, так купила порося. Не было у Лугановичей хлопот, так подружился они со мной. Если я долго не приезжал в город, то, значит, я был болен или что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно беспокоились. Они беспокоились, что я, образованный человек, знающий языки, вместо того чтобы заниматься наукой или литературным трудом, живу в деревне, верчусь как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша. Им казалось, что я страдаю, и если я говорю, смеюсь, ем, то только для того, чтобы скрыть свои страдания, и даже в веселые минуты, когда мне было хорошо, я чувствовал на себе их пытливые взгляды. Они были особенно трогательны, когда мне в самом деле приходилось тяжело,

когда меня притеснял какой-нибудь кредитор или не хватало денег для срочного платежа; оба, муж и жена, шептались у окна, потом он подходил ко мне и с серьезным лицом говорил:

— Если вы, Павел Константинович, в настоящее время нуждаетесь в деньгах, то я и жена просим вас не стесняться и взять у нас.

И уши краснели у него от волнения. А случилось, что точно так же, пошептавшись у окна, он подходил ко мне, с красными ушами, и говорил:

— Я и жена убедительно просим вас принять от нас вот этот подарок.

И подавал запонки, портсигар или лампу; и я за это присылал им из деревни битую птицу, масло и цветы. Кстати сказать, оба они были состоятельные люди. В первое время я часто брал займы и был не особенно разборчив, брал, где только возможно, но никакие силы не заставили бы меня взять у Лугановичей. Да что говорить об этом!

Я был несчастлив. И дома, и в поле, и в сарае я думал о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти старика (мужу было больше сорока лет), имеет от него детей, — понять тайну этого неинтересного человека, добряка, простака, который рассуждает с таким скучным здравомыслием, на балах и вечеринках держится около солидных людей, вялый, ненужный, с покорным, безучастным выражением, точно его привели сюда продавать, который верит, однако, в свое право быть счастливым, иметь от нее детей; и я все старался понять, почему она встретила именно ему, а не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошла такая ужасная ошибка.

А приезжая в город, я всякий раз по ее глазам видел, что она ждала меня; и она сама признавалась мне, что еще с утра у нее было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим. Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас не хватит сил бороться с нею; мне казалось невероятным, что эта моя ти-

хая, грустная любовь вдруг оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне так верили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог вести ее? Другое дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, если бы я, например, боролся за освобождение родины или был знаменитым ученым, артистом, художником, а то ведь из одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее в другую такую же или еще более будничную. И как бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти или, просто, если бы мы разлюбили друг друга?

И она, по-видимому, рассуждала подобным же образом. Она думала о муже, о детях, о своей матери, которая любила ее мужа, как сына. Если бы она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а в ее положении то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучил вопрос: принесет ли мне счастье ее любовь, не осложнит ли она моей жизни, и без того тяжелой, полной всяких несчастий? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила с мужем о том, что мне нужно жениться на умной, достойной девушке, которая была бы хорошей хозяйкой, помощницей, — и тотчас же добавляла, что во всем городе едва ли найдется такая девушка.

Между тем годы шли. У Анны Алексеевны было уже двое детей. Когда я приходил к Лугановичам, прислуга улыбалась приветливо, дети кричали, что пришел дядя Павел Константиныч, и вешались мне на шею; все радовались. Не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь. Все видели во мне благородное существо. И взрослые и дети чувствовали, что по комнате ходит благородное существо, и это вносило в их отношения ко мне какую-то особую прелесть, точно в моем присутствии и их жизнь была чище и красивее. Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, как чужие. В городе

А. П. Чехов. «О любви». Худ. В. Панов

уже говорили о нас бог знает что, но из всего, что говорили, не было ни одного слова правды.

В последние годы Анна Алексеевна стала чаще уезжать то к матери, то к сестре; у нее уже бывало дурное настроение, являлось сознание неудовлетворенной, испорченной жизни, когда не хотелось видеть ни мужа, ни детей. Она уже лечилась от расстройства нервов.

Мы молчали, и все молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чем бы я ни говорил, она не соглашалась со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника. Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно:

— Поздравляю вас.

Если, идя с ней в театр, я забывал взять бинокль, то потом она говорила:

— Я так и знала, что вы забудете.

К счастью или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время разлуки, так как Лугановича назначили председателем в одной из западных губерний. Нужно было продавать мебель, лошадей, дачу. Когда ездили на дачу и потом возвращались и оглядывались, чтобы в последний раз взглянуть на сад, на зеленую крышу, то было всем грустно, и я понимал, что пришла пора прощаться не с одной только дачей. Было решено, что в конце августа мы проводим Анну Алексеевну в Крым, куда посылали ее доктора, а немного погодя уедет Луганович с детьми в свою западную губернию.

Мы провожали Анну Алексеевну большой толпой. Когда она уже простилась с мужем и детьми и до третьего звонка оставалось одно мгновение, я вбежал к ней в купе, чтобы положить на полку одну из ее корзинок, которую она едва не забыла; и нужно было проститься. Когда тут, в купе, взгляды наши встретились, душевные силы оставили нас обоих, я обнял ее, она прижалась лицом к моей груди, и слезы потекли из глаз; целуя ее лицо, плечи, руки, мокрые от слез, — о, как мы были с ней несчастны! — я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе.

Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже ушел. Я сел в соседнем купе, — оно было пусто, — и до первой станции сидел тут и плакал. Потом пошел к себе в Софьино пешком...

Пока Алехин рассказывал, дождь перестал и выглянуло солнце. Буркин и Иван Иваныч вышли на балкон; отсюда был прекрасный вид на сад и на плес, который теперь на солнце блестел, как зеркало. Они любовались и в то же время жалели, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной; и они думали о том, какое, должно быть, скорбное лицо было у моло-

дой дамы, когда он прощался с ней в купе и целовал ей лицо и плечи. Оба они встречали ее в городе, а Буркин был даже знаком с ней и находил ее красивой.

Поразмышляем над прочитанным...

О героях рассказа А. П. Чехова «О любви»

Герой рассказа «О любви» Алехин утверждает: «...мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю».

В доказательство герой рассказывает историю своей любви. Но, перед тем как изложить ее, он говорит о себе несколько слов, бросающих свет на его характер и на образ русского интеллигента вообще.

Алехин кончил курс в университете, и, судя по всему, ему очень хотелось заняться науками. Он склонен к кабинетной работе. Однако случилось так, что герой поселился в имении, начал вести хозяйство, отнимавшее у него все время, и постепенно забыл и о науке, и о привычках культурного, образованного человека. Испытывая невыносимую скуку и брезгливость оттого, что занимается нелюбимым делом, которое — он чувствует — ему не нужно и которое, кроме душевной пустоты, ничего ему не приносит, он все-таки не бросает имения. Что же мешает ему уехать и начать жизнь, более соответствующую его склонностям и способностям? Долг отца? Но продай Алехин имение, он погасил бы долг, стал бы свободен.

Что же изменилось, когда герой полюбил? Какие вопросы тревожили его?

Чеховские герои, полюбив, не изжили дурной рефлексии, не возвысили свои души. Их неизменно тянет вниз груз серьезных нравственных сомнений. Запоздалое объяснение, пропущенное счастье! Алехин позднее понимает, как обманчиво было все то, что мешало любить. «Высший, более важный» смысл остался для Алехина недоступным.

Чехов отвергает тезис Алехина о специфичности русской любви... Писатель поведал о скорбной доле русского интеллигента, который не только по чужой, но и по собственной воле истощает чувства и убивает здоровые порывы и стремления.

В. Коровин

Вопросы и задания

1. В чем суть рассказа? О чем он? Кто его герои?
2. Можно ли было предположить, как будут развиваться события? По каким приметам вы сделали такие выводы?
3. Какое значение для развития действия имел рассказ о красивой Пелагее и поваре Никаноре?
4. Каково ваше отношение к героям и их поступкам? Что хотел сказать читателям автор? Как вы понимаете концовку рассказа?
5. Какие размышления у вас вызвал рассказ? Осуждаете или одобряете вы поступки героев?

А. П. ЧЕХОВ И ЕГО ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЗМА

Историзм А. П. Чехова связан прежде всего с русской культурой в широком понимании этого слова: культурой чувств, ума, общения, психологии, бытовых, служебных и общественных отношений. Например, тип «маленького человека» у Чехова переосмысливается. Русская литература всегда сострадала и сочувствовала «маленькому человеку», понимая крах его надежд и мечтаний, его ничтожное социальное положение (например, «Станционный смотритель» А. С. Пушкина). Писатели обвиняли сильных мира сего и все общественное устройство в жестоком отношении к обыкновенному человеку. Чехов считает иначе: в ходе исторического развития «маленький человек» превратился в «мелкого человека». Теперь он нуждается не в сочувствии, а в осмеянии: покорность, приниженность, рабство служат причиной торжествующего зла. И если о чем и сожалеет автор, то только о незыблемости рабской природы, в которой живет страх и таится собственная гибель (вспомним рассказы «Хамелеон», «Размазня»).

Вопросы и задания

Подтвердите мысль об эволюции «маленького человека» у Чехова примерами из прочитанных в 5, 6 и 7-м классах рассказов писателя.

Иван Алексеевич БУНИН

1870—1953

Прошли годы, о которых Бунин писал:

В чужом мне мире, сложном и огромном,
Я молод был, безвестен, одинок...

Литературная судьба писателя складывалась счастливо, критики в общем похвально отзывались о нем, после первой книжки рассказов его называли «певцом осени, грусти и дворянских гнезд», хвалили за прекрасный язык. В конце века особенно чувствовалась нарастающая тревога. Уже не одно только разорение дворянских гнезд, но и рост революционного движения тревожили ту среду, в которой вырос Бунин.

Рассказы Бунина, меланхолические, с грустью повествующие о прошлом, нравились. Единодушно хвалили его как даровитейшего художника слова, мастера психологического портрета, новеллиста, тонко чувствующего русскую природу, чудесно передающего пейзаж. В более поздние годы он пишет о русской песне, о ее пре-

лести в сочетании с трудом косарей («Косцы»). Пишет страстно и поэтично, как великий художник, заставляя нас вспомнить Тургенева и его рассказ «Певцы».

«Ничего лишнего» — это своего рода вечный завет писателя самому себе. Он следовал ему упорно, вымарывая иногда то, чем другой беллетрист, вероятно, гордился бы: подробности, детали, которые легко запоминались. Например, в рассказе «Кавказ» он вычеркивает: «Я налил ей белого вина в вагонный стакан с голубой надписью „Одоль“».

Литература о любви, высоком и прекрасном чувстве, дарованном человеку, неисчерпаема. Если обратиться к мировой литературе всех времен, то убедишься, что некоторые прекрасные произведения написаны главным образом о несчастной любви. И. А. Бунин много писал о любви. Обманутая любовь — одна из постоянных тем Бунина, она есть и в рассказах «Сны Чанга», «Кавказ», «При дороге» и др. Сила воображения писателя рисовала ему сложные столкновения характеров, оригинальные сюжеты произведений.

Критика часто отмечала влияние Чехова на Бунина. Сближало их «выдумывание жизненных подробностей». Они часто беседовали об этом. В открытии таких ценных для писателя находок Бунин достиг высокого совершенства. Чехов угадал в Бунине большого художника с редкой памятью и зорким глазом, схватывавшим жизненные черточки, умевшим видеть и наблюдать жизнь.

Нет сомнения в том, что Бунин заслужил признание как даровитейший художник слова, писатель, который умел передать тончайшие чувства человека, как наблюдатель жизни, обладавший острейшей зоркостью глаза.

По книге Л. Никулина «Чехов, Бунин, Куприн»

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о жизни и творчестве И. А. Бунина? Как прошло его детство? Кто, по словам писателя, оказал на него особенно благотворное влияние?
2. Что вы можете рассказать о творческой лаборатории писателя?
3. Какие произведения И. А. Бунина были прочитаны вами в классе и самостоятельно? Какое впечатление произвели на вас рассказы «Косцы» и «Цифры»? Расскажите об одном из героев рассказа «Цифры».

Кавказ

Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз входила поспешно, со словами:

— Я только на одну минуту...

Она была бледна прекрасной бледностью любящей взволнованной женщины, голос у нее срывался, и то, как она, бросив куда попало зонтик, спешила поднять вуальку и обнять меня, потрясало меня жалостью и восторгом.

— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы наш план удался, я должна быть страшно осторожна. Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря, но, ради Бога, будьте терпеливы!

План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди черных кипарисов, у холодных серых волн... И она бледнела, когда я говорил: «А теперь я там буду с тобой, в горных джунглях, у тропического моря...» В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.

В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток. И был темный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто.

В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше. Я немедленно опустил оконную занавеску и, как только носильщик, обтирая мокрую руку о свой белый фартук, взял на чай и вышел, на замок запер дверь. Потом чуть приоткрыл занавеску и замер, не сводя глаз с разнообразной толпы, взад и вперед сновавшей с вещами вдоль вагона в темном свете вокзальных фонарей. Мы условились, что я приеду на вокзал как можно раньше, а она как можно позже, чтобы мне как-нибудь не столкнуться с ней и с ним на платформе. Теперь им уже пора было быть. Я смотрел все напряженнее — их все не было. Ударил второй звонок — я похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил ее! Но тотчас вслед за тем был поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал ее под руку. Я отшатнулся от окна, упал в угол дивана. Рядом был вагон второго класса — я мысленно видел, как он хозяйственно вошел в него вместе с нею, оглянулся, — хорошо ли устроил ее носильщик, — и снял перчатку, снял картуз, целуясь с ней, крестя ее... Третий звонок оглушил меня, тронувшийся поезд поверг в оцепенение... Поезд расходился, мотаясь, качаясь, потом стал нести ровно, на всех парах... Кондуктору, который проводил ее ко мне и перенес ее вещи, я ледяной рукой сунул десятирублевую бумажку...

Войдя, она даже не поцеловала меня, только жалостно улыбнулась, садясь на диван и снимая, отцепляя от волос шляпку.

— Я совсем не могла обедать, — сказала она. — Я думала, что не выдержу эту страшную роль до конца. И ужасно хочу пить. Дай мне нарзану, — сказала она, в первый раз говоря мне ты. — Я убеждена, что он поедет вслед за мною. Я дала ему два адреса, Геленджик и Гагры. Ну вот, он и будет дня через три-четыре в Геленджике... Но Бог с ним, лучше смерть, чем эти муки...

Утром, когда я вышел в коридор, в нем было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами под-

солнечников и алыми мальвами в палисадниках... Дальше пошел безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо, подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...

Из Геленджика и Гагр она послала ему по открытке, написала, что еще не знает, где останется.

Потом мы спустились вдоль берега к югу.

Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами, цветущими кустарниками, красным деревом, магнолиями, гранатами, среди которых поднимались веерные пальмы, чернели кипарисы...

Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шел по холмам в лесные чащи. Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком¹ базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов, — по утрам съезжалось туда на базар множество разноплеменных горцев, — плавно ходили черкешенки в черных длинных до земли одеждах, в красных чувяках², с закутанными во что-то черное головами, с быстрыми взглядами, мелькавшими порой из этой траурной закутанности.

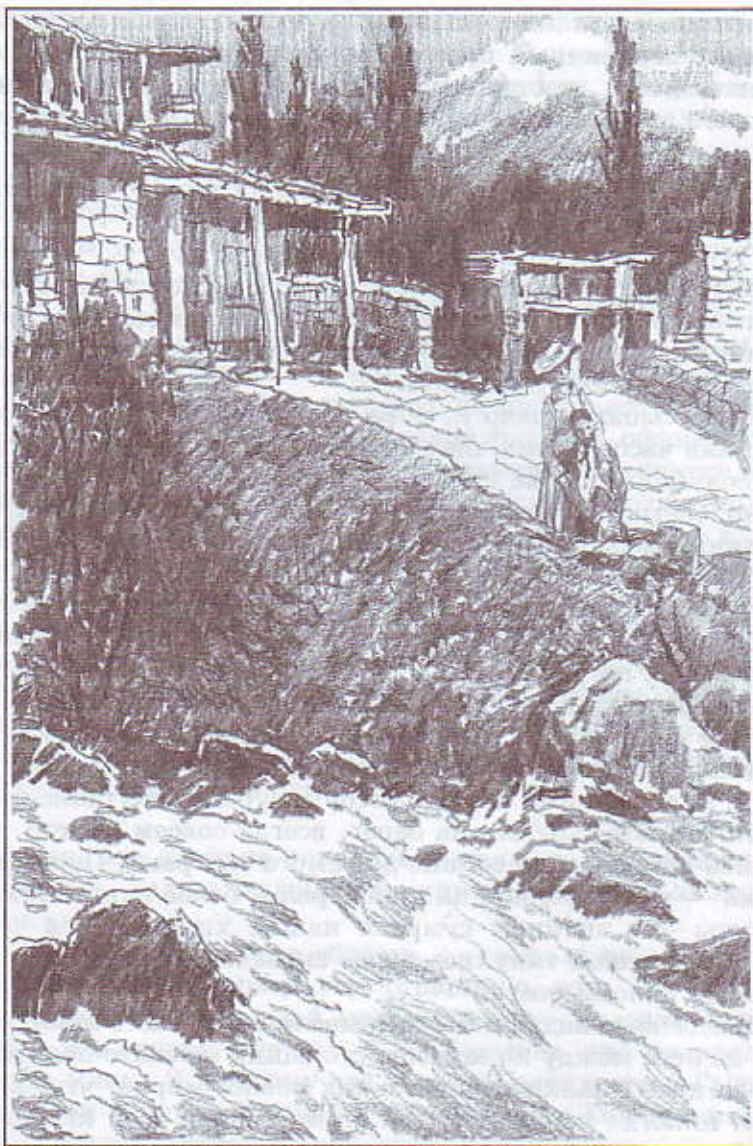
Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака. После завтрака — все жаренная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты — в знойном сумраке нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, веселые полосы света.

Когда жар спадал и мы открывали окно, часть моря, видная из него между кипарисов, стоявших на скате под нами, имела цвет фиалки и лежала так ровно, мирно, что, казалось, никогда не будет конца этому покою, этой красоте.

На закате часто громоздились за морем удивительные облака; они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две-три недели — и опять Москва!

¹ Кизяк — сухой навоз.

² Чувяки — обувь из мягкой кожи.

И. А. Бунин. «Кавказ». Худ. И. Пчелко

Ночи были теплы и непроглядны, в черной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи, стеклянными колокольчиками звенели древесные лягушки. Когда глаз привыкал к темноте, выступали вверху звезды

и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днем. И всю ночь слышался оттуда, из духана¹, глухой стук в барабан и горловой, заунывный, безнадежно-счастливый вопль как будто все одной и той же бесконечной песни.

Недалеко от нас, в прибрежном овраге, спускавшемся из лесу к морю, быстро прыгала по каменистому ложу мелкая, прозрачная речка. Как чудесно дробился, кипел ее блеск в тот таинственный час, когда из-за гор и лесов, точно какое-то дивное существо, пристально смотрела поздняя луна!

Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тьякали чекалки². Раз к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их, — они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, — мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тьякали, просились к нам... Она радостно плакала, глядя на них.

Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом³, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов.

ИСТОРИЗМ И. А. БУНИНА

Историзм Бунина отличается проникновенным вниманием к чувственной, ощущаемой, инстинктивной стороне жизни. Писатель описывает прошлое, воссоздавая атмосферу усадьбы, уединенной сельской жизни, темной аллеи, песен косцов, памятной сердцу комнаты. Его повествование включает чувственное ощущение времени, про-

¹ Духан — небольшой трактир, ресторан.

² Чекалка — земляной зайчик или мышь (словарь Даля).

³ Шартрез — сорт французского ликера.

странства, звука. Тут все имеет значение: и общая атмосфера, и любая подробность. История как бы живет в душе, и, когда настанет час, она вдруг явится в окружении таких ее свойств, которые воспринимаются не только органами чувств, но и настроением, движением сердца: особое освещение природы, блики на лице любимой женщины, шелест ее платья, едва уловимый шорох ее шагов.

Найдите эти качества бунинской прозы и бунинского историзма в прочитанных вами произведениях.

Поразмышляем над прочитанным...

1. И. Бунин прожил большую часть своей жизни в эмиграции, но сердцем всегда был в России, интересовался всем, что происходит на родине. Рассказы его посвящены многим темам: любви, вечным темам — сострадания, жизни и смерти. Вы прочитали небольшой рассказ, который назван «Кавказ». Какой теме он посвящен? Каким настроением пронизан?
2. Как проявился историзм И. А. Бунина в рассказе «Кавказ»? Какое время отражено писателем? Какие приметы времени заметили вы в тексте бунинского произведения?
3. Проследите, как автор вводит в рассказ описания природы. Что этим достигается? Как меняется настроение героев?
4. В чем несчастье и счастье героев? Что говорят об этом начало и концовка рассказа? В начале рассказа героиня сообщает, что ее муж заявил: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Исполнил ли он свою угрозу? Как вы считаете, кто главный герой этого рассказа?
5. И. Бунин считал важным для себя найти «звук» для того, чтобы сложилось новое произведение. Какой «звук» мог явиться истоком рассказа «Кавказ»?

Развивайте дар слова

1. Чем кончается рассказ и что он оставляет в душе читателя? Виноват ли кто-нибудь из героев в разыгравшейся трагедии? Подготовьте ответ-рассуждение на этот вопрос.
2. Подготовьте выразительное чтение этого рассказа.
3. Подготовьте устную или письменную рецензию на прочитанное произведение.

Александр Иванович КУПРИН

1870—1938

Родился Александр Иванович Куприн в небольшом городке Наровчат. Много лет спустя, будучи уже известным писателем, Куприн с добрым юмором писал о родном городе: «Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, ровно ничем не замечательный. Соседние городки, по русской охальной привычке, дразнят его: „Наровчат, одни колышки торчат”. И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намека на камень; река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое да сухое, а народ — ротозей. Долго ли тут до Божьего поущения? Так и выгорал из года в год славный город...»

Отца Куприн не помнил. Когда тот умер, будущему писателю было около года. Детские годы Куприна прошли в Москве в сиротском пансионе. Затем кадетский корпус, военное училище, офицерская служба в армии. Но армейская служба продолжалась недолго. Двадцатичетырехлетний поручик уходит в отставку. Сотрудничает в киевских газетах, получает признание читателей. Вскоре Куприн становится одним из лучших русских писателей-прозаиков. Во время Гражданской войны писатель, отступая вместе с войсками белых, оказывается за границей — сначала в Эстонии, затем в Финляндии, а с 1920 года живет в Париже.

Юношеские, «юнкерские» впечатления, воспоминания о недолгой офицерской службе подсказали многие сюжеты, образы, характеры персонажей рассказов и повестей А. И. Куприна. Целостную, обобщающую картину состояния русской армии писатель воссоздает в одном из самых известных своих произведений —

повести «Поединок». После «Поединка» писатель надолго оставляет армейскую тематику. Он пишет замечательные повести о любви — «Гранатовый браслет» и «Олеся», рассказы для детей и о детях, психологически тонкие бытовые зарисовки. Героями последнего крупного произведения А. И. Куприна — романа «Юнкера», опубликованного в Париже в тридцатые годы, — вновь становятся будущие русские офицеры, воспитанники военного училища. «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкера, наша жизнь, наши обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнкера“ — это мое завещание русской молодежи», — говорил о романе автор.

«Куст сирени» — одно из ранних произведений писателя, но лучшие качества прозы Куприна — психологизм, многозначность художественной детали, увлекательность сюжета — в полной мере присущи этому рассказу.

Вопросы и задания

1. Вспомните, какие рассказы А. И. Куприна вы уже читали в классе или самостоятельно. Чем они вам запомнились?
2. Назовите основные этапы жизни писателя.
3. Какие темы затрагивал А. И. Куприн в своих произведениях?
4. Используя материал статьи в учебнике и сведения из энциклопедий или биографических словарей, подготовьте устный рассказ о жизни и творчестве А. И. Куприна.

Куст сирени

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошел в свой кабинет. Жена, как только увидела его надувшееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю

и самую трудную практическую работу — инструментальную съемку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на все рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Она отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головой работой человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минут пять тяжелого молчания, тоскливо нарушаемого хромым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим: раз, два, три-три: два чистых удара, третий с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него также молча, с страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила первая, с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого труднобольного человека...

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он передернул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, все равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздраженно, как обыкновенно говорят, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Все к черту пошло!.. Всю эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами, — всю эту дрянь хоть в печку выбрасывай теперь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, черт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обиженным выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трех часов не ложился, нужно было окончить. План прекрасно вычерчен и иллюминирован. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Стал подчищать и еще больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил кучу деревьев на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Так, так, н-да. А откуда у вас здесь, поручик, кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как все было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеется, — аккуратный такой немец, педант. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». Слово за слово, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут еще много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, говорит, что на этой седловине есть кусты, то извольте завтра же ехать туда со мной верхом... Я вам докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо с трехверстной карты...»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, Господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню. Самый безобразнейший педант, какие только есть на свете, да еще немец вдобавок... Ну и окажется в конце концов, что я лгу и в препирательство вступаю... Кроме того...

Во все время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швырнул их на пол. Видно было, что этому сильному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжелом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением вскочила с кресла.

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей.

Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли.

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением... А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращил глаза Николай Евграфович.

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не здесь ищешь, посмотри в шкапу... Зонтик!

Пока Алмазов, пробовавший было возражать, но невыслушанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с солитером¹ дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадет. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться, не забыто ли что-нибудь дома.

— Едем, — сказала она наконец решительно.

— Но куда же мы поедем? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять верст.

— Глупости... Едем!

Раньше всего Алмазовы заехали в ломбард. Видно было, что оценщик так давно привык к ежедневным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезенные ве-

¹ *Солитер* — крупный бриллиант, вправленный в брошь или перстень отдельно, без других камней.

щи, что Верочка начинала уже выходить из себя. Особенно обидел он ее тем, что попробовал кольцо с брильянтом кислотой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий брильянт, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, и то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Нам это все равно-с, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросая на чашечку весов следующую вещь, — мы оцениваем только металлы-с.

Зато старинный и погнутый браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценен очень дорого. В общем, однако, набралось около двадцати трех рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, белая петербургская ночь уже разлилась по небу и в воздухе синим молоком. Садовник, чех, маленький старичок в золотых очках, только что садился со своей семьей за ужин. Он был очень изумлен и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настойчивые просьбы отвечал очень сухо:

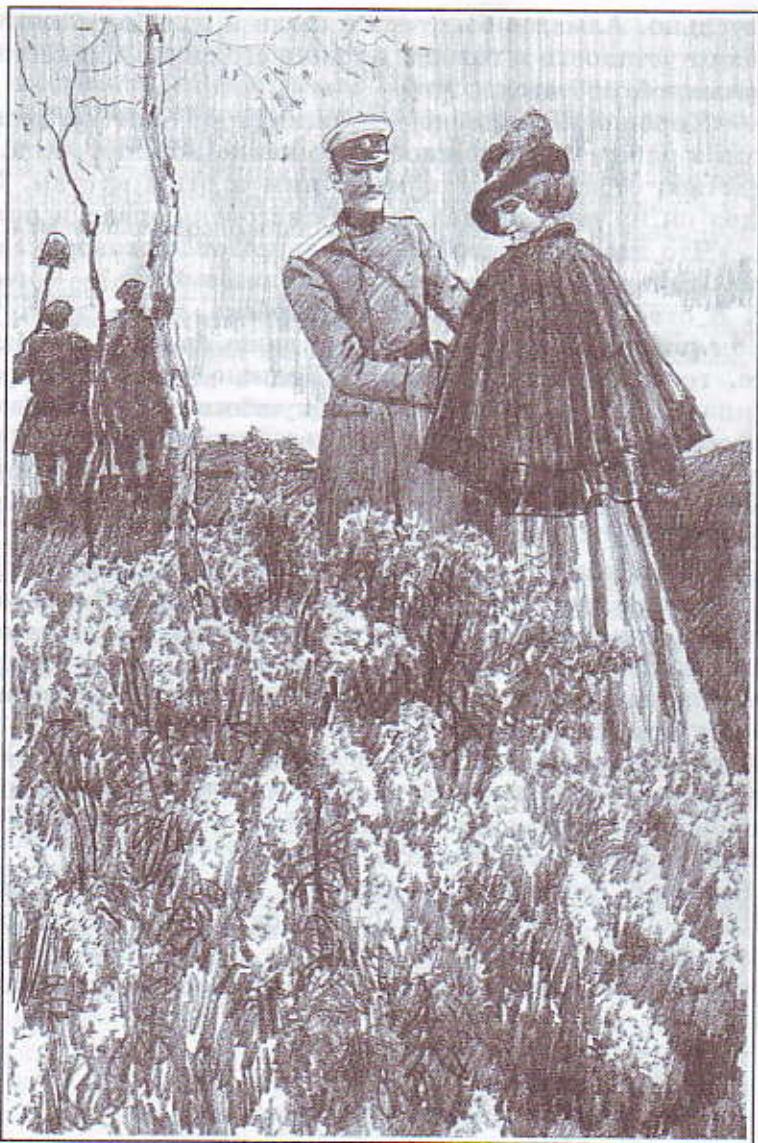
— Извините. Но я ночью не могу посылать в такую даль рабочих. Если вам угодно будет завтра утром — то я к вашим услугам.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но когда Вера дошла до того, как у нее возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать, — скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако из всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, все время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мешала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дерн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю седловинку.

А. И. Куприн. Куст сирени. Худ. И. Пчелко

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походке, узнала, что история с кустами кончилась благополучно... Дей-

ствительно, Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он еще за десять шагов в ответ на тревожное выражение женина лица. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, ваше-ство». — «Березка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, березка, ваше-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорит, меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его еще и еще раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Прохожие с недоумением останавливались, чтобы еще раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже глупости, и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком...

Вопросы и задания

1. Понравился ли вам рассказ «Куст сирени»? Что, кроме занимательного сюжета, привлекло вас в этом произведении А. И. Куприна?
2. Внимательно выбирая цитаты из текста рассказа, подготовьте материалы к сравнительной характеристике Николая и Веры Алмазовых, продолжив в тетради следующую таблицу.

Николай	Вера
«...он выпустил из рук портфель, который упал на пол и почти раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...»	«Она научилась встречать каждую неудачу с ясным, веселым лицом».

3. Перечитайте выписанные вами цитаты, сделайте вывод о характерах героев рассказа.
4. Какое произведение зарубежной литературы, прочитанное вами в 7-м классе, напоминает этот рассказ? Можно ли сказать о чувстве самоотверженности и любви героев этих рассказов?

Развивайте дар слова

1. Как вы полагаете, можно ли считать рассказ «Куст сирени» еще одним произведением о любви? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.
2. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Счастлива ли Вера Алмазова?».
3. Подготовьте устный или письменный отзыв на прочитанный рассказ А. И. Куприна «Куст сирени».
4. Какой из рассказов о любви (Чехова, Бунина, Куприна) вам показался наиболее интересным? Мотивируйте свой ответ.

Александр Александрович БЛОК

1880—1921

Я много пережил лично и был участником нескольких, быстро сменявших друг друга, эпох русской жизни.

А. Блок

Александр Александрович Блок прошел недолгий, но сложный творческий путь, заполненный большими историческими событиями и явлениями. На глазах у Блока происходили никогда не слышанные ранее исторические перемены. Старая и новая Россия, ее прошлое, настоящее и будущее, история и современность — это вопросы, которые всю жизнь волновали Блока и на которые он искал ответ. Один из исследователей его творчества, В. Орлов, назвал его «самым историческим поэтом в литературе XX века, ибо все, что он писал, исторично, проникнуто духом живой, каждодневно творимой истории».

Впервые интерес к истории пробудился у Блока, вероятно, в семье его деда, ректора Петербургского университета А. Н. Бекедова. Здесь, по словам писателя, господствовал «дух русского гуманизма». Идейное воспитание Блока проходило в традициях передовой интеллигенции.

Дальнейшее развитие интерес к истории у Блока получил в университетские годы. В 1898 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Блок писал отцу, что его особенно интересует история русского права. Впоследствии он перешел с юридического на филологический факультет.

В печати Блок начал выступать с поэтическими произведениями и с научными статьями. Его интересовала прежде всего жизнь народа. История господствующего класса представлялась ему скучной и «безобразной». Блок пишет отцу, что никогда не станет ни «революционером», ни «строителем жизни», и не потому, что

не видит «в том и другом смысла, а просто по природе, качеству и теме душевных переживаний»...

После революции 1905 г. в творчестве Блока все более вырисовывается тема двух России: России официальной, самодержавной, бюрократической и России народной.

Россия для Блока — это прежде всего родина, а родина для поэта — это «огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое».

Из произведений исторического характера, написанных Блоком до революции 1917 г., лучшими являются стихотворный цикл «На поле Куликовом» и поэма «Возмездие». В первом цикле, созданном в 1908 г. и посвященном Куликовской битве 1380 г., поднята большая патриотическая тема борьбы русского народа за национальную независимость своей родины. Куликовская битва для поэта — исторический факт, дающий повод для размышлений о настоящем и будущем России.

В народе, говорит Блок, «царствует как будто сон и тишина». «Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина», однако над ним «полыхает далекая и зловещая зарница». Эту «зарницу» будущего народного движения как бы мысленно видит поэт. Он верит, что народный «стан» выступит и победит «стан», ему противостоящий...

Свойственным Блоку чувством историзма он пытается определить место совершившихся перемен в общем историческом процессе.

Л. Черепнин

Вопросы и задания

1. Какие стихотворения А. Блока вам знакомы? О чем они?
2. Когда впервые у Блока появился интерес к истории? Какой представлялась ему Россия? Прочитайте главы из книги Д. Лихачева о Куликовской битве, затем цикл стихотворений «На поле Куликовом». Подумайте, почему Русь сравнивается с женой, какие картины рисует поэт и какие мысли его волнуют.

МИР НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Чужеземное иго

...Когда в результате Калкской битвы и нашествия орд Батыя были потеряны не только единство Русской земли, но и независимость разрозненных русских княжеств, сознание единства всей

Русской земли стало еще острее ощущаться в литературе. Бессознательным выражением русского единства стал единый на всей территории Русской земли русский язык, а сознательным — вся русская литература. «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», цикл рязанских повестей и особенно русские летописи напоминали о былом историческом единстве Русской земли и тем самым как бы призывали вновь обрести это единство и независимость.

Битва

Восьмого сентября 1380 г. соединенные силы русских княжеств одержали решительную победу над огромным войском Золотой Орды, двигавшейся на Русь под предводительством хана Мамаю. Произошло это на Куликовом поле около реки Непрядвы за Доном. Воины обеих сторон сражались с неслыханным упорством. Люди гибли не только от ран, но и задыхались от великой тесноты. «Всюду бо множество мертвых лежаху, и не можаху кони ступати по мертвым, не токмо же оружием убивахуся, но сами себя бьюще и под коньскими ногами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко немощно бо вместитися на поле Куликово между Доном и Мечи (рекой), множества ради многих сил сошедшеся».

Первым павшим на Куликовом поле был Александр Пересвет, что перед изготовившимися к бою ратями принял вызов Толубея и погиб, сразив врага... Пересвет и Ослябя для множества поколений были и остаются символом ратного подвига.

Войско Мамаю наступало первым, устремившись в атаку с высокого места. Вслед за конницей шла пехота тесным строем, «ибо несть, где им расступитися». Шли с копьями наперевес; задние ряды клали свои копья на плечи передних. У передних были более короткие копья, у задних — длинные. Рать Мамаю оцетинилась копьями.

Не выдержав натиска, русские войска стали отступать. Победа, казалось, была на стороне Мамаю: «Грозно и жалостно в то время бяше тогда слышати, зане же трава кровик пролита бысть, а дресева тугою (скорбью. — *Д. Л.*) к земле приклонишася», но тут выступил из леса хорошо спрятанный засадный полк под опытным предводительством двоюродного брата Дмитрия — князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Боброка Волынского и ударил в тыл и фланг войскам Мамаю. Выдержка, с которой русские в засадном полку дождались нужного момента, не выдав

своего присутствия, решила многое. Победа была полная, и войско Дмитрия далеко преследовало Мамаю.

После победы и заупокойного богослужения на Куликовом поле Дмитрий Донской провозгласил тут же, «став на костях», вечную память всем погибшим.

С обеих сторон полегло более половины воинов. Значит, сражаясь, оба войска понимали, что от исхода битвы зависит многое. Что же такое было это «многое»? Получили ли русские княжества какое-то существенное преимущество? Ведь всего лишь через два года после Куликовской победы — в 1382 г. преемнику разбитого Мамаю хану Тохтамышу удалось организовать новый поход на Москву, но взять Москву удалось только «изгоном» (внезапным набегом) — потому что поход был организован в глубокой тайне и осуществлен с необычайной быстротой. Москва была разграблена, и прежняя зависимость от Орды восстановлена.

В 1385 г. на Москву идет походом знаменитый завоеватель всей Передней Азии Тамерлан (Темир Аксак — как называют его русские летописи). Московский князь Василий Дмитриевич готовится к отпору и собирает войско. В Москву переносится главная святыня Владимирского княжества — икона Владимирской Божьей Матери.

Тамерлан не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий Дмитриевич прекратил снова уплату дани. Тогда хан Золотой Орды Едигей снова тайно подготовленным и внезапным набегом вторгся на Русь и осадил Москву. Взяв «откуп», он удалился. Но переход от покорности к сопротивлению стал уже совершившимся фактом. Неизбежность освобождения Руси от Золотой Орды стала ясна для обеих сторон.

Куликовская победа была величайшим переломом в русской истории. В чем же заключался этот перелом?

Это был перелом в сознании, в самосознании русского народа, в появлении острой потребности в государственном единстве и государственной независимости.

«Похвала и жалость»

Почему такая тоска и боль в гениальном цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом»? Почему так тесно сопряжены для Блока его современность и события на Непрядве? Почему чувствует Блок самого себя как бы участником Куликовской битвы?

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Из всех циклов стихотворений Блока именно этот — «На поле Куликовом» — самый народный, самый национальный. И не потому народный и национальный, что в нем встречаются образы русской народной поэзии, а потому, что в течение шестисот лет, прошедших со времени величайшей в русской истории Куликовской победы, отношение к ней русского народа было именно таким, каким его выразил Блок в своих пяти стихотворениях.

«Мамаевым побоищем» назвал народ Куликовскую битву. «Жалостью и похвалой» назвал автор «Задонщины» в XV в. свою поэму о битве за Доном на Непрядве. И древнерусские повести о Куликовской битве, и цикл стихов Блока «На поле Куликовом» объединены общим настроением — настроением не только похвалы победе, но и жалостью по погибшим.

Пожалуй, нет события в русской истории, которое вызвало бы такое количество монументальных и одновременно столь лирических литературных откликов. Две поэтические летописные повести, знаменитая «Задонщина», цикл произведений, объединяемых названием «Сказание о Мамаевом побоище», и десятки, а может быть, и сотни других произведений, в которых говорится о Куликовской битве, на протяжении шести столетий! И всюду Куликовская победа выступает в лирическом ореоле задушевной похвалы победителям и глубокой жалости о погибших, — погибших не только в самой битве, но и за десятилетия «иссушающего душу народа» чужеземного ига, когда, по словам летописца, «и хлеб не шел в рот от страха».

Д. С. Лихачев

Вопросы и задания

1. Какую роль отводит исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачев русской литературе в осознании необходимости единства Русской земли?
2. Сопоставьте впечатления от чтения стихотворного цикла А. Блока «На поле Куликовом» и рассказа Д. С. Лихачева.

— **На поле Куликовом**

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!

«Стихи о России». Сборник стихов А. Блока.
Обложка работы Г. Нарбута

И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взывает больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

В ночь, когда Мамай залег с ордою
 Степи и мосты,
 В темном поле были мы с Тобою, —
 Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
 Средь ночных полей,
 Слышал я Твой голос сердцем вещим
 В криках лебедей.

С полуночи тучей возносила
 Княжеская рать,
 И вдали, вдали о стремя билась,
 Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
 Реяли вдали.
 А над Русью тихие зарницы
 Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
 Угрожал бедой,
 А Непрядва убралась туманом,
 Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
 Прямо на меня
 Ты сошла в одежде, свет струящей,
 Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
 На стальном мече,
 Освежила пыльную кольчугу
 На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
 Двинулась орда,
 Был в щите Твой лик нерукотворный
 Светел навсегда.

14 июня 1908

Опять с вековою тоскою
 Пригнулись к земле ковыли.
 Опять за туманной рекою
 Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
 Степных кобылиц табуны,
 Развязаны дикие страсти
 Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
 Как волк под ущербной луной,
 Не знаю, что делать с собою,
 Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
 И трубные крики татар,
 Я вижу над Русью далече
 Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
 Я рыщу на белом коне...
 Встречаются вольные тучи
 Во мгlistой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
 В растерзанном сердце моем,
 И падают светлые мысли,
 Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
 Быть светлым меня научи!»
 Вздымается конская грива...
 За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

И мглою бед неотразимых
 Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
 Взошла и расточилась мгла,
 И, словно облаком суровым,
 Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колени...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

Поразмышляем над прочитанным...

1. Литературовед А. С. Елеонская в статье «Куликовская битва и русская литература» пишет:
«Горячей любовью к родине пронизан цикл стихотворений „На поле Куликовом“, где история и современность также даны в неразрывном художественном переплетении. Судьба России — вечный бой:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Образная система цикла „На поле Куликовом“ несет на себе следы влияния древнерусской и фольклорной поэтики: образ реки; именование Руси женой (по-древнерусски жена — и супруга, и просто женщина); формула „сам-друг“; противопоставление света и тьмы; включение в действие высших сил — в данном случае Богородицы, образ которой сливается с образом Прекрасной дамы».

Найдите в тексте цикла «На поле Куликовом» следы влияния древнерусской и фольклорной поэтики. Прочитайте эти фрагменты.

Подумайте, какое значение они имеют для воспроизведения картин далекого исторического прошлого.

2. О чем повествует Блок в цикле «На поле Куликовом»? Как передается поэтом историческое событие — битва на поле Куликовом?
Почему Блок сравнивает Русь с женой? Как вы понимаете строки: *О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь! И вечный бой! Покой нам только снится...?*
3. Какое настроение преобладает в произведении? Каким образом оно достигается? С какими произведениями сближается текст поэмы в словах: *На пути — горячий белый камень...?*
4. Как можно объяснить строки?

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

5. Какие художественные средства (тропы) используются поэтом в словосочетаниях: *река раскинулась, течет, грустит лениво, скудная глина желтого обрыва, грустят стога, идут испуганные тучи, горячий белый камень, долго будет родина больна, вековая тоска, ущербная луна?*
6. Как вы понимаете концовку в стихотворении «Россия»?
7. Чем объединены стихотворения А. Блока в цикле «На поле Куликовом» (жанром, темой, единым замыслом, исторической эпохой, единым поэтическим настроением, местом действия)?

Развивайте дар слова

Подготовьте чтение цикла или отрывка из него, подчеркните пафос произведения. Обратите внимание, что поэт повторяет одно слово в строках: «*Опять с вековой тоскою...*», «*Опять на поле Куликовом..*», даже в стихотворении «Россия» — «*Опять, как в годы золотые...*». Что подчеркивается поэтом?

Цикл (гр. *kuklos* — круг, колесо) — несколько художественных произведений, объединенных общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом, иногда рассказчиком, исторической эпохой, единым поэтическим настроением, местом действия (например: былины об Илье Муромце, цикл повестей М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», циклы стихотворений А. Блока «Вольные мысли», «На поле Куликовом» и др.).

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

Сергей Есенин — самый популярный русский поэт XX века. Многие литературоведы и писатели пытались понять секрет непреходящей всероссийской любви к поэзии Есенина. Иногда на страницах печати появлялись предположения, что любовь эта — результат незыскательности и неискушенности массового читателя. Но вряд ли можно всерьез воспринимать такие доводы. Более убедительными представляются суждения людей, которых никак не заподозришь в неискушенности в делах поэтических, — Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. «Со времени Кольцова земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией», — писал Пастернак в очерке «Люди и положения». Это о характере самого поэта, о кажущейся артистической легкости его труда, об удивительной ясности, прозрачности и ошеломляющей искренности его поэзии.

А вот слова Марины Цветаевой о Есенине:

И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал, —
Много жил — кто в наши жил
Дни, все дал — кто песню дал.

«...Песню дал» — а ведь на Руси для поэта дать песню, не однодневку, а на многие десятилетия, — заслужить высшее признание. Так было с Пушкиным и Лермонтовым, Кольцовым и Некрасовым. И сегодня наравне с «Узником», «Хуторком», «Коро-

бейниками» и «Тройкой» звучат по всей стране «Не жалею, не зову, не плачу...», «Отговорила роща золотая...», «Клен ты мой опавший...», «Ты жива еще, моя старушка...».

Есенин известен прежде всего как поэт-лирик. Его пейзажная и любовная лирика светла, задушевна, музыкальна. Но самая главная тема есенинской поэзии — Россия, любовь к родному краю. И потому в своей поэзии он часто обращается к истории родины: поэмы «Марфа Посадница» и «Песнь о великом походе». Тревожит и мучает поэта современность.

Он пытается угадать будущее страны. То надеясь, то впадая в отчаяние, поэт признается:

И тем С того и мучаюсь,
Станет Что не пойму,
Восход Куда несет нас рок событий...

И вновь обращается к истории, стремясь понять настоящее, напрямую изучает судьбы людей, живших в переломные эпохи. Одно из таких обращений — драматическая поэма «Пугачев».

Вопросы и задания

1. Вспомните, какие произведения С. А. Есенина вы уже читали в классе, с какими познакомились самостоятельно? Узнали бы вы стихотворения С. А. Есенина, если бы вам их прочитали, не назвав имени автора? По каким «приметам» узнаются стихи поэта?
2. Какие характерные черты таланта С. Есенина отметили В. Пастернак и М. Цветаева?
3. Какие песни и романсы на стихи С. Есенина вы слышали? Как вы думаете, почему многие есенинские стихотворения стали песнями?
4. Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из стихотворений Есенина.

ПУГАЧЕВ

Отрывки

I

Появление Пугачева в Яицком городке

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,

Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.
Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.
Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.
О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овес на водопой рысцей,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.
С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от ценких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.

Всех связали, всех вневолители,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачев

Невеселое ваше житье.
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,

Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

Пугачев

Как Петра? Что ты сказал, старик?

Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

Я положил себе зарок молчать до срока.

Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

Сторож

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спят ребятишек.

Пугачев

Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любою крышей.
Прощай, старик!

Сторож

Храни тебя Господь!

.....
.....

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Но что я вижу?

Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух. <...>

V

Уральский каторжник

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,

Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится.
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека. <...>

VIII

Конец Пугачева

Пугачев

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли там свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?
Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?

Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Поразмыслиаем над прочитанным...

1. Вы знакомились ранее с романом А. С. Пушкина «Капитанская дочка», преданиями, песнями, рассказывающими о Пугачеве и пугачевском восстании, с документами об этих событиях. Теперь вы прочитали фрагменты поэмы С. Есенина «Пугачев». Каким предстает предводитель восстания в этом произведении?

В чем различие и в чем сходство между героем Есенина и Пугачевым в текстах преданий и в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»?

2. В чем принципиальное различие в оценке бунта Пушкиным и Есениным? О чем говорит Пугачев? К чему призывает? О чем горюет? Как вы понимаете строки: *Я положил себе зарок молчать до срока, Ржет дорога в жуткое пространство; Луна, как желтый медведь, / В мокрой траве ворочается; Яик, Яик, ты меня звал / Стоном придавленной черни!.. ?*

3. Обратите внимание на художественные особенности поэмы, определите виды тропов (олицетворения, сравнения, метафоры и т. д.) в следующих цитатах: *Ржет дорога в жуткое пространство, Мне нравится степей твоих медь, Луна, как желтый медведь, Ты меня звал Стоном придавленной черни, Слово яблоко тяжелое, / Виснет с шеи твоя голова, Родное золото славян, Слышен прялки ровный разговор, Стонет Русь от цепких лапш, Всех связали, всех вневоллили, И березами запачканный наш тракт, Уж мятеж вздымает паруса, Из пасти темноты / Выдергивают звезды, словно зубы, Колокол луны скатился ниже.*

Как вы считаете, чем объяснить столь насыщенное, обильное употребление эпитетов, сравнений, олицетворений, метафор в тексте поэмы? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос, аргументируя свои суждения примерами из текста поэмы.

4. Летом 1922 г. Есенин читал поэму М. Горькому в Берлине. Горький вспоминал об этом так: «Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — я думаю — и не нуждался в них». Какое настроение вызвала у вас поэма Есенина «Пугачев»?

Развивайте дар слова

Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы Есенина «Пугачев», отразив пафос поэмы (монолог Пугачева или Хлопуши — на выбор).

Иван Сергеевич ШМЕЛЕВ

1873—1950

Иван Сергеевич Шмелев родился в Замоскворечье в 1873 г. Москвич, выходец из торгово-промысловой среды, Шмелев великолепно знал этот город и любил его нежно, преданно, страстно... Детские впечатления навсегда заронили в его душу и мартовскую капель, и Вербную неделю, и «стояние» в церкви, и путешествие по старой Москве. Самые поэтичные книги — «Родное», «Богомолье», «Лето Господне» — о Москве, Замоскворечье.

Родственница писателя рассказывала, что Шмелев был среднего роста, худощавый, с большими серыми глазами, владеющими всем лицом, склонными к ласковой усмешке, но чаще серьезными и грустными. Дед Шмелева — государственный крестьянин, старover. Кто-то из предков был борцом за веру. Прадед писателя жил в Москве уже в 1812 г. Отец Шмелева был подрядчиком — строил на Москве-реке мосты, купальни, паромы, бани, иллюминировал город в большие праздники... «Последним его делом, — вспоминал писатель, — был подряд по постройке трибун для публики на открытии памятника Пушкину» в 1880 г.

Семи лет Шмелев остался сиротой. Семья отличалась патриархальностью, истовой религиозностью. Патриархальны и религиозны, как хозяева, были и слуги. Совсем иной дух царил, однако, в замоскворецком дворе, куда со всех концов России стекались рабочие-строители («Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки... Двор наш для меня явился первой школой жизни — самой важной и мудрой...»). Первый печатный опыт Шмелева — зарисовка «из народной жизни» «У мельницы». Выход в литературу оказался для Шмелева неудач-

ным. Перерыв затянулся почти на десятилетие. 1910 год стал переломным в писательской биографии Шмелева. Горькому, его поддержке и помощи обязан Шмелев в завершении работы над повестью «Человек из ресторана». Главным новаторством писателя было то, что Шмелев сумел полностью перевоплотиться в своего героя, увидеть мир глазами официанта.

Февральскую революцию 1917 г. писатель принял восторженно. Октябрь и другие события, приведшие к власти пролетариат, Шмелев не принял. В 1922 г. по приглашению И. Бунина Шмелев выезжает в Берлин, затем — в Париж. На чужбине он говорил А. Куприну: «Я не на шутку по вас соскучился. Доживаем свои дни в стране роскошной, чужой. Все — чужое. Души-то родной нет, а вежливости много...»

До конца своих дней чувствовал Шмелев саднящую боль от воспоминаний о России, ее природе, ее людях. В его последних книгах — крепчайший настой первородных русских слов, пейзажи-настроения, поражающие высокой лирикой.

Совсем недавно прах Ивана Шмелева, по его завещанию, был перевезен на дорогу ему родину — в Россию.

О. Михайлов

Вопросы и задания

1. Где родился Шмелев и о чем вспоминал впоследствии?
2. Знакомы ли вы с рассказами Шмелева? Прочитайте его рассказ «Как я стал писателем». Обратите внимание на то, как воспринимаются окружающие его в детстве предметы.

Как я стал писателем

С сокращениями

Вышло это так просто и неторжественно, что я и не заметил. Можно сказать, вышло непредумышленно.

Теперь, когда это вышло на самом деле, кажется мне порой, что я не делался писателем, а будто всегда им был, только — писателем «без печати».

Помнится, нянька, бывало, говорила:

— И с чего ты такая балаболка? Мелет-мелет невесть чего... как только язык у тебя не устает, балаболка!..

Живы во мне доньше картинки детства, обрывки, миги. Вспомнится вдруг игрушка, кубик с ободранной картинкой, складная азбучка с буквой, похожей на топорик

или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком... Ветка живой березки, выросшей вдруг в кроватке у образка, зеленой такой, чудесной. Краска на дудочке из жести, расписанной ярко розами, запах и вкус ее, смешанный с вкусом крови от расцарапанной острым краем губки, черные тараканы на полу, собравшиеся залезть ко мне, запах кастрюльки с кашкой... Боженька в уголке с лампадкой, лепет непонимаемой молитвы, в которой светится «деворадуйся»...

Я говорил с игрушками — живыми, с чурбачками и стружками, которые пахли «лесом» — чем-то чудесно-страшным, в котором «волки». <...>

Но и «волки» и «лес» — чудесные. Они у меня — мои.

Я говорил с белыми звонкими досками — горы их были на дворе, с зубастыми, как страшные «звери», пилами, с блиставшими в треске топорами, которые грызли бревна. На дворе были плотники и доски. Живые, большие плотники, с лохматыми головами, и тоже живые доски. Все казалось живым, моим. Живая была метла, — бегала по двору за пылью, мерзла в снегу и даже плакала. И половая щетка была живая, похожая на кота на палке. Стояла в углу — «наказана». Я утешал ее, гладил ее волосики.

Все казалось живым, все мне рассказывало сказки, — о, какие чудесные! <...>

Должно быть, за постоянную болтовню прозвали меня в первом классе гимназии «римский оратор», и кличка эта держалась долго. В балльниках¹ то и дело отмечалось: «Оставлен на полчаса за постоянные разговоры на уроках».

Это был, так сказать, «дописьменный» век истории моего писательства. За ним вскоре пришел и «письменный».

В третьем, кажется, классе я увлекся романами Жюль Верна и написал — длинное и в стихах! — путешествие наших учителей на Луну, на воздушном шаре, сделанном из необъятных штанов нашего латиниста Бегемота. «Поэма» моя имела большой успех, читали ее даже и восьмиклассники, и она наконец попала в лапы к инспектору. Помню пустынный зал, иконостас у окон, в углу налево, — шестая моя гимназия! — благословляющего детей Спасителя — и высокий, сухой Баталин, с рыжими бакен-

¹ *Балльник* — дневник.

бардами, трясет над моей стриженной головой тонким костлявым пальцем с отточенным остро ногтем, и говорит сквозь зубы — ну прямо цедит! — ужасным, свистящим голосом, втягивая носом воздух, — как самый холодный англичанин:

— И сто-с такое... и сс... таких лет, и сс... так неуважительно отзывается, сс... так пренебрежительно о старсских... о наставниках, об учителях... нашего постенного Михаила Сергеевича, сына такого нашего великого историка позволяя себе называть... Мартысской!.. По решению педагогического совета...

Гонорар за эту «поэму» я получил высокий — на шесть часов «на воскресенье», на первый раз.

Долго рассказывать о первых моих шагах. Расцвел я пышно на сочинениях. С пятого класса я до того развился, что к описанию храма Христа Спасителя как-то приплел... Надсона¹! Помнится, я хотел выразить чувство душевного подъема, которое охватывает тебя, когда стоишь под глубокими сводами, где парит Саваоф², «как в небе», и вспоминаются ободряющие слова нашего славного поэта и псалмиста Надсона:

Друг мой, брат мой... усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был — не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей...

Баталин вызвал меня под кафедру и, потрясая тетрадкой, начал пилить со свистом:

— Сто-с такое?! Напрасно считаете книжки, не включенные в усенисескую библиотеку! У нас есть Пушкин, Лермонтов, Державин... но никакого вашего Надсона... нет! Сто такой и кто такой... Надсон. Вам дана тема о храме Христа Спасителя, по плану... а вы приводите ни к селу ни к городу какого-то «страдающего брата»... какие-то вздорные стихи! Было бы на четверку, но я вам ставлю три с минусом. И зачем только тут какой-то «философ»... с «в» на конце! — «филосов-в Смальс»! Слово «философ» не умеете написать, пишете через «в», а в философию пускаетесь? И во-вторых, был Смайс, а не Смальс, что зна-

¹ *Надсон С. Я.* (1862—1887) — русский поэт.

² *Саваоф* — одно из имен Яхве, бога в иудаизме.

чит — свиное сало! И никакого отношения он, как и ваш Надсон, — он говорил, ударяя на первый слог, — ко храму Христа Спасителя не имели! Три с минусом! Ступайте и задумайтесь.

Я взял тетрадку и попробовал отстоять свое:

— Но это, Николай Иванович... тут лирическое отступление у меня, как у Гоголя, например.

Николай Иванович потянул строго носом, отчего его рыжие усы поднялись и показались зубки, а зеленоватые и холодные глаза так уставились на меня, с таким выражением усмешки и даже холодного презрения, что во мне все похолодело. Все мы знали, что это — его улыбка: так улыбается лисица, перегрызая горлышко петушку.

— Ах, во-от вы ка-ак... Гоголь!.. или, может быть, гоголь-моголь? — Вот как... — и опять страшно потянул носом. — Дайте сюда тетрадку...

Он перечеркнул три с минусом и нанес сокрушительный удар — колом! Я получил кол и — оскорбление. С тех пор я возненавидел и Надсона и философию. Этот кол испортил мне пересадку и средний балл, и меня не допустили к экзаменам: я остался на второй год. Но все это было к лучшему.

Я попал к другому словеснику, к незабвенному Федору Владимировичу Цветаеву. И получил у него свободу: пиши как хочешь!

И я записал ретиво, — «про природу». Писать классные сочинения на поэтические темы, например, — «Утро в лесу», «Русская зима», «Осень по Пушкину», «Рыбная ловля», «Гроза в лесу»... — было одно блаженство. Это было совсем не то, что любил задавать Баталин: не «Труд и любовь к ближнему, как основы нравственного совершенствования», не «Чем замечательно послание Ломоносова к Шувалову „О пользе стекла“» и не «Чем отличаются союзы от наречий». Плотный, медлительный, как будто полусонный, говоривший чуть-чуть на «о», посмеивающийся чуть глазом, благодушно, Федор Владимирович любил «слово»: так, мимоходом будто, с ленцою русской, возьмет и прочтет из Пушкина... Господи, да какой же Пушкин! Даже Данилка, прозванный Сатаной, и тот проникнется чувством.

Имел он песен дивный дар

И голос, шуму вод подобный, —

певуче читал Цветаев, и мне казалось, что — для себя.

Он ставил мне за «рассказы» пятерки с тремя иногда крестами, — такие жирные! — и как-то, тыча мне пальцем в голову, словно вбивал в мозги, торжественно изрек:

— Вот что, муж-чи-на... — а некоторые судари пишут «муш-чи-на», как, например, зрелый муж-чи-на Шкробов! — у тебя есть что-то... некая, как говорится, «шишка». Притчу о талантах... пом-ни!

С ним, единственным из наставников, поменялись мы на прощанье карточками. Хоронили его — я плакал. И до сего дня — он в сердце.

И вот — третий период, уже «печатный».

От «Утра в лесу» и «Осени по Пушкину» я перешел незаметно к «собственному».

Случилось это, когда я кончил гимназию. Лето перед восьмым классом я провел на глухой речушке, на рыбной ловле. Попал на омут, у старой мельницы. Жил там глухой старик, мельница не работала. Пушкинская «Русалка» вспоминалась. Так меня восхитило запустенье, обрывы, бездонный омут «с сомом», побитые грозой, расщепленные ветлы, глухой старик — из «Князя Серебряного»¹ мельник!.. Как-то на ранней зорьке, ловя подлещиков, я тревожно почувствовал — что-то во мне забилося, заспешило, дышать мешало. Мелькнуло что-то неясное. И — прошло. Забыл. До глубокого сентября я ловил окуней, подлещиков. В ту осень была холера, и учење было отложено. Что-то — не приходило. И вдруг, в самую подготовку на аттестат зрелости, среди упражнений с Гомером, Софоклом², Цезарем³, Вергилием⁴, Овидием Назоном⁵... — что-то опять явилось! Не Овидий ли натолкнул меня? не его ли «Метаморфозы»⁶ — чудо!

¹ «Князь Серебряный» — исторический роман А. К. Толстого.

² Софокл (ок. 496—406 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург.

³ Цезарь Гай Юлий (102 г. или 100—44 гг. до н. э.) — римский диктатор, полководец.

⁴ Вергилий Марон Публий (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт.

⁵ Овидий Назон (Публий Овидий Назон) (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) — римский поэт.

⁶ «Метаморфозы» — поэма Овидия, которая содержит 250 мифологических и фольклорных сказаний о превращении людей в животных, растения, созвездия и т. д.

Я увидел мой омут, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, рябины, осыпанные кистями ягод, деда... Помню, — я отшвырнул все книги, задохнулся... и написал — за вечер — большой рассказ. Писал я «с маху». Правил и переписывал, — и правил. Переписывал отчетливо и крупно. Перечитал... — и почувствовал дрожь и радость. Заглавие? Оно явилось само, само очертилось в воздухе, зелено-красное, как рябина — там. Дрожащей рукой я вывел:

У мельницы

Это было мартовским вечером 1894 года. Но и теперь еще помню я первые строчки первого моего рассказа:

«Шум воды становился все отчетливей и громче: очевидно, я подходил к запруде. Вокруг рос молодой, густой осинник, и его серые стволы стояли передо мною, закрывая шумевшую неподалеку речку. С треском я пробирался чащей, спотыкался на остренькие пеньки осинового сухостоя, получал неожиданные удары гибких веток...»

Рассказ был жуткий, с житейской драмой, от «я». Я сделал себя свидетелем развязки, так ярко, казалось, сделал, что поверил собственной выдумке. Но что же дальше? Литераторов я совсем не знал. В семье и среди знакомых было мало людей интеллигентных. Я не знал и «как это делается» — как и куда послать. Не с кем мне было посоветоваться: почему-то и стыдно было. Скажут еще: «Э, пустяками занимаешься!» Газет я еще не читал тогда, — «Московский листок» разве, но там было смешное только или про «Чуркина». Сказать по правде, я считал себя выше этого. «Нива» не пришла в голову. И вот вспомнилось мне, что где-то я видел вывесочку, узенькую совсем: «Русское обозрение», ежемесячный журнал. Буквы были — славянские? вспоминал-вспоминал... — и вспомнил, что на Тверской. Об этом журнале я ничего не знал. Восьмиклассник, почти студент, я не знал, что есть «Русская мысль», в Москве. С неделю я колебался: вспомню про «Русское обозрение» — так и похолодею и обожгусь. Прочитаю «У мельницы» — ободрюсь. И вот я пустился на Тверскую — искать «Русское обозрение». Не сказал никому ни слова.

Помню, прямо с уроков, с ранцем, в тяжелом ватном пальто, сильно повыгоревшем и пузырившемся к полам, — я его все донашивал, поджидая студенческого, чудесного! — приоткрыл огромную, под орех, дверь и сунул голову в щель, что-то проговорил кому-то. Там скучно крякнуло. Сердце во мне упало: крякнуло будто строго?.. Швейцар медленно шел ко мне.

— Пожалуйте... желают вас сами видеть.

Чудесный был швейцар, с усами, бравый! Я сорвался с диванчика и, как был, — в грязных, тяжелых ботинках, с тяжелым ранцем, ремни которого волоклись со звоном, — все вдруг отяжелело! — вступил в святилище.

Огромный, очень высокий кабинет, огромные шкафы с книгами, огромный письменный стол, исполинская над ним пальма, груды бумаг и книг, а за столом, широкий, красивый, грузный и строгий — так показалось мне, — господин, профессор, с седеющими по плечам кудрями. Это был сам редактор, приват-доцент Московского университета Анатолий Александров. Он встретил меня мягко, но с усмешкой, хотя и ласково:

— Ага, принесли рассказ?.. А в каком вы классе? Кончаете... Ну, что же... поглядим. Многонько написали... — взвесил он на руке тетрадку. — Ну, зайдите месяца через два...

Я зашел в самый разгар экзаменов. Оказалось, что надо «заглянуть месяца через два». Я не заглянул. Я уже стал студентом. Другое пришло и захватило — не писанье. О рассказе я позабыл, не верил. Пойти? Опять: «Месяца через два зайдите».

Уже в новом марте я получил неожиданно конверт — «Русское обозрение» — тем же полуцерковным шрифтом. Анатолий Александров просил меня «зайти переговорить». Уже юным студентом вошел я в чудесный кабинет. Редактор учтиво встал и через стол протянул мне руку, улыбаясь.

— Поздравляю вас, ваш рассказ мне понравился. У вас довольно хороший диалог, живая русская речь. Вы чувствуете русскую природу. Пишите мне.

Я не сказал ни слова, ушел в тумане. И вскоре опять забыл. И совсем не думал, что стал писателем.

В первых числах июля 1895 года я получил по почте толстую книгу в зелено-голубой — ? — обложке — «Рус-

ское обозрение», июль. У меня тряслись руки, когда раскрывал ее. Долго не находил, — все прыгало. Вот оно: «У мельницы», — самое то, мое! Двадцать с чем-то страниц — и, кажется, ни одной поправки! ни пропуска! Радость? Не помню, нет... Как-то меня пришибло... поразило? Не верилось.

Счастлив я был — два дня. И — забыл. Новое приглашение редактора — «пожаловать». Я пошел, не зная, зачем я нужен.

— Вы довольны? — спросил красивый профессор, предлагая кресло. — Ваш рассказ многим понравился. Будем рады дальнейшим опытам. А вот и ваш гонорар... Первый? Ну, очень рад.

Он вручил мне... во-семь-де-сят рублей! Это было великое богатство: за десять рублей в месяц я ходил на урок через всю Москву. Я растерянно сунул деньги за борт тужурки, не в силах промолвить ни слова.

— Вы любите Тургенева? Чувствуется, у вас несомненное влияние «Записок охотника», но это пройдет. У вас и свое есть. Вы любите наш журнал?

Я что-то прошептал, смущенный. Я и не знал журнала: только «июль» и видел.

— Вы, конечно, читали нашего основателя, славного Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нет, не пришлось еще, — проговорил я робко.

Редактор, помню, выпрямился и поглядел под пальму, — пожал плечами. Это его, кажется, смутило.

— Теперь... — посмотрел он грустно и ласково на меня, — вы обязаны его знать. Он откроет вам многое. Это, во-первых, большой писатель, большой художник... — Он стал говорить-говорить... — не помню уже подробности — что-то о «красоте», о Греции... — Он великий мыслитель наш, русский необычайный! — восторженно заявил он мне. — Видите — этот стол?.. Это его стол! — И он благоговейно погладил стол, показавшийся мне чудесным. — О, какой светлый дар, какие песни пела его душа! — нежно сказал он в пальму. И вспомнилось мне недавнее:

Имел он песен дивный дар,
И голос, шуму вод подобный.

— И эта пальма — его!

Я посмотрел на пальму, и она показалась мне особенно чудесной.

— Искусство, — продолжал говорить редактор, — прежде всего — благоговение! Искусство... ис-кус! Искусство — молитвенная песнь. Основа его — религия. Это всегда, у всех. У нас — Христово слово! «И Бог бе слово». И я рад, что вы начинаете в его доме... в его журнале. Как-нибудь заходите, я буду давать вам его творения. Не во всякой они библиотеке... Ну-с, молодой писатель, до сви-да-ния. Желаю вам...

Я пожал ему руку, и так мне хотелось целовать его, послушать о нем, неведомом, сидеть и глядеть на стол. Он сам проводил меня.

Я ушел опьяненный новым, чувствуя смутно, что за всем этим моим — случайным? — есть что-то великое и священное, неизвестное мною, необычайно важное, к чему я только лишь прикоснулся.

Шел я как оглушенный. Что-то меня томило. Прошел Тверскую, вошел в Александровский сад, присел. Я — писатель. Ведь я же выдумал весь рассказ!.. Я обманул редактора, и за это мне дали деньги!.. Что я могу рассказывать? Ничего. А искусство — благоговение, молитва... А во мне ничего-то нет. Деньги, во-семь-десят рублей... за это!.. Долго сидел я так, в раздумье. И не с кем поговорить... У Каменного моста зашел в часовню, о чем-то помолился. Так бывало перед экзаменом.

Дома я вынул деньги, пересчитал. Во-семьдесят рублей... Взглянул на свою фамилию под рассказом, — как будто и не моя! Было в ней что-то новое, совсем другое. И я — другой. Я впервые тогда почувствовал, что — другой. Писатель? Это я не чувствовал, не верил, боялся думать. Только одно я чувствовал: что-то я должен сделать, многое узнать, читать, вглядываться и думать... — готовиться. Я — другой, другой.

Поразмышляем над прочитанным...

1. Рассказ назван «Как я стал писателем». Как вы думаете, к чему он ближе: к воспоминаниям, дневниковым записям или к обычному рассказу?
2. Что открывал главный герой в людях? Что ему нравилось в них? Какими виделись ему в детстве окружающие предметы?

3. Какой герой одного из рассказов А. Платонова так же воспринимал окружающий его мир и предметы? О каких чертах характера это свидетельствует?
4. Как пришло к И. Шмелеву умение писать? Чем заканчивается рассказ? Почему главный герой почувствовал, что он «другой»? Известны ли вам рассказы или повести о том, как человек становится писателем (например, у А. Чехова, И. Бунина, М. Горького)?
5. В какое историческое время происходит становление писателя? По каким приметам мы можем об этом догадаться?

Развивайте дар слова

1. Пробовали ли вы сами создать оригинальный рассказ, очерк, басню, рецензию? Что вам в этом помогало?
2. Напишите рассказ на одну из тем: «Как я готовился к сочинению», «Как я написал свое первое сочинение», «Отзыв на рассказ И. Шмелева „Как я стал писателем“».
3. В ваши учебники литературы с 5-го по 9-й класс введена рубрика «Совершенствуйте свою речь». Авторы учебных книг надеются, что вы, читая произведения русских писателей, будете постепенно обогащать свою речь, замечать особенности речи окружающих вас людей.
Приводим небольшой отрывок из книги К. Стародуб «Литературная Москва»¹. Прочитайте и перескажите его.
4. Есть ли особенности говора в вашем крае, области, городе? Чем он отличается от говора московского? Расскажите об этом.

МОСКОВСКИЙ ГОВОР

На протяжении жизни каждого поколения москвичей хоть и немного, но менялся их язык, и, конечно, в последние десятилетия ушли из него мягкость, благодушие, неторопливость, какая-то, если можно сказать, уютная округлость, столь присущие старомосковскому говору. Резкий, стремительный, требующий бескомпромиссности ритм времени менял и язык. Обороты стали более категоричными, речь менее плавной, образность более ироничной. Потому-то ныне нам еще милее живое напоминание о старой мос-

¹ См.: Стародуб К. Литературная Москва: Историко-краеведческая энциклопедия для школьников. — М., 1997.

ковской речи, которая нет-нет да и проявит себя каким-то оборотом или интонацией. Не потому ли такой невиданной популярностью пользуется книга Евгения Платоновича Иванова «Меткое московское слово»¹, выдержавшая уже три издания? В ней запечатлена живая московская речь первых двух десятилетий XX века. Раскроем ее...

Вопросы и задания

1. Найдите и прочитайте книгу Евгения Иванова «Меткое московское слово». Подготовьте рецензию на нее.
2. О каких качествах московской речи, которые уходят из сегодняшнего говора, жалеет Е. Иванов? Согласны ли вы с ним?
3. Какие свойства московского говора сохранились в вашей речи и речи ваших близких (плавность, образность, мягкость, неторопливость...)?

¹ См.: Иванов Евг. Меткое московское слово. — М., 1982.

Михаил Андреевич ОСОРГИН

1878—1942

Михаил Андреевич Ильин (Осоргин — псевдоним писателя) родился в Перми. Его воспоминания о детстве были светлыми, их он призывал в самые трудные минуты — они помогали жить. Навсегда остались с ним доброта близких людей и картины природы, целиком заполнявшие его мир в детские годы. Мальчик рано полюбил книги, рано пришло время самостоятельных поисков. Он был гимназистом 7-го класса, когда газета «Пермские губернские ведомости» опубликовала его первую статью, а журнал «Для всех» — рассказ «Отец».

В студенческие годы началась постоянная журналистская работа, он много писал для уральских газет. С 1902 г. работал адвокатом. Он участвовал в революционной деятельности, оказался в тюрьме. В мае 1906 г. был освобожден, бежал в Италию, поселившись близ Генуи, позже отошел от эмигрантских кругов.

Осоргин сотрудничал в журнале «Вестник Европы», много путешествовал. «Города Италии были моими комнатами: Рим — рабочим кабинетом, Флоренция — библиотекой, Неаполь — террасой, с которой открывается такой прекрасный вид», — шутил писатель. Одна из книг Осоргина называется «Там, где был счастлив». В ней немало страниц, посвященных итальянским впечатлениям.

В послереволюционные годы Осоргин был первым председателем Всероссийского союза журналистов. В 1921 г. в России свирепствовал голод. По предложению Горького был организован комитет помощи голодающим. От имени Международного Красного Креста велись переговоры о помощи голодающим, но под надзо-

ром за распределением продуктов. Ленин был оскорблен этим. Осоргин, как один из участников общества, был арестован, отправлен в ссылку, затем выслан из страны. На вопрос анкеты: «Как вы относитесь к советской власти?» — Осоргин ответил: «С удивлением». В Берлине Осоргин прожил зиму, осенью 1923 г. уехал в Париж, мечтал о возвращении на родину. Мечта так и осталась с ним до конца его дней.

После смерти Осоргина были опубликованы его письма «Старому другу в Москве».

С юных лет Осоргин был большим тружеником, он много печатался в берлинских, пражских, рижских, парижских журналах и газетах. Работой «для души» стало для него осуществление замысла его первого романа. «Сивцев Вражек» — роман о трагедии русской интеллигенции в переломные, смутные времена. Критики писали об иронии Осоргина, были в романе и мрачные предвидения.

Писатель несколько раз просил Горького помочь ему напечататься в России: «...невыносимо обидно совсем не быть читаемым... на родине...» «Мое счастье не в том, чтобы я, чтобы мы увидели Россию возрожденной и свободной, — писал он, — а в том, чтобы таково было ее будущее».

Время возвращения книг Михаила Андреевича Осоргина пришло.

О. Авдеева

Вопросы и задания

1. Расскажите, что вы узнали об Осоргине, прочитав статью.
2. Познакомьтесь с рассказом Осоргина «Пенсне». Подумайте, какими представляются писателю окружающие его предметы. Случались ли с вами подобные истории? Расскажите об этом.

Пенсне

Что вещи живут своей особой жизнью — кто же сомневается? Часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, запечатанное письмо подмигивает и рисуется, раздвинутые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках. Шляпа, висящая на гвозде, непременно передразнивает своего владельца, — но лицо у нее свое, забулдыжно-актерское. У висящего пальто всегда

жалкая душонка и легкая нетрезвость. Что-то паразитическое чувствуется в кольце и особенно в серьгах, — и к ним с заметным презрением относятся вещи-труженики: демократический стакан, реакционная стеариновая свечка, интеллигент-термометр, неудачник из мещан — носовой платок, вечно юная и суетливая сплетница — почтовая марка.

Отрицать, что чайник, этот добродушный комик, — живое существо, может только совершенно нечуткий человек; именно чайник, так как кофейник, например, живет жизнью менее индивидуальной и заметной.

Но особенно меня всегда занимала одна любопытная черточка в жизни вещей — не всех, а некоторых. Это — страсть к путешествиям. Таковы: коробка спичек, карандаш, мундштук, гребенка, шейная запонка, еще некоторые. Много лет внимательно и любовно изучая их жизнь, я сначала предположил, а впоследствии убедился, что эти вещи время от времени уходят гулять — на минуту, на час, иногда на очень долгий срок. Есть случаи исторические (семисвечник, голубой бриллиант, исторический труд Тита Ливия¹ и пр.), но в таких исчезновениях отчасти замешана человеческая воля, случай, злой умысел; на примере мелких вещей легче установить полнейшую самостоятельность поступков.

Обычно такие исчезновения мы объясняем то своей рассеянностью, то чужой неаккуратностью, а нередко и кражей. Раньше я и сам так думал, и, не приди мне в голову понаблюдать жизнь вещей без предвзятого представления об их пассивности и «неодушевленности», — я бы и по сей час думал так элементарно.

Все читающие в постели знают, с какой настойчивостью «теряется» в складках одеяла карандаш, разрезной ножик, коробка спичек. Привычным жестом вы кладете на одеяло карандаш. Через минуту — карандаша нет. Вы шарите, ищете, злитесь: нет и нет. Откидываете простыни, смотрите под подушкой, на коврике, на столике: нет нигде. Ворча встаете, лезете в туфли, заглядываете под постель, находите там спички, запонку, открытое письмо — но карандаша нет. Ежась от холода, вы плететесь к столу, берете другой карандаш (обычно он оказывается не-

¹ *Тит Ливий* (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города».

очиненным), чините его, возвращаетесь. Подоткнув под себя одеяло, чтобы согреться, вы наконец берете книжку, отложенную потому, что нечем было отчеркнуть нужное место. Раскрываете книжку — карандаш в ней.

Ясно, что сам попасть он в нее не мог, — но не менее ясно, что вы его туда не положили, не могли положить.

Обычно мимо таких фактов проходят, не придавая им значения. Напрасно! Вглядывайтесь внимательнее, и вам откроется целый новый мир вещей, живущих параллельно той жизни, которую мы для них выдумали.

Я помню поразительный случай с моим пенсне: простое пенсне, без оправы — два стекла и легкая дужка.

Сидя в кресле у стены, я читал; на новой главе хотел протереть стекла, вынул платок, и вдруг — пенсне исчезло. Опытный в этих делах, я обыскал не только все карманы, складки одежды, щели в кресле, маленький столик рядом, листы книжки — все решительно. Пенсне не было нигде; не быть и раньше не могло, так как я очень дальнзорок и мелкой печати без стекол не разбираю.

Не подумайте, что пенсне мое оказалось на носу; в таких случаях я прежде всего ощупываю переносицу; на ней были две свежие ямки — и ничего больше. Я отодвинул кресло, осмотрел на нем все кисточки и пуговицы, о которых Козьма Прутков¹ сказал, что они выдуманы самым глупым на свете человеком, — и все бесплодно.

Это было настолько чудовищно и нелепо, что я разделся, встряхнул одежду, сам подмел паркет от стены до самой середины комнаты. Усомнившись в себе, я обыскал письменный стол в соседней комнате, заглянул на вешалку, стыдливо пробежал глазом по ванной — все было напрасно.

Тогда я вспомнил, что ясно слышал звук падения пенсне; я еще порадовался, что — судя по звуку — оно не разбилось. И вот я снова ползаю по полу, смотрю сбоку, смотрю снизу, смотрю сверху, топаю ногами — чтобы хоть раздавить его, проклятое, и наконец успокаиваюсь. Ни-ка-ких!

¹ *Козьма Прутков* — коллективный псевдоним, под которым выступали в 50—60-е гг. XIX столетия А. К. Толстой и братья Жемчужниковы с сатирическими стихами и афоризмами.

Так и исчезло — как провалилось. Но в паркете не было ни единой щелочки.

Прошла неделя или больше. Про этот случай я не забыл и много раз о нем рассказывал, показывая и место происшествия. Как обычно, скептики смеялись, практики перещупывали кресло и осматривали пол, прислуга перетерла тряпочкой все предметы, вымела пылинки и даже вымыла черную лестницу (до следующего этажа). Вся квартира обновилась, посвежела — но пенсне не было.

Один мой знакомый, заинтересовавшись случаем, хотел дойти до разгадки индуктивным способом. Он записал номер пенсне, начертил план комнаты, отметив расставленную мебель, спросил, нет ли у меня в квартире обезьяны, кошки или сороки, где я провел вечер накануне, — и целый день мыслил, пользуясь главным образом методом исключения. К вечеру, недоверчиво и недружелюбно подав мне руку, он ушел. Жена его рассказывала потом, что он стонал всю ночь. Раньше это был спокойный человек, умеренных политических убеждений, знаток испанской литературы.

И вот сидел я однажды в том же кресле у той же стены, лишь с другой книжкой, по обыкновению отчеркивая карандашом наиболее умные и наиболее глупые места. На носу у меня было уже другое пенсне, новенькое, тугое, раздражающее. И вдруг — раз! — и падает карандаш. Перепуганный (не шутя! тут любопытнейшее психическое переживание!), я бросаюсь вдогонку. Мне почему-то представилось, что и карандаш должен бесследно исчезнуть. Но он лежал спокойно у стены, и... рядом с ним, смиреннько, плотно прижавшись стоймя к стене, блеснули два стекла с тоненькой дужкой.

Вы можете, конечно, смеяться и утверждать, что я слеп (это неправда! я дальнорезок, но вижу отлично), что слепы все мои знакомые, слепа прислуга, ежедневно подметавшая каждый вершок пола, что это просто курьезный случай и прочее. Реалистически мыслящий человек имеет на все готовый ответ. Но нужно было видеть физиономию моего пенсне, вернувшегося из дальней прогулки, чтобы понять, что это — не случай и не недоглядка.

Еще поблескивая мутными, запыленными стеклами, жалкое, виноватое, словно вдавленное в стенку, оно явля-

ло картину такого рабского смирения, такой трусости, точно не оно — наездник моего носа, точно не я без него, а оно без меня не может существовать.

Где оно шлялось? Что оно перевидало (конечно, в преувеличенном виде!)? И чем объяснить такую странную привязанность вещей к человеку, заставляющую их возвращаться, хотя бы им удалось так ловко обмануть его бдительность?

На все эти вопросы ответить трудно. Но что пенсне мое гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, — в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу.

Я сильно наказал гуляку. Я заставил его простоять у стены еще несколько часов, показал его прислуге, знакомым, от которых, впрочем, не услышал ничего, кроме плоских рационалистических рассуждений о том, как оно «странно упало». Действительно, странно! Почему-то с людьми этого никогда не случается!

Мой знакомый, знаток испанской литературы, несколько позже довел до моего сведения, что в цепи его логических рассуждений была допущена ошибка: он искал пенсне, как предмет плоский (?!), лишь в двух измерениях, между тем как оказалось оно именно в третьем. По-моему, это — чепуха.

Между прочим, кончило это пенсне трагически. В тот же вечер, сняв с верхней полки пыльную папку рукописей, я чихнул; пенсне упало плашмя на пол и разбилось в мельчайшие осколки.

Пусть это будет случайностью — мне так легче думать. Я был глубоко огорчен, если бы были объективные данные считать этот «случай» самоубийством. И что могло побудить эту в сущности своей кристальную душу на роковой шаг? Прогулка по свету? Преувеличенный на одну диоптрию взгляд на мир? Или тот публичный позор, которым я обставил возвращение моих загулявших стеклышек?

Мне жаль бедняжку! Мы долго жили дружно и вместе прочли много добрых и глупых книг, в которых людям приписываются и страсти, и разум, и сознательность поступков, а вещам отказывается в праве на малейшее волеизъявление, на мельчайшее проявление индивидуальности.

1. Рассказ М. Осоргина вызывает удивление с самого первого вопроса автора. Каков этот вопрос? В чем никто не должен сомневаться? В чем хочет нас убедить рассказчик?
 2. Кто же является героем этого рассказа? Как вы понимаете строки авторского текста: «...пенсне мое гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, — в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу»?
 3. Кто из писателей XIX века использовал приемы, которые есть в рассказе Осоргина? Приведите примеры.
- Задание: Будьте внимательны к слову и к тому, как автор говорит о «жизни» вещей: *часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, письмо подмигивает и рисуется, раздвинутые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках*. Какой прием используется автором, чтобы показать необычную «жизнь» вещей? Почему именно эти глаголы поставлены рядом с каждой из названных вещей?

Вспомним определения метафоры и олицетворения (см. Словарь литературоведческих терминов).

Метафора (гр. *metaphora* — перенос) — вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту. Метафора образуется по принципу олицетворения (вода бежит), овеществления (стальные нервы), отвлечения (род деятельности).

Олицетворение — изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ («О чем ты воешь, ветр ночной?..»).

Использует ли Осоргин в своем рассказе олицетворения и метафоры? Приведите примеры.

ПИСАТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ

Журнал «Сатирикон»

Как много забытых страниц в истории отечественной литературы! И как хочется задержать движение времени! Такая возможность есть у читателей «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“».

Это удивительное издание. История человечества — от древнейших времен до начала XIX века — рассказана не учеными мужами, черпающими знания из старинных книг, изучающими письмена и манускрипты, а веселыми и остроумными людьми — писателями-сатириками.

Обращение к давно ушедшим событиям и людям для авторов было лишь поводом, чтобы с юмором взглянуть на современную жизнь. Само решение не было оригинальным. В 1868 г. А. К. Толстой создал сатирическое произведение «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», где поведал читателю, что «Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет». Правда, автору не удалось увидеть стихотворение напечатанным, видимо, такие исторические параллели пришлось не по вкусу издателям.

Создателям «Всеобщей истории...» повезло больше. Их детище увидело свет в 1910 г. Книга была выпущена как бесплатное приложение к журналу «Сатирикон».

Несмотря на свой юный, трехлетний возраст, «Сатирикон» был известен и имел своего читателя. И это было непросто, так как в России в первое десятилетие XX века появилось много юмористических журналов. «В то смутное, неустойчивое, гиблое время „Сатирикон“ был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух», — вспоминал А. Куприн.

Журнал объединил молодых талантливых писателей: Арк. Аверченко, Сашу Черного, Тэффи, О. Дымова, А. Бухова и др. В нем печатались А. Куприн, Л. Андреев, А. Н. Толстой... В 1913 г., после раскола редакции, «Сатирикон» перестал существовать. Было еще одно его рождение — в Париже. К участию в издании были привлечены И. Бунин, Саша Черный, Б. Зайцев, А. Куприн, художники А. Бенуа, М. Добужинский, К. Коровин. В третьем «Сатириконе» был перепечатан роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», и это было отмечено читателями. Вскоре из-за недостатка средств и острых сатирических материалов журнал перестал выходить в свет. Так закрылась еще одна страница отечественной литературной летописи.

В 1911 г. выходит «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“». Казалось бы, что можно найти смешного в государственных переворотах, в многочисленных войнах, эпидемиях и тому подобных событиях былых времен, сведения о которых дошли до нас?

Познакомьтесь с отрывком из «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“», подготовленной Тэффи (1872—1952), урожденной Лохвицкой Надеждой Александровной, — прозаиком, поэтом, драматургом.

Перу Тэффи принадлежит раздел «Древняя история», открывающий книгу. Она с азартом включается в общую «клоунаду», создавая остроумную историю Древнего мира. Тэффи иронически обыгрывает логические построения псевдонаучных трудов («Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими»); гиперболизирует штампы («Древняя история есть такая история, которая произошла чрезвычайно давно»)...

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Спарта

Лакония составляла юго-восточную часть Пелопоннеса и получила название от манеры тамошних жителей выражаться лаконически.

Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно. Эта необычайная для других стран система климата, по свидетельству историков, способствовала развитию жестокости и энергии в характере жителей.

Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой.

В Спарте был ров, наполненный водою, чтобы жители могли упражняться в сбрасывании друг друга в воду. Сам город не был огражден стенами: мужество граждан должно было служить ему защитой. Это, конечно, стоило местным отцам города дешевле самого плохого частокотлишки.

Спартанцы, хитрые по природе, устроили так, что у них царствовали всегда два царя зараз. Цари грызлись между собою, оставляя народ в покое. Конец этой вакханалии положил законодатель Ликург.

Ликург был царского рода и опекал своего племянника.

При этом он все время тыкал всем в глаза своей справедливостью. Когда терпение окружающих наконец лопнуло, Ликургу посоветовали отправиться путешествовать. Думали, что путешествие разовьет Ликурга и так или иначе повлияет на его справедливость.

Но, как говорится, вместе тошно, а врозь скучно. Не успел Ликург освежиться в обществе египетских жрецов, как соотечественники потребовали его возвращения. Ликург вернулся и утвердил в Спарте свои законы.

После этого, — опасаясь слишком горячей благодарности со стороны экспансивного народа, — он поспешил сам себя уморить голодом.

— Зачем предоставлять другим то, что можешь сделать сам! — были его последние слова.

Спартанцы, увидя, что с него взятки гладки, стали воздавать его памяти божеские почести.

Население Спарты делилось на три сословия: спартиатов, перизеков и илотов.

Спартиаты были местные аристократы, занимались гимнастикой, ходили голые и вообще задавали тон.

Перизекам гимнастика была запрещена. Вместо того они платили подати.

Хуже всех приходилось илотам, или, по выражению местных остряков, «недоэкам». Они обрабатывали поля, ходили воевать и часто восставали на своих господ. Последние, чтобы склонить их на свою сторону, придумали так называемую криптию, то есть, попросту, в известный час убивали всех встречных илотов. Это средство быстро заставило илотов одуматься и зажить в полном довольстве.

Спартанские цари пользовались большим уважением, но небольшим кредитом. Народ верил им только на месяц, затем заставлял снова присягать законам республики.

Так как в Спарте царствовало всегда два царя и была притом еще и республика, то все это вместе называлось республикой аристократической.

По законам этой республики спартанцам был предписан самый скромный, по их понятиям, образ жизни. Например, мужчины не имели права обедать дома; они собирались веселой компанией в так называемых ресторанах — обычай, соблюдаемый многими людьми аристократической складки и в наше время как пережиток седой старины.

Любимое кушанье их составляла черная похлебка, приготовлявшаяся из свиного отвара, крови, уксуса и соли. Похлебку эту как историческое воспоминание славного прошлого и доселе еще готовят у нас в греческих кухмистерских¹, где она известна под названием «брандахлыста».

¹ Кухмистерская — небольшая столовая.

В одежде спартанцы были также очень скромны и просты. Только перед битвою наряжались они в более сложный туалет, состоявший из венка на голове и флейты в правой руке. В обычное же время отказывали себе в этом.

Воспитание детей

Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими.

Образование они получали самое основательное: их учили не кричать во время порки. В двадцать лет спартиат сдавал экзамен по этому предмету на аттестат зрелости. В тридцать он делался супругом, в шестьдесят освобождался от этой обязанности.

Девушки спартанские занимались гимнастикой и были столь прославлены своей скромностью и добродетелью, что везде богатые люди старались заполучить спартанскую девушку в кормилицы для своих детей.

Скромность и уважение к старшим было первым долгом молодых людей.

Самым неприличным у спартанского молодого человека считались его руки. Если он был в плаще, он прятал руки под плащ. Если он был голым, то засовывал их куда ни попало: под скамейку, под куст, под собеседника или, наконец, садился на них сам (900 г. до Р. Х.).

Они с детства приучались говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу».

Женщина в Спарте пользовалась уважением, и ей разрешалось изредка тоже поговорить лаконически, чем она пользовалась, воспитывая детей и заказывая обед кухарке-илотке. Так, одна спартанка, отдавая щит сыну, сказала лаконически: «С ним или на нем». А другая, отдавая кухарке петуха для жарения, сказала лаконически: «Пережаришь — вздую».

Как высокий пример мужественности спартанской женщины приводится следующая история.

Однажды женщина по имени Лэна, зная о противозаконном заговоре, чтобы не выдать случайно имени заговорщиков, откусила себе язык и, выплюнув его, сказала лаконически:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я, нижеподписавшаяся спартанская женщина, имею честь

сказать вам, что если вы думаете, что мы, спартанские женщины, способны на низкие поступки, как то:

- а) доносы,
- б) сплетню,
- в) выдачу своих сообщников и
- г) клевету,

то вы сильно ошибаетесь и ничего подобного от меня не дождетесь. И пусть странник передаст Спарте, что я выплюнула здесь свой язык, верная законам о гимнастике своего отечества.

Ошеломленные враги вставили в Лэну еще одно «э», и она стала Лээна, что значит «львица».

Учимся воспринимать юмористическое произведение...

1. Как создается юмор Тэффи? Проследите за построением предложений: «Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно», «Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой». Какие особенности построения фразы помогают сатирическому изображению исторических событий?
2. Прочитайте тексты, подчеркнув интонацией юмористическое и сатирическое направление рассказов.

Познакомьтесь с еще одним отрывком из этой книги, подготовленным **О. Дымовым** (настоящее имя — Осип Исидорович Перельман) — прозаиком, драматургом, журналистом. До отъезда в США в 1913 г. он выпустил сборники рассказов: «Солнцеворот», «Весенняя печаль» и др. Его любимым писателем был А. П. Чехов, свой псевдоним он взял из чеховского рассказа «Попрыгунья».

СРЕДНИЕ ВЕКА

Тридцатилетняя война (1618—1648)

Как это ни скучно, но нам приходится опять возвращаться к борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?

Ведь в таком случае человечество могло пойти дальше: брюнеты резали бы блондинов, высокие — маленьких, умные — глухих...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые полки под командой глухих, с

тупыми физиономиями полководцев носились из страны в страну, орали, молились, поджигали, разоряли, славили Бога (своего собственного), грабили, горланили гнусавыми голосами псалмы¹ и вешали пойманных иноверцев с таким хладнокровием, как теперь вешают собственное пальто на гвоздик.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, возник такой голод, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что этим кончили: с этого нужно было начать — переловить до войны всех этих тупоголовых полководцев, курфюрстов, ландграфов² и, сделав над собой усилие, поесть их. И страна бы не разорилась, и ни в чем не повинные люди остались бы несъеденными.

До чего раньше одна часть человечества была проста и доверчива, видно из следующего: в сущности, ни немецкие католики ничего не имели против протестантов, ни немецкие протестанты против католиков.

Но появились за спиной герцога Фердинанда иезуиты и шепнули сладким голосом:

— Ка-ак? Чехи протестанты? Какое безобразие! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ришелье с другой стороны обрушился на протестантов:

— Чего вы смотрите, дурачье! Бейте католиков по чем попало! Всыпьте им хорошенько.

Теперь таким образом можно сравнить только две пьяные компании в трактире, причем драка может продолжаться максимум полчаса. А в те времена столь примитивный прием был действителен на тридцать лет, и уменьшил он народонаселение Германии на пятьдесят процентов.

И Господь жестоко покарал протестантов и католиков за эту тридцатилетнюю глупость: предводитель католиков Валленштейн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а разные Фридрихи, Фердинанды и курфюрсты тоже умирали от разных причин — и ни одного не осталось до наших дней, чтобы поведать нам об этой бестактной войне.

¹ Псалом — религиозное песнопение.

² Ландграф — титул некоторых влиятельных князей в Германии.

Результаты

Изголодавшиеся страны в конце концов съехались и заключили мир в Вестфалии, на родине знаменитых окороков.

Летописец того времени утверждает, что воюющие стороны набросились прежде всего не друг на друга, а на окорока, и впервые за тридцать лет поели как следует...

А потом, когда стали делиться землями, глупые немецкие католики и протестанты, конечно, остались с носом: самые лакомые куски забрали французы и шведы.

Рассказывают, что, разобрав, в чем дело, один курфюрст почесал затылок и воскликнул:

— Да! Теперь, когда я кончил войну, я вижу, что я старый дурак.

— А когда вы ее начинали, — засмеялся француз, — вы были молодым дураком.

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

Вопросы и задания

1. Что внес в свои рассказы о событиях Средних веков О. Дымов? При помощи каких слов, сравнений автор придает юмористическое звучание рассказам об истории?
2. Подготовьте чтение вслух одного из этих отрывков.

Последняя глава произведения посвящена Новой истории, она подготовлена Аркадием **Аверченко** (1881—1925). Аркадий Тимофеевич Аверченко — писатель, журналист, театральный критик. Его первый рассказ «Как мне пришлось застраховать свою жизнь» появился в 1903 г. В 1920 г. он эмигрировал в Константинополь, с 1922 г. жил в Праге.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Введение

История Средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю. Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со Средними веками, сразу как-то поумнело и, устыдившись

своей средневековой дикости, поспешило сделать ряд шагов, которым нельзя отказать в сообразительности и здравом смысле.

В Средние века поступательное развитие культуры измерялось лишь количеством сожженных на площадях колдунов да опытами над превращением живых людей в кошек, волков и собак (опытами, принесшими ученым того времени полное разочарование). Новая история пошла по другому, более просвещенному пути. Правда, колдунов на кострах все еще продолжали сжигать, но делали это уже безо всякого одушевления и подъема, с единственной целью заполнить хоть каким-нибудь развлечением зияющую пустоту пробуждающегося ума и души.

Таким образом, великие люди, положившие своим гением начало Новой истории, имели уже благодарную почву в жаждущих чего-то нового душах простых людей. <...>

ЭПОХА ИЗОБРЕТЕНИЙ, ОТКРЫТИЙ И ЗАВОЕВАНИЙ

Книгопечатание и бумага

Раньше, до изобретения книгопечатания, люди писали черт знает на чем: на коже животных, листьях, кирпичах — одним словом, на первом, что подвертывалось под руку.

Сношения между людьми были очень затруднительны... Для того чтобы возлюбленный мог изложить как следует предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочсть написанное представляло такую неблагодарную работу, что терпение девицы лопалось, и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого.

Кожа животных (пергамент) тоже была неудобна, главным образом своей дороговизною. Если один приятель просил у другого письменно на пергаменте займы до послезавтра сумму в два-три золотых, то он тратил на эту просьбу всю полученную заимообразно сумму, так как стоимость пергамента поглощала заем. Отношения портились, и происходили частые драки и войны, что ожесточало нравы.

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что появление на рынке тряпичной бумаги смягчило нравы.

Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были — как это ни удивительно — арабы, народ, прославившийся до того лишь черным цветом лица и необузданным, лишенным логики поведением.

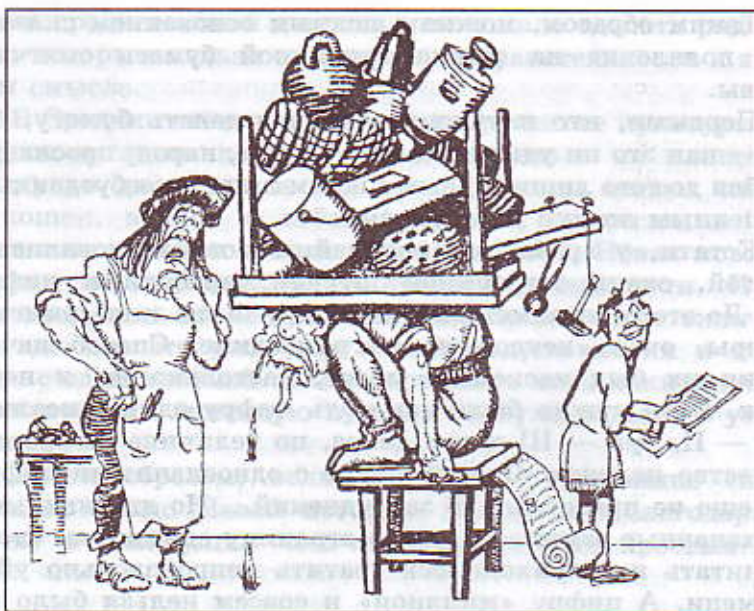
Кстати, у арабов же европейцы позаимствовались и другой, очень остроумной штукой: арабскими цифрами. До этого позаимствования в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные и громоздкие. Способ начертания их был насколько прост, настолько же и неуклюж. Если нужно было написать цифру один, писали I, два — II, три — III и так далее, по величине цифры количество палочек. Оперирование с однозначными цифрами еще не представляло затруднений... Но двузначные и трехзначные занимали целую страницу единиц, и, чтобы сосчитать их, приходилось тратить произвольно уйму времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было написать: она занимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, ясно, какое громадное значение для культуры и торговли имели арабские цифры, и можно вообразить, как гордились своей выдумкой арабы, задирая кверху свои черные, сожженные солнцем носы...

Книгопечатание на первых порах стояло на самой жалкой, низкой ступени. Если бы Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания, привести теперь в самую ординарную типографию, печатающую свадебные приглашения и меню, и показать ему обыкновенную типографскую машину, он ничего бы в ней не понял и, пожалуй, выразил бы желание «покататься» на маховом колесе...

Во времена Гутенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезывали выпуклые буквы, намазывали черной краской и, положив на бумагу доску, садились на нее в роли подвижного энергичного пресса. От тяжести типографа и зависела чистота и четкость печати.

Вся заслуга Гутенберга заключалась в том, что он напал на мысль вырезать каждую букву отдельно и уже из этих подвижных букв складывать слова для печати. Ка-

«Новая история». Рисунок худ. А. Радакова

жется, мысль пустяковая, а не приди она Гутенбергу в голову, книгопечатание застряло бы на деревянных досках и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не догадываясь о причине своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гутенберг в жизни был сущим ребенком, и его не обманывал и не обсчитывал только ленивый... История говорит, что он вошел в компанию с каким-то золотых дел мастером Фаустом. Тот типографию забрал себе, а Гутенберга прогнал. Гутенберг опять нашел какого-то, как гласит история, «очень богатого отзывчивого человека». Отзывчивый человек тоже присвоил себе типографию, а Гутенберга прогнал. В это время нашелся еще более отзывчивый человек — архиепископ Майнцкий Адольф. Он принял Гутенберга к себе, но не платил ему ни копейки жалованья, так что Гутенберг избавился от голодной смерти только поспешным бегством. Так до конца жизни Гутенберг бродил от одного мошенника к другому, пока не умер в бедности.

1. О каких событиях Новой истории рассказали сатириконцы?
2. Какие художественные приемы создают юмористическое освещение прошедших событий? В чем комичность фразы: «История Средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю»? Прочитайте внимательно «Введение» и главку о книгопечатании. Найдите приметы юмора в описании исторических событий.
3. Какие рассказы Арк. Аверченко вам известны? Чем они вам запомнились? Расскажите о них.
4. Проследите, как начинается рассказ о книгопечатании и бумаге, чем он завершается и почему в него входят словосочетания «черт знает на чем», «что подвертывалось под руку». Какой художественный эффект достигается использованием таких выражений в «историческом труде»?
5. Как сатириконцы рассказывали об истории? Какие художественные средства помогали сатириконцам передавать исторические события юмористически (неожиданные сравнения, эпитеты, сочетание несочетаемых слов и т. д.)?

Развивайте дар слова

1. Постарайтесь подготовить выразительное чтение или пересказ, близкий к тексту, одного из отрывков (истории Древнего мира, Средних веков, Новой истории), подчеркнув юмористическую и сатирическую направленность произведений.
2. Напишите отзыв на один из отрывков.

ТЭФФИ

1872—1952

Было время, когда книги Тэффи пользовались необыкновенной популярностью. «Ее считают самой занимательной и „смешной“ писательницей и в длинную дорогу непременно берут томик ее рассказов», — писал М. М. Зощенко.

Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, родившейся в Петербурге в семье известного адвоката, автора нескольких книг по юриспруденции и множества статей. С юных лет Тэффи увлекается литературой. Среди ее любимых книг — произведения А. Пушкина, Л. Толстого. Девочкой она даже ходила к Толстому в Хамовники (Москва) — хотела попросить «не

убивать» князя Болконского, но испугалась и не решилась заговорить с писателем. Еще в гимназии она и ее сестры начинают писать стихи.

С детства любившая рисовать карикатуры и сочинять сатирические стихотворения, Тэффи начинает писать фельетоны. Очень популярный в начале прошлого века жанр привлекал публику злободневностью, четко выраженной авторской позицией, полемичностью, остроумием. С 1904 г. Тэффи сотрудничает в литературных журналах.

Слава к писательнице, по ее же утверждению, пришла в 1910 г. после издания первой книги юмористических рассказов. Лучшие произведения ее отличает предельная жизнерадостность.

Уделяя внимание комической стороне, писательница хочет не только рассмешить, но и показать всю несуразицу и пустоту того, что персонажи считают жизнью, обнажить несоответствие между высшим предназначением человека и бессмысленностью его существования.

В августе 1918 г. Тэффи вместе с Аверченко уезжает в Киев, затем в Константинополь и, наконец, обосновывается в Париже, где работает в газетах Парижа, Берлина, Стокгольма, Праги, Нью-Йорка, становится одной из крупнейших фигур русского зарубежья.

Тэффи прожила долгую жизнь: на ее глазах совершились три революции, две мировые войны. За более чем пятьдесят лет она опубликовала огромное количество рассказов и фельетонов, ее перу принадлежат стихи, песни, либретто, пьесы, рецензии. Она выпустила свыше тридцати книг.

Д. Николаев

Жизнь и воротник

Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олечка Розова три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью.

Но вот как-то пошла она в Гостиный двор и, разглядывая витрину мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротничок с продернутой в него желтой ленточкой.

Как женщина честная, она сначала подумала: «Еще что выдумали!» Затем зашла и купила.

Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если желтую ленточку завязать не спереди, а сбоку, то получится нечто такое необъяснимое, что, однако, скорее хорошо, чем дурно.

Но воротничок потребовал новую кофточку. Из старых ни одна к нему не подходила.

Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный двор и купила кофточку из хозяйственных денег.

Примерила все вместе. Было хорошо, но юбка портила весь стиль. Воротничок ясно и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками.

Свободных денег больше не было. Но не останавливаться же на полпути?

Олечка заложила серебро и браслетку.

На душе у нее было беспокойно и жутко, и, когда воротничок потребовал новых башмаков, она легла в постель и проплакала весь вечер.

На другой день она ходила без часов, но в тех башмаках, которые заказал воротничок.

Вечером, бледная и смущенная, она, заикаясь, говорила своей бабушке:

— Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велел каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

Бабушка была добрая, и на следующее же утро Олечка смогла купить себе шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

Следующие дни были еще тяжелее.

Она бегала по всем родным и знакомым, лгала и выклянчивала деньги, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.

Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротничок был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку.

— Если ты английский и требуешь, чтоб я ела сою, то зачем же на тебе желтый бант? Зачем это распутство, которого я не могу понять и которое толкает меня по наклонной плоскости?

Как существо слабое и бесхарактерное, она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник.

Она обстригла волосы, стала курить и громко хохотала, если слышала какую-нибудь двусмысленность.

Где-то в глубине души еще теплилось в ней сознание всего ужаса ее положения, и иногда по ночам или даже днем, когда воротничок стирался, она рыдала и молилась, но не находила выхода.

Раз даже она решилась открыть все мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал.

Так дело шло все хуже и хуже.

Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?

Она не могла. Это не странно. Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие ни за что на свете.

Итак, Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Однажды ее пригласили на вечер.

Прежде она нигде не бывала, но теперь воротничок напялился на ее шею и поехал в гости. Там он вел себя развязно до неприличия и вертел ее головой направо и налево.

За ужином студент, Олечкин сосед, пожал ей под столом ногу.

Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за нее ответил:

— Только-то?

Олечка со стыдом и ужасом слушала и думала: «Господи! Куда я попала?!»

После ужина студент вызвался проводить ее домой. Воротник поблагодарил и радостно согласился, прежде чем Олечка успела сообразить, в чем дело.

Едва сели на извозчика, как студент зашептал страстно:

— Моя дорогая!

А воротник пошло захихикал в ответ.

Тогда студент обнял Олечку и поцеловал прямо в губы. Усы у него были мокрые, и весь поцелуй дышал маринованной корюшкой, которую подавали за ужином.

Олечка чуть не заплакала от стыда и обиды, а воротник ухарски повернул ее голову и снова хихикнул:

— Только-то?

Потом студент с воротником поехали в ресторан слушать румынов. Пошли в кабинет.

— Да ведь здесь нет никакой музыки! — возмущалась Олечка.

Но студент с воротником не обращали на нее никакого внимания. Они пили ликер, говорили пошлости и целовались.

Вернулась Олечка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытщенные из Олечкина стола.

— Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у нее дрожала, но воротник ловко вел свою линию.

— Где была? Со студентом болталась!

Честный муж пошатнулся.

— Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

— Деньги? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово — «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил ее и перевелся в другой город.

Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда воротник потерялся в стирке.

Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

— А где воротник? — спросите вы.

— А я-то почему знаю, — отвечу я. — Он был отдан прачке, с нее и спрашивайте.

Эх, жизнь!

1. Понравился ли вам рассказ «Жизнь и воротник» Тэффи?
2. Реалистична ли ситуация в рассказе?
3. На чем основывается юмор рассказа?

Развивайте дар слова

1. Подготовьте художественный пересказ с включением лексики, диалогов, описания «поведения» воротника. Подумайте, в каких еще рассказах вам встречалось такое «активное», человеческое поведение неодушевленных предметов.
2. Прочитайте самостоятельно рассказ М. Зощенко «История болезни». Подумайте, что высмеивает писатель. Какие приемы помогают обнажить абсурдность происходящего с героем произведения? Подготовьте художественный пересказ, т. е. пересказ с максимальным использованием художественных особенностей произведения.

**Михаил Михайлович
ЗОЩЕНКО**

1894—1958

М. М. Зощенко родился в Полтаве в семье художника, окончил гимназию, поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но, не закончив курса, отправился на фронт начавшейся Первой мировой войны. Литературной работой занялся с 1920 г. Он стоял за жизнеутверждающее искусство, показывающее гармоничного, сильного и красивого человека. Его обращение к юмористическим рассказам было продиктовано необходимостью борьбы за такого человека. Разоблачение мещанства, пошлости, скудоумия, духовной нищеты стало главной целью его творчества. Маска простодушного, невежественного рассказчика создана Зощенко с поистине великим искусством. Из «литературных традиций» критика неизменно выделяла гоголевскую, но при этом имелся в виду Гоголь «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Среди произведений Зощенко — рассказы, повести, пьесы. Лучшая часть обширного наследия Зощенко, в особенности его

юмористическая и сатирическая новеллистика, принадлежит к литературной классике.

А. Павловский

История болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои невероятные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попала какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит — и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

— Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его — лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

— Смотрите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику. Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

— Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, говорю, можно

больным такие речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила.

— Пойдемте, говорит, больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

— Лучше бы, говорю, называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, красивей и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суete.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне, говорю, определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

— Я, говорит, первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиравшая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает и все видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере тогда им

все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

— Вынимайте, говорит, меня из воды, или, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатрону.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие — в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас что базар.

Та говорит:

— Может быть, вас прикажут положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него вдруг пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

— Ну, говорит, у вас прямо двужильный организм. Вы, говорит, скрозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием — коклюшем.

Сестричка говорит:

— Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

— У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгал-

тери. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

Вопросы и задания

1. Против чего направлен пафос рассказа «История болезни»?
2. Найдите эпизоды, показывающие абсурдность происходящего.
3. Подумайте, каким правильнее назвать рассказ М. Зощенко — юмористическим или сатирическим. Обоснуйте свою точку зрения.
4. Попробуйте написать небольшой рассказ на любую тему, например: «Наш поход в лес», используя особенности юмора Зощенко или Тэффи.
5. Подготовьте отзыв на рассказ Зощенко или Тэффи (на выбор).

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Жизнь народа на крутых переломах и поворотах его истории — основное содержание творчества Твардовского. Поэт всюду идет по горячим следам современности. В его «простых и грешных» героях проступают черты характера народа: его простота и трудолюбие, общительность и гуманность, острый ум и меткая речь, неафишируемая готовность к подвигу, духовное здоровье... Все эти качества внушают поэту и читателям прочную веру в этот народ, составляют основу того исторического оптимизма, которым просветлена вся поэзия Твардовского. Из всех произведений поэта именно «Василий Теркин» полнее всего воплощает в себе эти качества...

Большие эпические произведения Твардовского («Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете») имеют между собой много общего. Их отличает острота и точность наблюдений, народный юмор, лиризм. Стих — простой, легкий — создает впечатление необыкновенной и, можно сказать, вовсе не стихотворной естественности выразительной разговорной речи.

События эпохального значения показываются в рамках наблюдения и опыта крестьянина-единоличника Никиты Моргунка («Страна Муравия»), боевых действий и быта воинского подразделения, где служит Теркин. Послевоенная поэма «За далью — даль» рассказывает о значительных событиях и процессах народной жизни, наблюдаемых поэтом в его путешествиях по стране. Поэма «Василий Теркин» посвящена Великой Отечественной войне.

Помимо Теркина, поэма Твардовского «населена» множеством эпизодических лиц: офицеры, солдаты, деревенские дед и баба и др. Все они составляют народ, единство которого с армией в грозные годы ощущается во многих местах поэмы и определено формулой «народ — родные души».

Книга Твардовского органически срослась со своим временем. Война была подвигом всего народа, боровшегося за правое дело. Литературные качества книги неоченимы. Ее отличают удивительная, почти зримая образность, психологическая убедительность, точность художественной детали, речевая выразительность. Поэтический язык Твардовского прост и естествен, включает много разговорных элементов.

Рифма Твардовского большей частью бесхитростна и проста. Среди рифм много оригинальных («Из Казани» — «сказали», «за стол» — «простой», «ехать» — «от смеха»). В то же время его отличает высокая культура стиха, мастерское использование мелодических, ритмических средств в изобразительных целях. Поэме свойственно богатство звукописи — аллитераций¹.

Традиция народного творчества определилась в пословичности, афористичности, меткости формулировок («Не гляди, что на груди, а гляди, что впереди», «Береги солдат солдата», «Ради жизни на земле»).

Историко-литературную судьбу «Василия Теркина» называют счастливой и в читательском восприятии, и в литературной критике. Особенно дорога была книга про бойца бывшим фронтовикам. Солдат Великой Отечественной войны узнавал в Теркине себя. «С нетерпением ожидают бойцы и командиры прибытия газеты с новыми главами Вашей поэмы», — писали фронтовики Твардовскому.

А. Гришунин

Вопросы и задания

1. Какие произведения Твардовского вам известны? Расскажите о них и о том, что вы знаете о жизни писателя.
2. Каково отношение Твардовского к истории нашей страны?
3. Что рассказывает литературовед А. Гришунин о художественных особенностях поэмы «Василий Теркин» — рифме, язы-

¹ См.: Краткий словарь литературоведческих терминов в конце учебника.

ке, героях? Прочитайте поэму, сравните свои впечатления от прочитанного с рассуждениями исследователя творчества А. Т. Твардовского.

Василий Теркин

Главы из поэмы

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пицци фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодротью чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пицци можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

А. Т. Твардовский. «Василий Теркин». Худ. О. Верейский

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой, —

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку, такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

А. Т. Твардовский. «Василий Теркин». Худ. О. Верейский

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой, —
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.

Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и вой.

А кому из вас известно,
Что такое сабантуй¹?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.

Тот проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг люзует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

¹ Сабантуй — праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или, попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку,

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву прижав лицом,
На пригретом взгорке

Меж товарищей-бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди. <...>

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

А. Т. Твардовский. «Василий Теркин».
Худ. О. Вере́йский

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый¹ лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока²,
И кругом — чужая ночь.

¹ Жухлый — потерявший яркость, свежесть.

² Протока — рукав реки.

И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,

Словно чем-то виноваты
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу,
За ночь грудюю взялась¹
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах, —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,

¹ *Взялась* — здесь: крепко, плотно слежалась, смерзлась.

Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы — —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка! —
Просто глазу маята.

— Не пловец ли одиночка?

— Шутишь, брат. Вода не та!

— Да, вода... Помыслить страшно.

Даже рыбам холодна.

— Не из наших ли вчерашних

Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.

И сказал один боец:

— Нет, он выплыл бы в шинели,

С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.

— Нет, живой. Без гимнастерки.

— А не фриц? Не к нам ли в тыл?

— Нет. А может, это Теркин? —

— Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.

Толку нет спускать понтон.

— Разрешите попытаться?

— Что пытаться?

— Братцы, — он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,

Встал, шатаясь тяжело.

Ни зубами, ни губами

Не работает — светло.

Подхватили, обвязали,

Дали валенки с ноги.

Пригрозили, приказали —

Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,

Парня тотчас на кровать

Положили для просушки,

Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...

Вдруг он молвит, как во сне:

— Доктор, доктор, а нельзя ли

Изнутри погреться мне,

Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,

Приподнялся на кровати:

¹ *Забереги* — лед, наступающий у берега в заморозки.

— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник, —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

О ВОЙНЕ

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Невелик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, —
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

— Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папирсой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет, — сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.
Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле. <...>

ОТ АВТОРА

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случилось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца, —

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

А. Т. Твардовский. «Василий Теркин». Худ. О. Вере́йский

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Сколько их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки, —
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укывшись плац-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца, —
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал, —
Он-то скажет непременно, —
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке: —
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной години,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

Поразмышляем над прочитанным...

1. Каким историческим событиям посвящены произведения Твардовского? О чем рассказывает читателю поэма «Василий Теркин»?
2. Какова главная мысль главы «Переправа»? Как вы понимаете следующие строфы?

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,
Ни приметы, ни следа...

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад

Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в крошечной мгле.
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле...

3. С какой целью в разных главах поэмы автор повторяет слова: «Бой идет святой и правый, / Смертный бой не ради славы — / Ради жизни на земле»?
4. Что подчеркивает автор в характере героя в главе «О награде»?
5. В начальной главе «От автора» звучит почти гимн питьевой воде. Твардовский знал, как дорог солдату глоток воды. Что же поэт говорит о воде?
В этой вводной главе поэт как бы набрасывает «темы», о чем будет рассказано подробно в поэме. Что это за «темы»?
6. В главе «На привале» поэт рассказывает о сабантуе. Что это такое?
Как вы понимаете слова Твардовского о том, что Теркин *Просто парень сам собой / Он обыкновенный*? Итак, Теркин «обыкновенный». Так ли это? Ведь дальше автор рассказывает о том, что Теркин много воевал, достоин медали, трижды был окружен, задет осколком, он мог легко подняться «с места — в бой». Что скрывается за авторским определением «обыкновенный»?
7. Можно ли сказать, что поэт показывает все тяготы войны?
8. Постарайтесь выстроить, опираясь на прочитанные главы поэмы, путь героя на войне: это и будни, и бой, и сабантуй, и труднейшая переправа и т. д. Показывая войну, жизнь героя, поэт знакомит читателя с военными буднями. Каковы они?
9. Прочитайте главы, не вошедшие в учебник-хрестоматию, и подумайте над следующими вопросами: как показывает автор в главе «Гармонь» трудную дорогу солдата и те немногие радости, которые выпадают на его долю в военные будни? Какие черты русского солдата открываются по мере преодоления фронтовой дороги?
10. Какие эпизоды главы «Два солдата» перекликаются с фольклорными произведениями?
11. Можно ли сказать, что в главе «Кто стрелял» писатель стремится показать все тяготы войны и то наивысшее напряжение, которое испытывает солдат на фронте? Подтвердите свой ответ строками из этой главы.
12. Известно, что Василия Теркина многие солдаты считали своим однополчанином и никогда не расставались с книгой. Чем это можно объяснить?
13. Подготовьте устный или письменный (на выбор) рассказ — характеристику Василия Теркина.

14. Характер Теркина особый. Что его сближает с героями народных сказок, русскими богатырями Ильей Муромцем, Алешей Поповичем и др.?

Литературовед пишет: «Теркин прост, но вовсе не простоват, не беден духовно. Ему дана от природы тончайшая душевная чуткость и деликатность, „высшая интеллигентность сердца“. Его жизнелюбие, феерическая талантливость, широта, доброта, щедрость отдачи и умение быть „от скуки на все руки“ — качества, необходимые всем в тягчайшей боевой обстановке».

Что вы могли бы добавить к этим словам исследователя о характере героя? Какими эпизодами можно подтвердить эти слова?

15. «Энциклопедия войны». Книга Твардовского, при всей кажущейся простоте, — произведение высокой смысловой емкости. Как всякое значительное явление искусства, она правдиво отражает действительность и заставляет читателя вновь и вновь возвращаться к его герою, размышлять о войне, о жизни.

В книге нет ни одной строки, которую хотелось бы пропустить или поправить, хотя после войны и после создания книги прошло много лет.

В самом начале «Книги про бойца» не случайно помещена поэтическая декларация жизненной необходимости «правды сущей» — этого главного принципа Твардовского...

Какими главами, эпизодами, поступками и словами героев подтверждается мысль Твардовского о «правде сущей»?

Совершенствуйте свою речь

1. В поэме, кроме Теркина, есть еще герой, который проходит через весь текст, — это автор. Образ автора является посредником между героем и читателем. Книга написана с глубоким уважением к «другу-читателю» (главы «О себе», «От автора» и др.). Каким вам представляется автор, его отношение к войне, к солдатам? Подготовьте устное сообщение на эту тему.
2. Найдите в поэме эпизоды — рассуждения автора — юмористические и грустные. Прочитайте вслух или расскажите этот текст наизусть.
3. Необыкновенные читатели. Неискушенные в литературе читатели и слушатели поэмы полагали, что герой списан Твардовским с реального лица, хотя сам поэт неоднократно писал: «Теркин не есть лицо, списанное с природы, а лицо, как говорится, обобщенное». Как вы понимаете эти слова поэта? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.
4. Подготовьте выразительное чтение наизусть одной из глав «Василия Теркина», чтение по ролям, комментированное чтение (на выбор).

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

1899—1951

Картину литературы нашего времени уже невозможно представить без такого писателя, как Андрей Платонов. Удивительный мастер прозы бесповоротно утвердился в сознании современного человека — идет полезная, гуманная служба его образов. Герои-странники перешли отечественные пределы и оказались близкими и понятными людям в самых разных странах. Прижизненная судьба художника связана с Воронежем.

Родившийся на пороге нового века, в 1899 г., в домике на одной из улочек Ямской слободы, он в 1926 г. уезжает из родного города. Но здесь он вырос как личность, делал начальные шаги в литературе, здесь вышла его первая печатная книга.

Мир и человек — центральные понятия в творчестве Платонова-художника.

К ожидавшим страну великим испытаниям А. Платонов был готов. Накануне его сознание обрело такую предельную чуткость и ранимость, которые отличают писателей, воплощающих народную совесть. Отсветы тревоги и предчувствия лежат на рассказе «В прекрасном и яростном мире» (1941). Его герои впрямую встречаются со злыми силами мира, не сразу поддающимися познанию.

Одним из первых в русской литературе XX века А. Платонов обратился к анализу явления фашизма, как бы предвидя предстоящую схватку с ним. Он был готов к испытаниям Великой Отечественной войны вместе со своим народом, потому что стойкость и мужество отличали его личность, а атмосфера сурового испытания была близка его творчеству.

В рассказе-очерке «Семья Иванова» (ныне печатается под названием «Возвращение») А. Платонов с сердечной заботой стал

восполнять урон, нанесенный душам людей в войну. Война не только отстаивала сокровенно-человеческое, но и вносила огрубелость в сердца. Требовалось возобновление частей души, которые обгорели на поле боя. В этом нуждается и капитан Иванов, герой рассказа Платонова «Возвращение».

Пережив с народом решающие испытания, оставив ему свои книги, А. Платонов сохранил в них свою доброту и мудрость. Из Ямской слободы вышли в свое вечное странствие платоновские герои. А духовная родина мастера — в его обостренной человечности.

В. Свительский

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о жизни Платонова? Что нового вы узнали о писателе, прочитав статью?
2. Какие рассказы Платонова вам известны? О чем они? Перескажите кратко один из наиболее любимых вами рассказов. Назовите героев платоновских произведений. Чем они интересны?
3. Постарайтесь определить, какие рассказы писателя начинаются так:
 - «Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушел на главную работу — на войну, и не вернулся оттуда...»;
 - «Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек...»;
 - «Жил на свете маленький цветок. Никто не знал, что он есть на земле...»;
 - «В Толубеевском депо лучшим паровозным машинистом считался...».
4. Какой герой и из какого рассказа сказал так:
 - «Давай все трудом работать, и все живые будут...»;
 - «Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...»;
 - «А отчего ты на других непохожий?...»?

Возвращение

В сокращении

Алексей Алексеевич Иванов, гвардии капитан, убывал из армии по демобилизации. В части, где он прослужил всю войну, Иванова проводили, как и быть должно, с сожалением, с любовью, уважением, с музыкой и вином. Близкие друзья и товарищи поехали с Ивановым на желез-

нодорожную станцию и, попрощавшись там окончательно, оставили Иванова одного. Поезд, однако, опоздал на долгие часы, а затем, когда эти часы истекли, опоздал еще дополнительно. Наступала уже холодная осенняя ночь; вокзал был разрушен в войну, ночевать было негде, и Иванов вернулся на попутной машине обратно в часть. На другой день сослуживцы Иванова снова его провожали; они опять пели песни и обнимались с убывающим в знак вечной дружбы с ним, но чувства свои они затрачивали уже более сокращенно, и дело происходило в узком кругу друзей.

Затем Иванов вторично уехал на вокзал; на вокзале он узнал, что вчерашний поезд все еще не прибыл, и поэтому Иванов мог бы, в сущности, снова вернуться в часть на ночлег. Но неудобно было в третий раз переживать проводы, беспокоить товарищей, и Иванов остался скучать на пустынном асфальте перрона.

Возле выходной стрелки станции стояла уцелевшая будка стрелочного поста. На скамейке у той будки сидела женщина в ватнике и теплом платке; она и вчера там сидела при своих вещах, и теперь сидит, ожидая поезда. Уезжая вчера ночевать в часть, Иванов подумал было: не пригласить ли и эту одинокую женщину, пусть она тоже переночует у медсестер в теплой избе, зачем ей мерзнуть всю ночь, неизвестно — сможет ли она обогреться в будке стрелочника. Но пока он думал, попутная машина тронулась, и Иванов забыл об этой женщине.

Теперь та женщина по-прежнему неподвижно находилась на вчерашнем месте. Это постоянство и терпение означали верность и неизменность женского сердца, — по крайней мере, в отношении вещей и своего дома, куда эта женщина, вероятно, возвращалась. Иванов подошел к ней: может быть, ей тоже не так будет скучно с ним, как одной.

Женщина обернулась лицом к Иванову, и он узнал ее. Это была девушка, ее звали «Маша — дочь пространщика», потому что так она себя когда-то назвала, будучи действительно дочерью служащего в бане, пространщика. Иванов изредка за время войны встречал ее, наведываясь в один БАО¹, где эта Маша, дочь пространщика, служила в столовой помощником повара по вольному найму.

¹ БАО — батальон аэродромного обслуживания.

В окружающей их осенней природе было уныло и грустно в этот час. Поезд, который должен увести отсюда домой и Машу, и Иванова, находился неизвестно где в сером пространстве. Единственное, что могло утешить и развлечь сердце человека, было сердце другого человека.

Иванов разговорился с Машей, и ему стало хорошо. Маша была милостива, проста душою и добра своими большими рабочими руками и здоровым, молодым телом. Она тоже возвращалась домой и думала, как она будет жить теперь новой гражданской жизнью; она привыкла к своим военным подругам, привыкла к летчикам, которые любили ее, как старшую сестру, дарили ей шоколад и называли «просторной Машей» за ее большой рост и сердце, вмещающее, как у истинной сестры, всех братьев в одну любовь и никого в отдельности. А теперь Маше непривычно, странно и даже боязно было ехать домой к родственникам, от которых она уже отвыкла.

Иванов и Маша чувствовали себя сейчас осиротевшими без армии; однако Иванов не мог долго пребывать в уныло-печальном состоянии; ему казалось, что в такие минуты кто-то издала смеется над ним и бывает счастливым вместо него, а он остается лишь нахмуренным простачком. Поэтому Иванов быстро обращался к делу жизни, то есть он находил себе какое-либо занятие или утешение либо, как он сам выражался, простую подручную радость, — и тем выходил из своего уныния.

Он придвинулся к Маше и попросил, чтобы она по-товарищески позволила ему поцеловать ее в щеку.

— Я чуть-чуть, — сказал Иванов, — а то поезд опаздывает, скучно его ожидать.

— Только поэтому, что поезд опаздывает? — спросила Маша и внимательно посмотрела в лицо Иванова.

Бывшему капитану было на вид лет тридцать пять; кожа на лице его, обдугая ветрами и загоревшая на солнце, имела коричневый цвет; серые глаза Иванова глядели на Машу скромно, даже застенчиво, и говорил он хотя и прямо, но деликатно и любезно. Маше понравился его глухой, хриплый голос пожилого человека, его темное грубое лицо и выражение силы и незащитности на нем. Иванов погасил огонь в трубке большим пальцем, нечувствительным к тлеющему жару, и вздохнул в ожидании разрешения. Маша отодвинулась от Иванова. От него сильно пахло таба-

ком, сухим поджаренным хлебом, немного вином, — теми чистыми веществами, которые произошли из огня или сами могут родить огонь. Похоже было, что Иванов только и питался табаком, сухарями, пивом и вином.

Иванов повторил свою просьбу.

— Я осторожно, я поверхностно. Маша... Вообразите, что я вам дядя.

— Я вообразила уже... Я вообразила, что вы мне папа, а не дядя.

— Вон как... Так вы позволите...

— Отцы у дочерей не спрашивают, — засмеялась Маша.

Позже Иванов признавался себе, что волосы Маши пахнут, как осенние павшие листья в лесу, и он не мог их никогда забыть... Отошедши от железнодорожного пути, Иванов разжег небольшой костер, чтобы приготовить яичницу на ужин для Маши и для себя.

Ночью пришел поезд и увез Иванова и Машу в их сторону, на родину. Двое суток они ехали вместе, а на третьей сутки Маша доехала до города, где она родилась двадцать лет тому назад. Маша собрала свои вещи в вагоне и попросила Иванова поудобнее заправить ей на спину мешок, но Иванов взял ее мешок себе на плечи и вышел вслед за Машей из вагона, хотя ему еще оставалось ехать до места более суток.

Маша была удивлена и тронута вниманием Иванова. Она боялась сразу остаться одна в городе, где она родилась и жила, но который стал теперь для нее почти чужбиной.

Мать и отец Маши были угнаны отсюда немцами и погибли в неизвестности, а теперь остались у Маши на родине лишь двоюродная сестра и две тетки, и к ним Маша не чувствовала сердечной привязанности.

Иванов оформил у железнодорожного коменданта остановку в городе и остался с Машей. В сущности, ему нужно было бы скорее ехать домой, где его ожидала жена и двое детей, которых он не видел четыре года. Однако Иванов откладывал радостный и тревожный час свидания с семьей. Он сам не знал, почему так делал, — может быть, потому, что хотел погулять еще немного на воле.

Маша не знала семейного положения Иванова и по девичьей застенчивости не спросила его о нем. Она доверилась Иванову по доброте сердца, не думая более ни о чем.

Через два дня Иванов уезжал далее, к родному месту. Маша провожала его на вокзале. Иванов привычно поцеловал ее и любезно обещал вечно помнить ее образ.

Маша улыбнулась в ответ и сказала:

— Зачем меня помнить вечно? Этого не надо, и вы все равно забудете... Я же ничего не прошу от вас, забудьте меня.

— Дорогая моя Маша! Где вы раньше были, почему я давно-давно не встретил вас?

— Я до войны в десятилетке была, а давно-давно меня совсем не было...

Поезд пришел, и они попрощались. Иванов уехал и не видел, как Маша, оставшись одна, заплакала, потому что никого не могла забыть, ни подруги, ни товарища, с кем хоть однажды сводила ее судьба.

Иванов смотрел через окно вагона на попутные домики городка, который он едва ли когда увидит в своей жизни, и думал, что в таком же подобном домике, но в другом городе, живет его жена Люба с детьми Петькой и Настей, и они ожидают его; он еще из части послал жене телеграмму, что он без промедления выезжает домой и желает как можно скорее поцеловать ее и детей.

Любовь Васильевна, жена Иванова, три дня подряд ходила ко всем поездам, что прибывали с запада. Она отпрашивалась с работы, не выполняла нормы и по ночам не спала от радости, слушая, как медленно и равнодушно ходил маятник стальных часов. На четвертый день Любовь Васильевна послала на вокзал детей — Петра и Настю, чтобы они встретили отца, если он приедет днем, а к ночному поезду она опять вышла сама.

Иванов приехал на шестой день. Его встретил сын Петр; сейчас Петрушке шел уже двенадцатый год, и отец не сразу узнал своего ребенка в серьезном подростке, который казался старше своего возраста. Отец увидел, что Петр был малорослый и худощавый мальчуган, но зато головастый, лобастый, и лицо у него было спокойное, словно бы уже привычное к житейским заботам, а маленькие карие глаза его глядели на белый свет сумрачно и недовольно, как будто повсюду они видели один непорядок. Одет-обут Петрушка был аккуратно: башмаки на нем были поношенные, но еще годные, штаны и куртка старые, переделанные из отцовской гражданской одежды, но без про-

рех — где нужно, там заштопано, где потребно, там положена латка, и весь Петрушка походил на маленького, небогатого, но исправного мужичка. Отец удивился и вздохнул.

— Ты отец, что ль? — спросил Петрушка, когда Иванов его обнял и поцеловал, приподнявши к себе. — Знать, отец!

— Отец... Здравствуй, Петр Алексеевич!

— Здравствуй... Чего ехал долго? Мы ждали-ждали.

— Это поезд, Петя, тихо шел... Как мать и Настя: жи-вы-здоровы?

— Нормально, — сказал Петр. — Сколько у тебя орде-нов?

— Два, Петя, и три медали.

— А мы с матерью думали — у тебя на груди места чистого нету. У матери тоже две медали есть, ей по заслуге выдали... Что ж у тебя мало вещей — одна сумка!

— Мне больше не нужно.

— А у кого сундук, тому воевать тяжело? — спросил сын.

— Тому тяжело, — согласился отец. — С одной сум-кой легче. Сундуков там ни у кого не бывает.

— А я думал — бывает. Я бы в сундуке берег свое доб-ро — в сумке сломается и помнется.

Он взял вещевой мешок отца и понес его домой, а отец пошел следом за ним.

Мать встретила их на крыльце дома; она опять отпроси-лась с работы, словно чувствовало ее сердце, что муж се-годня придет. С завода она сначала зашла домой, чтобы потом пойти на вокзал. Она боялась — не явился ли домой Семен Евсеевич: он любит заходить иногда днем; у него есть такая привычка — являться среди дня и сидеть вмес-те с пятилетней Настей и Петрушкой. Правда, Семен Евсе-евич никогда пустой не приходит, он всегда принесет что-нибудь для детей — конфет, или сахару, или белую булку, либо ордер на промтовары. Сама Любовь Васильев-на ничего плохого от Семена Евсеевича не видела; за все эти два года, что они знали друг друга, Семен Евсеевич был добр к ней, а к детям он относился, как родной отец, и даже внимательнее иного отца. Но сегодня Любовь Василь-евна не хотела, чтобы муж увидел Семена Евсеевича; она прибрала кухню и комнату, в доме должно быть чисто и

ничего постороннего. А позже, завтра или послезавтра, она сама расскажет мужу всю правду, как она была. К счастью, Семен Евсеевич сегодня не явился.

Иванов приблизился к жене, обнял ее и так стоял с нею, не разлучаясь, чувствуя забытое и знакомое тепло любимого человека.

Маленькая Настя вышла из дома и, посмотрев на отца, которого она не помнила, начала отталкивать его от матери, упершись руками в его ногу, а потом заплакала. Петрушка стоял молча возле отца с матерью, с отцовским мешком за плечами; обождав немного, он сказал:

— Хватит вам, а то Настька плачет, она не понимает.

Отец отошел от матери и взял к себе на руки Настю, плававшую от страха.

— Настька! — окликнул ее Петрушка. — Опомнись, — кому я говорю! Это отец наш, он нам родня!..

В доме отец умылся и сел за стол. Он вытянул ноги, закрыл глаза и почувствовал тихую радость в сердце и спокойное довольство. Война миновала. Тысячи верст исходили его ноги за эти годы, морщины усталости лежали на его лице, и глаза резала боль под закрытыми веками — они хотели теперь отдыха в сумраке или во тьме.

Пока он сидел, вся его семья хлопотала в горнице и на кухне, готовя праздничное угощение. Иванов рассматривал все предметы дома по порядку — настенные часы, шкаф для посуды, термометр на стене, стулья, цветы на подоконниках, русскую кухонную печь... Долго они жили здесь без него и скучали по нем. Теперь он вернулся и смотрел на них, вновь знакомясь с каждым, как с родственником, жившим без него в тоске и бедности. Он дышал устоявшимся родным запахом дома — тлением дерева, теплом от тела своих детей, гарью на печной загнетке. Этот запах был таким же и прежде, четыре года тому назад, и он не рассеялся и не изменился без него. Нигде более Иванов не ощущал этого запаха, хотя он бывал за войну по разным странам в сотнях жилищ; там пахло иным духом, в котором, однако, не было свойства родного дома. Иванов вспомнил еще запах Маши, как пахли ее волосы; но они пахли лесною листвою, незнакомой заросшей дорогой, не домом, а снова тревожной жизнью. Что она делает сейчас и как устроилась жить по-граждански, Маша — дочь пространщика? Бог с ней...

Иванов видел, что более всех действовал по дому Петрушка. Мало того, что он сам работал, он и матери с Настей давал указания, что надо делать, и что не надо, и как надо делать правильно. Настя покорно слушалась Петрушку и уже не боялась отца, как чужого человека; у нее было живое сосредоточенное лицо ребенка, делающего все в жизни по правде и всерьез, и доброе сердце, потому что она не обижалась на Петрушку.

— Настенька, опорожни кружку от картошечной шкурки, мне посуда нужна...

Настя послушно освободила кружку и вымыла ее. Мать меж тем поспешно готовила пирог-скородум, замешанный без дрожжей, чтобы посадить его в печьку, в которой Петрушка уже разжег огонь.

— Поворачивайся, мать, поворачивайся живее! — командовал Петрушка. — Ты видишь, у меня печь наготове. Привыкла копать, стахановка!

— Сейчас, Петруша, я сейчас, — послушно говорила мать. — Я изюму положу, и все, отец ведь давно, наверно, не кушал изюма. Я давно изюм берегу.

— Он ел его, — сказал Петрушка. — Нашему войску изюм тоже дают. Наши бойцы, гляди, какие мордастые ходят, они харчи едят... Настька, чего ты села — в гости, что ль, пришла? Чисть картошку, к обеду жарить будем на сковородке... Одним пирогом семью не укормишь!

Пока мать готовила пирог, Петрушка посадил в печь большим рогаком чугунок со щами, чтобы не горел зря огонь, и тут же сделал указание и самому огню в печи:

— Чего горишь по-лохматому — ишь, во все стороны ерзаешь! Гори ровно. Грей под самую еду, даром, что ль, деревья на дрова в лесу росли... А ты, Настька, чего ты щепку как попало в печь насовала, надо уложить ее было, как я тебя учил. И картошку опять ты чистишь по-толстому, а надо чистить тонко — зачем ты мясо с картошки стругаешь: от этого у нас питание пропадает... Я тебе сколько раз про то говорил, теперь последний раз говорю, а потом по затылку получишь!

— Чего ты, Петруша, Настю-то все теребишь, — кротко произнесла мать. — Чего она тебе? Разве сноровится она столько картошек очистить и чтоб тебе тонко было, как у парикмахера, нигде мяса не задеть... К нам отец приехал, а ты все серчаешь!

— Я не серчаю, я по делу... Отца кормить надо, он с войны пришел, а вы добро портите... У нас в кожуре от картошек за целый год сколько пищи-то пропало?.. Если б свиноматка у нас была, можно б ее за год одной кожурой откормить и на выставку послать, а на выставке нам медаль бы дали... Видали, что было бы, а вы не понимаете!

Иванов не знал, что у него вырос такой сын, и теперь сидел и удивлялся его разуму. Но ему больше нравилась маленькая кроткая Настя, тоже хлопочущая своими ручками по хозяйству, и ручки ее уже были привычные и умелые. Значит, они давно приучены работать по дому.

— Люба, — спросил Иванов жену, — ты что же мне ничего не говоришь — как ты это время жила без меня, как твое здоровье и что на работе ты делаешь?..

Любовь Васильевна теперь стеснялась мужа, как невеста: она отвыкла от него. Она даже краснела, когда муж обращался к ней, и лицо ее, как в юности, принимало застенчивое, испуганное выражение, которое столь нравилось Иванову.

— Ничего, Алеша... Мы ничего жили. Дети болели мало, я растила их. Плохо, что я дома с ними только ночью бываю. Я на кирпичном заводе работаю, на прессу, ходить туда далеко...

— Где работаешь? — не понял Иванов.

— На кирпичном заводе, на прессу. Квалификации ведь у меня не было, сначала я во дворе разнорабочей была, а потом меня обучили и на пресс поставили. Работать хорошо, только дети одни и одни... Видишь — какие выросли. Сами всё умеют делать, как взрослые стали, — тихо произнесла Любовь Васильевна. — К хорошему ли это, Алеша, сама не знаю...

— Там видно будет, Люба... Теперь мы все вместе будем жить, потом разберемся — что хорошо, что плохо...

— При тебе все лучше будет, а то я одна не знаю — что правильно, а что нехорошо, и я боялась. Ты сам теперь думай, как детей нам растить...

Иванов встал и прошелся по горнице.

— Так, значит, в общем ничего, говоришь, настроение здесь было у вас?

— Ничего, Алеша, все уже прошло, мы протерпели. Только по тебе мы сильно скучали, и страшно было, что ты

никогда к нам не приедешь, что ты погибнешь там, как другие...

Она заплакала над пирогом, уже положенным в железную форму, и слезы ее закапали в тесто. Она только что смазала поверхность пирога жидким яйцом и еще водила ладонью руки по тесту, продолжая теперь смазывать праздничный пирог слезами.

Настя обхватила ногу матери руками, прижалась лицом к ее юбке и исподлобья сурово посмотрела на отца.

Отец склонился к ней.

— Ты чего?.. Настенька, ты чего? Ты обиделась на меня?

Он поднял ее к себе на руки и погладил ей головку.

— Чего ты, дочка? Ты совсем забыла меня, ты маленькая была, когда я ушел на войну...

Настя положила голову на отцовское плечо и тоже заплакала.

— Ты что, Настенька моя?

— А мама плачет, и я буду.

Петрушка, стоявший в недоумении возле печной зашпекетки, был недоволен.

— Чего вы все?.. Настроеньем заболели, а в печке жар прогорает. Сызнова, что ль, топить будем, а кто ордер на дрова нам новый даст! По старому-то все получили и сожгли, чуть-чуть в сарае осталось — поленьев десять, и то одна осина... Давай, мать, тесто, пока дух горячий не остыл.

Петрушка вынул из печи большой чугунок со щами и разгреб жар на поду, а Любовь Васильевна торопливо, словно стараясь поскорее угодить Петрушке, посадила в печь две формы пирогов, забыв смазать жидким яйцом второй пирог.

Странен и еще не совсем понятен был Иванову родной дом. Жена была прежняя — с милым, застенчивым, хотя уже сильно утомленным лицом, и дети были те самые, что родились от него, только выросшие за время войны, как оно и быть должно. Но что-то мешало Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем, — вероятно, он слишком отвык от домашней жизни и не мог сразу понять даже самых близких, родных людей. Он смотрел на Петрушку, на своего выросшего первенца-сына, слушал, как он дает команду и наставления матери и

— А дядя Семен придет. Это я ему оставила. Пирог не ваш, я сама его не ела. Я его под подушку положу, а то остынет...

Настя сошла со стула и отнесла кусок пирога, обернутый салфеткой, на кровать и положила его там под подушку.

Мать вспомнила, что она тоже накрывала готовый пирог подушками, когда пекла его Первого мая, чтобы пирог не остыл к приходу Семена Евсеевича.

— А кто этот дядя Семен? — спросил Иванов жену.

Любовь Васильевна не знала, что сказать, и сказала:

— Не знаю, кто такой... Ходит к детям один, его жену и его детей немцы убили, он к нашим детям привык и ходит играть с ними.

— Как играть? — удивился Иванов. — Во что же они играют здесь у тебя? Сколько ему лет?

Петрушка проворно посмотрел на мать и на отца; мать в ответ отцу ничего не сказала, только глядела на Настю грустными глазами, а отец по-недоброму улыбнулся, встал со стула и закурил папиросу.

— Где же игрушки, в которые этот дядя Семен с вами играет? — спросил затем отец у Петрушки.

Настя сошла со стула, влезла на другой стул у комода, достала с комода книжки и принесла их отцу.

— Они книжки-игрушки, — сказала Настя отцу, — дядя Семен мне вслух их читает: вот какой забавный Мишка, он игрушка, он и книжка...

Иванов взял в руки книжки-игрушки, что подала ему дочь: про медведя Мишку, про пушку-игрушку, про домик, где бабушка Домна живет и лен со внучкой прядет...

Петрушка вспомнил, что пора уже вьюшку в печной трубе закрывать, а то тепло из дома выйдет.

Закрыв вьюшку, он сказал отцу:

— Он старей тебя — Семен Евсеич!.. Он нам пользу приносит, пусть живет...

Глянув на всякий случай в окно, Петрушка заметил, что там на небе плывут не те облака, которые должны плыть в сентябре.

— Чтой-то облака, — проговорил Петрушка, — свинцовые плывут — из них, должно быть, снег пойдет! Иль наутро зима спозаранку станет? Ведь что ж тогда нам де-

лать-то: картошка вся в поле, заготовки в хозяйстве нету... Ишь положение какое!..

Иванов глядел на своего сына, слушал его слова и чувствовал свою робость перед ним. Он хотел было спросить у жены более точно, кто же такой этот Семен Евсеевич, что ходит уже два года в его семейство, и к кому он ходит — к Насте или к его миловидной жене, — но Петрушка отвлек Любовь Васильевну хозяйственными делами:

— Давай мне, мать, хлебные карточки на завтра и талоны на прикрепление. И еще талоны на керосин давай — завтра последний день, и уголь древесный надо взять, а ты мешок потеряла, а там отпускают в нашу тару, ищи теперь мешок, где хочешь, иль из тряпок новый шей, нам жить без мешка нельзя. А Настька пускай завтра к нам во двор за водой никого не пускает, а то много воды из колодца черпают: зима вот придет, вода тогда ниже опустится, и у нас веревки не хватит бадью опускать, а снег жевать не будешь, а растапливать его — дрова тоже нужны.

Говоря свои слова, Петрушка одновременно заметал возле печки и складывал в порядок кухонную утварь. Потом он вынул из печи чугунок со щами.

— Закусили немножко пирогом, теперь щи мясные с хлебом будем есть, — указал всем Петрушка. — А тебе, отец, завтра с утра надо бы в райсовет и военкомат сходить, станешь сразу на учет — скорей карточки на тебя получим.

— Я схожу, — покорно согласился отец.

— Сходи, не позабудь, а то утром проспишь и забудешь.

— Нет, я не забуду, — пообещал отец.

Свой первый общий обед после войны, щи и мясо, семья съела в молчании, даже Петрушка сидел спокойно, точно отец с матерью и дети боялись нарушить нечаянным словом тихое счастье вместе сидящей семьи.

Потом Иванов спросил у жены:

— Как у вас, Люба, с одеждой — наверно, пообносились?

— В старом ходили, а теперь обновки будем справлять, — улыбнулась Любовь Васильевна. — Я чинила на детях, что было на них, и твой костюм, двое твоих штанов

и все белье свое перешила на них. Знаешь, лишних денег у нас не было, а детей надо одевать...

— Правильно сделала, — сказал Иванов, — детям ничего не жалею.

— Я не жалела, и пальто продала, что ты мне купил, теперь хожу в ватнике.

— Ватник у нее короткий, она ходит — простудиться может, — высказался Петрушка. — Я кочегаром в баню поступлю, получку буду получать и справлю ей пальто. На базаре торгуют на руках, я ходил — приценялся, там есть подходящие...

— Без тебя, без твоей получки обойдемся, — сказал отец.

После обеда Настя надела на нос большие очки и села у окна штопать материнские варежки, которые мать надевала теперь под рукавицы на работе, — уже холодно стало, осень во дворе.

Петрушка глянул на сестру и осерчал на нее:

— Ты что балуешься, зачем очки дяди Семена одела?..

— А я через очки гляжу, я не в них.

— Еще чего! Я вижу! Вот испортишь глаза и ослепнешь, а потом будешь иждивенкой всю жизнь проживать и на пенсии. Скинь очки сейчас же, — я тебе говорю! И брось варежки штопать, мать сама заштопает или я сам возьмусь, когда отделаюсь. Бери тетрадь и пиши палочки, — забыла уж, когда занималась!

— А Настя что — учится? — спросил отец.

Мать ответила, что нет еще, она мала, но Петрушка велит Насте каждый день заниматься, он купил ей тетрадь, и она пишет палочки. Петрушка еще учит сестру счету, складывая и вычитая перед нею тыквенные семена, а буквам Настю учит сама Любовь Васильевна.

Настя положила варежку и вынула из ящика комода тетрадь и вставочку с пером, а Петрушка, оставшись доволен, что все исполняется по порядку, надел материнский ватник и пошел во двор колоть дрова на завтрашний день; наколотые дрова Петрушка обыкновенно приносил на ночь домой и складывал их за печь, чтобы они там подсохли и горели затем более жарко и хозяйственно.

Вечером Любовь Васильевна рано собрала ужинать. Она хотела, чтобы дети пораньше уснули и чтобы можно было наедине посидеть с мужем и поговорить с ним. Но дети по-

сле ужина долго не засыпали; Настя, лежавшая на деревянном диване, долго смотрела из-под одеяла на отца, а Петрушка, легший на русскую печь, где он всегда спал, и зимой, и летом, ворочался там, кряхтел, шептал что-то и не скоро еще утомился. Но наступило позднее время ночи, и Настя закрыла уставшие глядеть глаза, а Петрушка захрапел на печке.

Петрушка спал чутко и настороженно: он всегда боялся, что ночью может что-нибудь случиться и он не услышит — пожар, залезут вору-разбойники или мать забудет затворить дверь на крючок, а дверь ночью отойдет, и все тепло выйдет наружу. Нынче Петрушка проснулся от тревожных голосов родителей, говоривших в комнате рядом с кухней. Сколько было времени — полночь или уже под утро — он не знал, а отец с матерью не спали.

— Алеша, ты не шуми, дети проснутся, — тихо говорила мать. — Не надо его ругать, он добрый человек, он детей твоих любил...

— Не нужно нам его любви, — сказал отец. — Я сам люблю своих детей... Ишь ты, чужих детей он полюбил! Я тебе аттестат присылал, и ты сама работала, — зачем тебе он понадобился, этот Семен Евсеич? Кровь, что ль, у тебя горит еще... Эх ты, Люба, Люба! А я там думал о тебе другое. Значит, ты в дураках меня оставила...

Отец замолчал, а потом зажег спичку, чтобы раскурить трубку.

— Что ты, Алеша, что ты говоришь! — громко воскликнула мать. — Детей ведь я выходила, они у меня почти не болели и на тело полные...

— Ну и что же!.. — говорил отец. — У других по четверо детей оставалось, а жили неплохо, и ребята выросли не хуже наших. А у тебя вон Петрушка что за человек вырос — рассуждает, как дед, а читать небось забыл.

Петрушка вздохнул на печи и захрапел для видимости, чтобы слушать дальше. «Ладно, — подумал он, — пускай я дед, тебе хорошо было на готовых харчах!»

— Зато он все самое трудное и важное в жизни узнал! — сказала мать. — А от грамоты он тоже не отстанет.

— Кто он такой, этот твой Семен? Хватит тебе зубы мне заговаривать, — серчал отец.

— Он добрый человек.

— Ты его любишь, что ль?

— Алеша, я мать твоих детей...

— Ну дальше! Отвечай прямо!

— Я тебя люблю, Алеша. Я мать, а женщиной была давно, с тобою только, уже забыла когда.

Отец молчал и курил трубку в темноте.

— Я по тебе скучала, Алеша... Правда, дети при мне были, но они тебе не замена, и я все ждала тебя, долгие страшные годы, мне просыпаться утром не хотелось.

— А кто он по должности, где работает?

— Он служит по снабжению материальной части на нашем заводе.

— Понятно. Жулик.

— Он не жулик. Я не знаю... А семья его вся погибла в Могилеве, трое детей было, дочь уже невеста была.

— Неважно, он взамен другую готовую семью получил — и бабу еще не старую, собой миловидную, так что ему опять живется тепло.

Мать ничего не ответила. Наступила тишина, но вскоре Петрушка расслышал, что мать плакала.

— Он детям о тебе рассказывал, Алеша, — заговорила мать, и Петрушка расслышал, что в глазах ее были большие остановившиеся слезы. — Он детям говорил, как ты воюешь там за нас и страдаешь... Они спрашивали у него: а почему? А он отвечал им: потому, что ты добрый...

Отец засмеялся и выбил жар из трубки.

— Вот он какой у вас — этот Семен-Евсей! И не видел меня никогда, а одобряет. Вот личность-то!

— Он тебя не видел. Он выдумывал нарочно, чтоб дети не отвыкли от тебя и любили отца.

— Но зачем, зачем ему это? Чтоб тебя поскорее добить-ся? Ты скажи, что ему надо было?

— Может быть, в нем сердце хорошее, Алеша, — поэтому он такой. А почему же?

— Глупая ты, Люба. Прости ты меня, пожалуйста. Ничего без расчета не бывает.

— А Семен Евсеич часто детям приносил что-нибудь, каждый раз приносил, то конфеты, то муку белую, то сахар, а недавно валенки Насте принес, но они не годились — размер маленький. А самому ему ничего от нас не нужно. Нам тоже не надо было, мы бы, Алеша, обошлись без его подарков, мы привыкли, но он говорит, что у него на душе лучше бывает, когда он заботится о других, тогда

он не так сильно тоскует о своей мертвой семье. Ты увидишь его — это не так, как ты думаешь...

— Все это чепуха какая-то! — сказал отец. — Не задуривай ты меня... Скучно мне, Люба, с тобою, а я жить еще хочу.

— Живи с нами, Алеша...

— Я с вами, а ты с Сенькой-Евсейкой будешь?

— Я не буду, Алеша. Он больше к нам никогда не придет, я скажу ему, чтобы он больше не приходил.

— Так, значит, было, раз ты больше не будешь?.. Эх, какая ты, Люба, все вы женщины такие.

— А вы какие? — с обидой спросила мать. — Что значит — все мы такие? Я не такая... Я работала день и ночь, мы огнеупоры делали для кладки в паровозных топках. Я стала на лицо худая, страшная, всем чужая, у меня нищий милостыни просить не станет. Мне тоже было трудно, и дома дети одни. Я приду, бывало, дома не топлено, не варено ничего, темно, дети тоскуют, они не сразу хозяйствовать сами научились, как теперь, Петрушка тоже мальчиком был... И стал тогда ходить к нам Семен Евсевич. Придет — и сидит с детьми. Он ведь живет совсем один. «Можно, — спрашивает меня, — я буду к вам в гости ходить, я у вас отогреюсь?» Я говорю ему, что у нас тоже холодно и у нас дрова сырые, а он мне отвечает: «Ничего, у меня вся душа продрогла, я хоть возле ваших детей посижу, а топить печь для меня не нужно». Я сказала — ладно, ходите пока: детям с вами не так боязно будет. Потом я тоже привыкла к нему, и всем нам бывало лучше, когда он приходил. Я глядела на него и вспоминала тебя, что ты есть у нас... Без тебя было так грустно и плохо; пусть хоть кто-нибудь приходит, тогда не так скучно бывает и время идет скорее. Зачем нам время, когда тебя нет!

— Ну дальше, дальше что? — поторопил отец.

— Дальше ничего. Теперь ты приехал, Алеша.

— Ну что ж, хорошо, если так, — сказал отец. — Пора спать.

Но мать попросила отца:

— Обожди еще спать. Давай поговорим, я так рада с тобой.

«Никак не угомонятся, — думал Петрушка на печи, — помирились, и ладно; матери на работу надо рано вставать,

а она все гуляет — обрадовалась не вовремя, перестала плакать-то».

— А этот Семен любил тебя? — спросил отец.

— Обожди, я пойду Настю накрою, она раскрывается во сне и зябнет.

Мать укрыла Настю одеялом, вышла в кухню и приостановилась возле печи, чтобы послушать — спит ли Петрушка? Петрушка понял мать и начал храпеть. Затем мать ушла обратно, и он услышал ее голос:

— Наверно, любил. Он смотрел на меня умильно, я видела, а какая я — разве я хорошая теперь? Несладко ему было, Алеша, и кого-нибудь надо было ему любить.

— Ты бы его хоть поцеловала, раз уж так у вас задача сложилась, — по-доброму произнес отец.

— Ну вот еще! Он меня сам два раза поцеловал, хоть я и не хотела.

— Зачем же он так делал, раз ты не хотела?

— Не знаю. Он говорил, что забылся и жену вспомнил, а я на жену его немножко похожа.

— А он на меня тоже похож?

— Нет, не похож. На тебя никто не похож, ты один, Алеша.

— Я один, говоришь? С одного-то счет и начинается: один, потом два.

— Так он меня только в щеку поцеловал, а не в губы.

— Это все равно — куда.

— Нет, не все равно, Алеша... Что ты понимаешь в нашей жизни?

— Как что? Я всю войну провоевал, я смерть видел ближе, чем тебя...

— Ты воевал, а я по тебе здесь обмирала, у меня руки от горя тряслись, а работать надо было с бодростью, чтоб детей кормить и государству польза против неприятелей-фашистов.

Мать говорила спокойно, только сердце ее мучилось, и Петрушке было жалко мать: он знал, что она научилась сама обувь чинить себе и ему с Настей, чтобы дорого не платить сапожнику, и за картошку исправляла электрические печки соседям. <...>

Отец, слышно было, часто и трудно дышал.

— Ну вот я и дома, — сказал он. — Войны нет, а ты в сердце ранила меня... Ну что ж, живи теперь с Сенькой и

Евсейкой! Ты потеху, посмешище сделала из меня, а я тоже человек, а не игрушка...

Отец начал в темноте одеваться и обуваться. Потом он зажег керосиновую лампу, сел за стол и завел часы на руке.

— Четыре часа, — сказал он сам себе. — Темно еще. Правду говорят, баб много, а жены одной нету.

Стало тихо в доме. Настя ровно дышала во сне на деревянном диване. Петрушка приник к подушке на теплой печи и забыл, что ему нужно храпеть.

— Алеша! — добрым голосом сказала мать. — Алеша, прости меня!

Петрушка услышал, как отец застонал и как потом хрустнуло стекло; через щели занавески Петрушка видел, что в комнате, где были отец и мать, стало темнее, но огонь еще горел. «Он стекло у лампы раздавил, — догадался Петрушка, — а стекло нету нигде».

— Ты руку себе порезал, — сказала мать. — У тебя кровь течет, возьми полотенце в комод.

— Замолчи! — закричал отец на мать. — Я голоса твоего слышать не могу... Буди детей, буди сейчас же!.. Буди, тебе говорят! Я им расскажу, какая у них мать! Пусть они знают!

Настя вскрикнула от испуга и проснулась.

— Мама! — позвала она. — Можно, я к тебе?

Настя любила приходиться ночью к матери на кровать и греться у нее под одеялом.

Петрушка сел на печи, спустил ноги вниз и сказал всем:

— Спать пора! Чего вы разбудили меня? Дня еще нету, темно во дворе! Чего вы шумите и свет зажгли?

— Спи, Настя, спи, рано еще, я сейчас сама к тебе приду, — ответила мать. — И ты, Петрушка, не вставай, не разговаривай больше.

— А вы чего говорите? Чего отцу надо? — заговорил Петрушка.

— А тебе какое дело — чего мне надо! — отозвался отец. — Ишь ты, сержант какой!

— А зачем ты стекло у лампы раздавливаешь? Чего ты мать пугаешь? Она и так худая, картошку без масла ест, а масло Настьке отдает.

— А ты знаешь, что мать делала тут, чем занималась? — жалобным голосом, как маленький, вскричал отец.

— Алеша! — кротко обратилась Любовь Васильевна к мужу.

— Я знаю, я все знаю! — говорил Петрушка. — Мать по тебе плакала, тебя ждала, а ты приехал, она тоже плачет. Ты не знаешь!

— Да ты еще не понимаешь ничего! — рассерчал отец. — Вот вырос у нас отрок.

— Я все дочиста понимаю, — отвечал Петрушка с печки. — Ты сам не понимаешь. У нас дело есть, жить надо, а вы ругаетесь, как глупые какие...

Петрушка умолк; он прилег на свою подушку и нечаянно, неслышно заплакал.

— Большую волю ты дома взял, — сказал отец. — Да теперь уж все равно, живи здесь за хозяина...

Утерев слезы, Петрушка ответил отцу:

— Эх ты, какой отец, чего говоришь, а сам старый и на войне был... Вон пойдешь завтра в инвалидную кооперацию, там дядя Харитон за прилавком служит, а он хлеб режет, никого не обвешивает. Он тоже на войне был и домой вернулся. Пойди у него спроси, он всем говорит и смеется, я сам слышал. У него жена Анюта, она на шофера выучилась ездить, хлеб развозит теперь, а сама добрая, хлеб не ворует. Она тоже дружила и в гости ходила, ее угощали там. Этот знакомый ее с орденом был, он без руки и главным служит в магазине, где по единичкам промтовар выбрасывают...

— Чего ты городишь там, спи лучше, скоро светать начнет, — сказала мать.

— А вы мне тоже спать не давали... Светать еще не скоро будет. Этот без руки сдружился с Анютой, стало им хорошо житься. А Харитон на войне жил. Потом Харитон приехал и стал ругаться с Анютой. Весь день ругается, а ночью вино пьет и закуску ест, а Анюта плачет, не ест ничего. Ругался-ругался, потом умирался, не стал Анюту мучить и сказал ей: чего у тебя один безрукий был, ты дура баба, вот у меня без тебя и Глашка была, и Апроська была, и Маруська была, и тетка твоя Нюшка была, и еще на добавок Магдалинка была. А сам смеется. И тетя Анюта смеется, потом она сама хвалилась — Харитон ее хороший, лучше нигде нету, он фашистов убивал и от разных женщин ему отбоя нету. Дядя Харитон все нам в лавке рассказывает, когда хлеб поштучно принимает. А теперь они жи-

вут смирно, по-хорошему. А дядя Харитон опять смеется, он говорит: «Обманул я свою Анюту, никого у меня не было — ни Глашки не было, ни Нюшки, ни Апроськи не было и Магдалинки на добавок не было, солдат — сын отечества, ему некогда жить по-дурачки, его сердце против неприятеля лежит. Это я нарочно Анюту напугал...» Ложись спать, отец, потуши свет, чего огонь коптит без стекла...

Иванов с удивлением слушал историю, что рассказывал его Петрушка. «Вот сукин сын какой! — размышлял отец о сыне. — Я думал, он и про Машу мою скажет сейчас...»

Петрушка сморился и захрапел; он уснул теперь по правде.

Проснулся он, когда день стал совсем светлый, и испугался, что долго спал, ничего не сделал по дому с утра.

Дома была одна Настя. Она сидела на полу и листала книжку с картинками, которую давно еще купила ей мать. Она ее рассматривала каждый день, потому что другой книги у нее не было, и водила пальчиком по буквам, как будто читала.

— Чего книжку с утра пачкаешь? Положь ее на место! — сказал Петрушка сестре. — Где мать-то, на работу ушла?

— На работу, — тихо ответила Настя и закрыла книгу.

— А отец куда делся? — Петрушка огляделся по дому, в кухне и в комнате. — Он взял свой мешок?

— Он взял свой мешок, — сказал Настя.

— А что он тебе говорил?

— Он не говорил, он в рот меня и в глазки поцеловал.

— Так-так, — сказал Петрушка и задумался. — Вставай с пола, — велел он сестре, — дай я тебя умою почище и одену, мы с тобой на улицу пойдем...

Их отец сидел в тот час на вокзале. Он уже выпил двести граммов водки и пообедал с утра по талону на путевое довольствие. Он еще ночью окончательно решил уехать в тот город, где он оставил Машу, чтобы снова встретить ее там и, может быть, уже никогда не разлучаться с нею. Плохо, что он много старше этой дочери пространщика, у которой волосы пахли природой. Однако там видно будет, как оно получится, вперед нельзя угадать. Все же Иванов надеялся, что Маша хоть немного обрадуется, когда снова увидит его, и этого будет с него достаточно; значит, и у не-

го есть новый близкий человек, и притом прекрасный собою, веселый и добрый сердцем. А там видно будет!

Вскоре пришел поезд, который шел в ту сторону, откуда только вчера прибыл Иванов. Он взял свой вещевой мешок и пошел на посадку. «Вот Маша не ожидает меня, — думал Иванов. — Она мне говорила, что я все равно забуду ее и мы никогда с ней не увидимся, а я к ней еду сейчас навсегда».

Он вошел в тамбур вагона и остался в нем, чтобы, когда поезд пойдет, посмотреть в последний раз на небольшой город, где он жил до войны, где у него рождались дети... Он еще раз хотел поглядеть на оставленный дом; его можно разглядеть из вагона, потому что улица, на которой стоит дом, где он жил, выходит на железнодорожный переезд и через тот переезд пойдет поезд.

Поезд тронулся и тихо поехал через станционные стрелки в пустые осенние поля. Иванов взялся за поручни вагона и смотрел из тамбура на домики, здания, сараи, на пожарную каланчу города, бывшего ему родным. Он узнал две высокие трубы вдалеке: одна была на мыловаренном, а другая на кирпичном заводе; там работала сейчас Люба у кирпичного пресса; пусть она живет теперь по-своему, а он будет жить по-своему. Может быть, он и мог бы ее простить, но что это значит? Все равно его сердце ожесточилось против нее, и нет в нем прощения человеку, который целовался и жил с другим, чтобы не так скучно, не в одиночестве проходило время войны и разлуки с мужем. А то, что Люба стала близкой к своему Семену или Евсею потому, что жить ей было трудно, что нужда и тоска мучили ее, так это не оправдание, это подтверждение ее чувства. Вся любовь происходит из нужды и тоски, если бы человек ни в чем не нуждался и не тосковал, он никогда не полюбил бы другого человека.

Иванов собрался было уйти из тамбура в вагон, чтобы лечь спать, не желая смотреть в последний раз на дом, где он жил и где остались его дети; не надо себя мучить напрасно. Он выглянул вперед — далеко ли осталось до переезда, и тут же увидел его. Железнодорожный путь здесь пересекала сельская грунтовая дорога, шедшая в город; на этой земляной дороге лежали пучки соломы и сена, упавшие с возов, ивовые прутья и конский навоз. Обычно эта дорога была безлюдной, кроме двух базарных дней в неде-

лю; редко, бывало, проедет крестьянин в город с полным возом сена или возвращается обратно в деревню. Так было и сейчас; пустой лежала деревенская дорога; лишь из города, из улицы, в которую входила дорога, бежали вдалеке какие-то двое ребят; один был побольше, а другой поменьше, и бóльший, взяв за руку меньшего, быстро увлекал его за собою, а меньший, как ни торопился, как ни хлопотал усердно ножками, а не поспевал за бóльшим. Тогда тот, что был побольше, волочил его за собою. У последнего дома города они остановились и поглядели в сторону вокзала, решая, должно быть, идти им туда или не надо. Потом они посмотрели на пассажирский поезд, проходивший через переезд, и побежали по дороге прямо к поезду, словно захотев вдруг догнать его.

Вагон, в котором стоял Иванов, миновал переезд. Иванов поднял мешок с пола, чтобы пройти в вагон и лечь спать на верхнюю полку, где не будут мешать другие пассажиры. Но успели или нет добежать те двое детей хоть до последнего вагона поезда? Иванов высунулся из тамбура и посмотрел назад.

Двое детей, взявшись за руки, все еще бежали по дороге к переезду. Они сразу оба упали, поднялись и опять побежали вперед. Бóльший из них поднял одну свободную руку и, обратив лицо по ходу поезда в сторону Иванова, махал рукою к себе, как будто призывая кого-то, чтобы тот возвратился к нему. И тут же они снова упали на землю. Иванов разглядел, что у большего одна нога была обута в валенок, а другая в калошу, — от этого он и падал так часто.

Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших обессилевших детей, и сам почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием. Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем.

Он еще раз поглядел со ступенек вагона в хвост поезда на удаленных детей. Он уже знал теперь, что это были его дети, Петрушка и Настя. Они, должно быть, видели его,

А. П. Платонов. «Возвращение». Худ. И. Пчелко

когда вагон проходил по переезду, и Петрушка звал его домой к матери, а он смотрел на них невнимательно, думал о другом и не узнал своих детей.

Сейчас Петрушка и Настя бежали далеко позади поезда по песчаной дорожке возле рельсов; Петрушка по-прежнему держал за руку маленькую Настю и волочил ее за собою, когда она не успевала бежать ногами.

Иванов кинул вещевого мешок из вагона на землю, а потом спустился на нижнюю ступень вагона и сошел с поезда на ту песчаную дорожку, по которой бежали ему вослед его дети.

Поразмышляем над прочитанным...

1. Кто герои рассказа? Какой смысл имеет эпизод с женщиной в ватнике, которой хотел помочь Иванов, но потом скоро забыл о ней? О чем рассказала она Иванову на следующий день, о чем тревожилась? Почему они оба чувствовали себя осиротевшими? Как расстались Маша и Иванов? Почему автор говорит только о чувствах Маши («заплакала, потому что никого не могла забыть, ни подруги, ни товарища, с кем хоть однажды сводила ее судьба»)?
2. Как встретился Иванов с женой — Любовью Васильевной? Что ей приходилось делать, когда он был на войне? Опишите портрет старшего сына — Петра. Прочитайте вслух первый разговор сына с отцом. Как этот разговор характеризует мальчика?
3. Как отец рассматривал вещи в доме? Как вы понимаете мысли Иванова о них: «Долго они жили здесь без него и скучали по нем»?
4. Как объяснить, что отец не мог понять ясно, «почему у Петрушки сложился такой характер»? Как дети заботились о матери?
5. Почему Иванов решил уехать из дома, а затем вернуться домой? В чем смысл новых ощущений героя: «...почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием»? Что изменилось в герое и как он сам говорит об этом?

Совершенствуйте свою речь

1. Почему рассказ назван «Возвращение»? Что имел в виду автор: возвращение с войны, возвращение к детям, возвращение к человечности, состраданию? Подготовьте ответ-рассуждение.
2. Подготовьте сообщение о героях рассказа.

3. Как вы понимаете слова и словосочетания: *Но наступило позднее время ночи, и Настя закрыла уставшие глядеть глаза; А у тебя вон Петрушка что за человек вырос — рассуждает, как дед, а читать небось забыл; Мать говорила спокойно, только сердце ее мучилось; ...солдат — сын отечества, ему некогда жить по-дурацки, его сердце против неприятеля лежит?*
4. Какой смысл вкладывает писатель в слова: *Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем?* Можно ли считать, что эти слова отражают главную мысль рассказа?
5. Подготовьте письменный отзыв на прочитанный рассказ.

СТИХИ И ПЕСНИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

Война. Страшное, жестокое время. Время тяжелейших испытаний, неимоверного напряжения всех сил народа, сражающегося против беспощадного врага.

До песен ли в такое тяжкое время? Оказалось, что поэзия, песня были необходимы в годы войны. До сих пор в торжественные дни юбилеев Победы в Великой Отечественной войне по радио и телевидению, а чаще во время семейных праздничных застолий звучат песни военных лет, грустные, душевные, иногда даже веселые. Чаще всего ветераны войны или люди, чья память сохранила картины военного лихолетья, слушают эти песни со слезами на глазах...

Самое удивительное, что большинство песен военных лет — это песни о любви. В первые дни войны нужны были призывы, лозунги, марши. И появилась призывно-торжественная песня «Священная война» на слова В. А. Лебедева-Кумача. Позже другие песни, с другой мелодией, иной интонацией становятся популярными по всей стране. Наибольшее признание получают песни в форме любовного послания: «Землянка» на слова Алексея Суркова и «Жди меня» — Константина Симонова. Секрет необыкновенного песенного успеха «Землянки», может быть, как раз в том, что она писалась не для публикации. Это письмо, частное, личное, интимное письмо к любимой женщине. Оно было написано сразу после

того, как был закончен бой, смерть отступила. И воин спешит сказать любимой «о своей негасимой любви» и тем самым поблагодарить ее, и жизнь, и судьбу. Оказавшись в ситуации, в которой бывали сотни тысяч солдат чуть ли не ежедневно, Сурков сказал то, что хотел бы сказать каждый солдат, поэтому «Землянку» сразу признали фронтовики.

Особое место в поэзии военных лет принадлежит Михаилу Васильевичу Исаковскому. Имя этого поэта достаточно известно среди любителей поэзии. Но его безымянная слава несравненно больше его известности. Ведь миллионы людей пели «Дан приказ ему на запад...», «В лесу прифронтовом...», «Враги сожгли родную хату», не зная имени автора. Они искренне грустили, вспоминая «старинный вальс „Осенний сон“», смахивали слезу вместе с солдатом, который «нашел... в широком поле травой заросший бугорок».

Самой популярной песней Исаковского стала «Катюша». Стихотворение «Катюша» было написано в 1938 г. Конец тридцатых годов. Сгущаются тучи над нашими западными границами. Становится ясно, что, защищая родную землю, вот-вот примет на себя первый удар воин в зеленой фуражке — пограничник. О пограничниках в эти годы Исаковский пишет несколько стихотворений, но всенародно любимой песней стала именно «Катюша». Почему? Скорее всего, потому, что в ней оказались счастливо сплавлены лучшие песенные качества — музыкальность стиха и простота сюжета, близкого и понятного многим: обращение девушки к возлюбленному, полное заботы о нем. Казалось бы, всем издавна знакомая сюжетная ситуация, гениально воспроизведенная еще в «Слове о полку Игореве», когда Ярославна на стене древнего Путивля обращается к Солнцу и Ветру с просьбой помочь любимому Игорю. Исаковский повторил сюжет, но сделал это так, что стихи стали «своими», сокровенными для миллионов людей.

Тема любви в песенной поэзии Исаковского не всегда радостна, не всегда связана с символами цветущей природы. Тема любви, верности приобретает глубоко трагическое звучание в стихотворении «Враги сожгли родную хату». И это стихотворение получило самый широкий отклик у миллионов современников, ибо боль от утрат, от потерь близких, самых дорогих людей была поистине всеобщей.

Удивительная песенная музыкальность, мягкая лиричность интонаций были характерны для поэзии Алексея Фатьянова. «Стихи, которые он отдавал композитору, были уже почти песней, музыка

уже жила и звучала в них где-то внутри поэтической строки», — писал о феноменальной песенности стихов Фатьянова поэт Михаил Матусовский. В 1942 г. поэт Алексей Фатьянов и композитор Василий Соловьев-Седой создают песни «На солнечной поляночке» и «Соловьи». Маршал Г. К. Жуков называл «Соловьев» одной из лучших песен военной эпохи. Поэт-фронтовик Михаил Луконин вспоминал: «Как мы пели „Соловьи, соловьи...“! А как замечательно пел он сам [Фатьянов] — помню слезы на глазах Твардовского».

Евгений Винокуров ушел на войну, не закончив десятого класса. На фронте он был артиллеристом; о том, что он поэт, узнали уже после войны. Стихотворение «Москвичи», ставшее затем известной песней, было написано лишь в 1953 г. Это стихотворение-воспоминание о друзьях, которые уже никогда не вернутся с войны. Также из-за школьной парты ушел на фронт и будущий поэт Булат Окуджава, который, как и все писатели-фронтовики, часто возвращался к теме войны в своем творчестве. Песня «Здесь птицы не поют» была написана через четверть века после окончания Великой Отечественной, но даже ветеранами войны воспринимается как подлинная, фронтовая.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

Катюша

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: — Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний вечер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

— Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
— Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Песенка о пехоте

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землею бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой (спасения нет)...
Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни и смерти
еще не окончены счета свои.

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя...
Товарищ мужчина,
а все же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,

и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землею бушует весна?

* * *

Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом к плечу,
встаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей родиною дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и все ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

Едва огонь угас —
звучит другой приказ,
и почтальон сойдет с ума, разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
бьет пулемет неумоим,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и все ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

От Курска и Орла
война нас довела
до самых вражеских ворот... Такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это —
и не поверится самим,
а нынче нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
и все ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

ЛЕВ ОШАНИН

Дороги

Эх, дороги...

Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

Вьется пыль под сапогами
Степями, полями,
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги...

Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит:
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...

А дорога дальше мчится,
Пылится, клубится,
А кругом земля дымится,
Чужая земля.

Эх, дороги...

Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.

И бескрайними путями,
Степями, полями,

Все глядят вослед за нами
Родные глаза.

Эх, дороги...

Пыль да туман,

Холода, тревоги

Да степной бурьян.

Снег ли, ветер, —

Вспомним, друзья!..

Нам дороги эти

Позабить нельзя.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

Соловьи

Пришла и к нам на фронт весна.

Солдатам стало не до сна —

Не потому, что пушки бьют,

А потому, что вновь поют,

Забыв, что здесь идут бои,

Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —

У соловья ведь жизнь своя.

Не спит солдат, припомнив дом

И сад зеленый над прудом,

Где соловьи всю ночь поют,

А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят...

Ведь завтра снова будет бой.

Уж так назначено судьбой,

Чтоб нам уйти, не долюбив,

От наших жен, от наших нив.

Но с каждым шагом в том бою

Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА «КАТЮШИ»

Восприятие «Катюши» народом как чего-то своего, лично-го, задушевного стало причиной удивительного явления — рождения множества новых песен-переложений. На привет-послание девушки бойцу-пограничнику последовали песенные же ответы с пограничных застав. В них воины обращались к подругам, реальным или воображаемым, называя их одним ласковым именем:

Не цветут здесь яблони и груши.
Здесь леса прекрасные растут.
Каждый кустик здесь бойцу послушен,
И враги границу не пройдут.

Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слышу песенку твою.
И в дали безоблачного края
Я родную землю берегу.

Не забудь и про меня, Катюша,
Про того, кто письма часто шлет,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережет.

Но это было все же только началом военной биографии «Катюши». Настоящим «бойцом» она стала в годы Великой Отечественной. Солдаты-фронтовики сочинили большое количество песен о любимой героине. В одной из них девушка оказывается на захваченной врагом территории, ее угоняют в рабскую неволю в Германию:

Здесь звенела песенка Катюши,
А теперь никто уж не поет:
Сожжены все яблони и груши,
И никто на берег не придет...

«Чтоб ненависть была сильнее, давай говорить о любви», — писал поэт-фронтовик Александр Прокофьев. Вот и воины, сочиняя новые и новые варианты песни, говорили о любви. Ведь в образе невольницы-полонянки им представлялись невесты и жены, дочери и сестры, оставшиеся на захваченной фашистами земле.

Обычно в любовных письмах избегают высоких, громких слов. Но в особых условиях фронта, когда сами понятия Жизнь, Смерть, Родина, Любовь становятся не отвлеченными, а обостренно, трагически конкретными, воин говорит в письмах своей подруге самое сокровенное, интимное, которое звучит вдруг возвышенно-обобщенно:

...Милая Катюша,
Буду метко бить я по врагам.
Наши нивы, яблони и груши
На позор фашистам не отдам.

В ответных «письмах-песнях» девушка заверяет любимого в том, что и она своим трудом поможет фронту:

Обещала милому Катюша:
«Будем честно фронту помогать,
Будем больше делать мин и пушек,
Чтоб скорей победу одержать».

Возможно, кто-нибудь из наших юных современников, прочитав строки такой любовной переписки, усмехнется, усомнившись в ее искренности. Напрасно. Нельзя сомневаться в сокровенной правдивости этих клятв и заверений, поскольку путь к любви, к личному счастью тогда был один — через Победу.

Не только на трудовом фронте воевала «милая Катюша». Строки, рожденные в народе, утверждают, что она сражалась и с оружием в руках:

Отцвели вы, яблони и груши,
Только дым клубится над рекой.
В лес ушла красавица Катюша
Партизанской тайною тропой.
Завязался рано на рассвете
Жаркий бой, где яблони цвели.
Билась с ярым недругом Катюша
За клочок своей родной земли.

— А вот она уже в другой роли:

Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоет,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет.
Ой ты, Катя, девушка родная,
Сто бойцов спасла ты из огня.
Может, завтра, раненых спасая,
Из огня ты вынесешь меня.

Уже в конце 1941-го было положено начало новому большому циклу стихотворных вариантов песни. Произошло это, когда решалась судьба битвы за столицу и по всем фронтам прогремела молва о новом оружии, которое любовно назвали «катюшей». И сразу же солдаты запели о ней — укрепляющей веру в победу, наводящей панический страх на врагов:

Эй ты, песня, песня огневая,
Выжигай дотла фашистский сброд,
Чтоб не смела вражья свора злая
Лазить в наш советский огород.
И летят снаряды в тьму густую,
И огнем окрашен небосвод.
Пусть услышат «девушку простую»,
Пусть запомнят, как она поет!

Если собрать все песни о «Катюше», созданные за время Великой Отечественной, то получится обширная поэтическая энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд женщин в тылу, их чувства и переживания, думы и надежды, и их участие в партизанском движении и боевых действиях на фронте, и горькая судьба тех, кто оказался на оккупированной земле или был угнан в фашистскую неволю. Свод этих песен по широте и глубине показа человека на войне может сравниться разве что с «Василием Теркиным» Александра Твардовского. Причем важно то, что главное в этой поэтической энциклопедии — показ войны «изнутри», через сокровенные переживания, доверяемые чаще всего письму, адресованному близкому человеку. Отсюда тот пронзительный лиризм, что и сегодня трогает человеческое сердце.

1. Стихотворения и песни о войне — это тревоги, горечь, сожаление, страдание. Подумайте, какую тему поднимает каждая из песен.
2. Что рассказывают поэты о войне, о подвигах солдат, о потерях, об ожиданиях встреч, о тяжести разлук и утрат? Что сближает фронтовые песни с песнями народными?
3. Каким чувством пронизаны стихи и песни о Великой Отечественной войне? Прочитайте или напойте их. Какие из них раньше слышали дома, по радио, в концертах? Какая из них вошла в фильм? Как он называется?
4. Напишите отзыв на одну из понравившихся вам песен.

Песни и задания

... (The text in this section is extremely faint and illegible due to low contrast and blurring. It appears to contain several lines of text, possibly lyrics or a list of songs, but the characters are not discernible.)

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924—2001

«Человеку назначено природой иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повезет их иметь, ибо дружба, настоящая дружба, — награда человеку редкая и драгоценная, порой она бывает крепче и вернее родственных связей и влияет на человеческие отношения куда сильнее, чем коллектив, в особенности при крайних, бедственных обстоятельствах — с поля боя, рискуя своей жизнью, выносят бойца только настоящие, преданные друзья. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в нынешней жизни... Каждую свою книгу, да и каждую строку, и поступок свой просматриваю и прочитываю глазами своих друзей, в особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за плохо, нечестно или неряшливо сделанную работу, за ложь, за непорядочность» — этими словами писатель Виктор Астафьев открывал свою книгу, выпущенную для школьников издательством «Просвещение». В книгу эту вошла повесть «Кража» и главы из повести «Последний поклон». Оба произведения в значительной степени автобиографичны. «Кража» — повесть о воспитанниках детского дома, о сложных, искалеченных жестокостью мальчишеских судьбах, о директоре детского дома Репнине, который пытался отстоять в душах подростков веру в добро. Астафьев тоже был детдомовцем, поэтому писал о том, что пережил сам. Автобиографична и повесть «Последний поклон». Жанр этого произведения характерен именно для творчества Астафьева — это повесть, состоящая из рассказов. Герои повести Витя Потылицын, мальчик из таежного сибирского

села, бабушка Катерина Петровна — казалось бы, реальные, конкретные люди: сам писатель, его бабушка, взявшая внука на воспитание. Но в то же время это воспроизведенный через личные переживания одного человека рассказ о целом поколении людей, чье детство выпало на трудные предвоенные годы. Мягкая, задушевная интонация героя-рассказчика высвечивает не столько суровую, часто жестокую действительность, сколько добрые поступки людей, которые окружали героя, их взаимное уважение, их трогательную заботу друг о друге.

Рассказ «Фотография, на которой меня нет» является главой из книги «Последний поклон».

Вопросы и задания

1. Согласны ли вы с В. П. Астафьевым в его убеждении, что дружба имеет решающее значение в формировании характера человека? Имеет ли дружба столь важное значение в вашей жизни?
2. Какие автобиографические произведения вы уже читали на уроках литературы? Интересно ли читать такие произведения? Возникает ли у вас особое отношение к герою автобиографического произведения?
3. Вспомните, с кем из героев В. П. Астафьева вы уже знакомы. Чем интересны для вас герои астафьевских рассказов?
4. Вспомните определение цикла как особого жанрового образования.

Фотография, на которой меня нет

Глухой зимою, во времена тихие, сонные нашу школу взбудоражило неслыханно важное событие.

Из города на подводе приехал фотограф!

И не просто так приехал, по делу — приехал фотографировать.

И фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы.

Фотограф прибыл за полдень, и по этому случаю занятия в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж с женою — стали думать, где поместить фотографа на ночевку.

Сами они жили в одной половине дряхленького домишка, оставшегося от выселенцев, и был у них малень-

кий парнишка-ревун. Бабушка моя, тайком от родителей, по слезной просьбе тетки Авдотьи, домовничавшей у наших учителей, три раза заговаривала пупок дитенку, но он все равно орал ночи напролет и, как утверждали сведущие люди, нарвел пуп в луковицу величиной.

Во второй половине дома размещалась контора сплавного участка, где висел пузатый телефон, и днем в него было не докричаться, а ночью он звонил так, что труба на крыше рассыпалась, и по телефону этому можно было разговаривать. Сплавное начальство и всякий народ, спяну или просто так забредающий в контору, кричал и выражался в трубку телефона.

Такую персону, как фотограф, неподходяще было учителям оставить у себя. Решили поместить его в заезжий дом, но вмешалась тетка Авдотья. Она отозвала учителя в куть¹ и с напором, правда конфузливым, взялась его убеждать:

— Им тама нельзя. Ямщиков набьется полна изба. Пить зачнут, луку, капусты да картошек напрутся и ночью себя некультурно вести станут. — Тетка Авдотья посчитала все эти доводы неубедительными и прибавила: — Вшей напустют...

— Что же делать?

— Я чичас! Я мигом! — Тетка Авдотья накинула полушалок и выкатилась на улицу. Фотограф был пристроен на ночь у десятника сплавоконторы. Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Иванович Чехов. Происходил он из ссыльных. Ссылными были не то его дед, не то отец. Сам он давно женился на нашей деревенской молодежи, был всем кумом, другом и советчиком по части подрядов на сплаве, лесозаготовках и выжиге извести. Фотографу, конечно же, в доме Чехова — самое подходящее место. Там его и разговором умным займут, и водочкой городской, если потребуется, угостят, и книжку почитать из шкафа достанут.

Вздохнул облегченно учитель. Ученики вздохнули. Село вздохнуло — все переживали. Всем хотелось угодить фотографу, чтобы оценил он заботу о нем и снимал бы ребят как полагается, хорошо снимал.

¹ *Куть* (местн.) — придверная часть избы.

Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу, гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решение вопроса о распорядках выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние — в середине, плохие назад — так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину рассчитывать было трудно. Быть нам сзади, где и не разберешь, кто заснят. Ты или не ты? Мы полезли в драку, чтоб боем доказать, что мы — люди пропащие... Но ребята прогнали нас из своей компании, даже драться с нами не связались. Тогда пошли мы с Санькой на увал¹ и стали кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек никогда не катался. Ухарски гикая, ругаясь, мчались мы не просто так, а в погибель, поразбивали о каменя головки санок, коленки поносили, вывалялись, начерпали полные катанки² снегу.

Бабушка уж затемно сыскала нас с Санькой на увале, обоих настегала прутом.

Ночью наступила расплата за отчаянный разгул — у меня заболели ноги. Они всегда ныли от «рематизни», как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стоило мне застудить ноги, начерпать в катанки снегу — тотчас нудь в ногах переходила в невыносимую боль.

Я долго терпел, чтоб не завывать, очень долго. Раскидал одежонку, прижал ноги, ровно бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладонями сухо, как лучина, хрустящие суставы, засовывал ноги в теплый рукав полушубка — ничего не помогало.

И я завыл. Сначала тихонько, по-щенячьи, затем и в полный голос.

— Так я и знала! Так я и знала! — проснулась и заворчала бабушка. — Я ли тебе, язвило бы тебя в душу и в печенки, не говорила: «Не студися, не студися!» — повысила она голос. — Так он ведь умнее всех! Он бабушку послушат? Он добрым словам воньмет? Загибат теперы! Загибат, худа немочь! Мольчи лучше! Мольчи! — Бабушка поднялась с кровати, присела, схватившись за поясницу. Собет-

¹ Увал — крутой склон.

² Катанки — валенки.

венная боль действует на нее усмиряюще. — И меня загибает...

Она зажгла лампу, унесла ее с собой в куть и там зазвела посудой, флакончиками, баночками, скляночками — ищет подходящее лекарство. Припугнутый ее голосом и отвлеченный ожиданиями, я впал в усталую дрему.

— Где ты, тутока?

— Зде-е-е-ся, — по возможности жалобно откликнулся я и перестал шевелиться.

— Зде-е-е-ся, — передразнила бабушка и, нашарив меня в темноте, перво-наперво дала затрещину. Потом долго натирала мои ноги нашатырным спиртом. Спирт она втирала основательно, досуха, и все шумела: — Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — И одной рукой натирала, а другой мне поддавала да поддавала: — Эк его умучило! Эк его крюком скрючило! Посинел, будто на леде, а не на пече сидел...

Я уж ни гугу, не огрызался, не перечил бабушке — лечит она меня.

Выдохлась, умолкла докторша, заткнула граненый длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старой пуховой шалью, будто теплой опарой облепила, да еще сверху полушубок накинула и вытерла слезы с моего лица шипучей от спирта ладонью.

— Спи, пташка малая, Господь с тобой и ангелы во изголовье.

Заодно бабушка свою поясницу и свои руки-ноги натерла вонючим спиртом, опустила на скрипучую деревянную кровать, забормотала молитву пресвятой Богородице, охраняющей сон, покой и благоденствие в доме. На половине молитвы она прервалась, вслушивается, как я засыпаю, и где-то уже сквозь склеивающийся слух слышно:

— И чего к ребенку привязалась? Обутки у него починеты, догляд людской...

Не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая и целебная оттого, что мамина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом. Бабушка уже не колотила меня, а, перепробовавши все свои лекарства, заплакала и напустилась на деда:

— Дрыхнешь, старый одер!.. А тут хоть пропади!

— Да не сплю я, не сплю. Чё делать-то?

— Баню затопляй!

— Среди ночи?

— Среди ночи. Экой барин! Робенок-то! — Бабушка закрылась руками: — Да отколь напасть такая, да за что же она сиротиночку ломат, как тонку тали-и-инку¹... Ты долго кряхтеть будешь, толстодум? Чё ишшэшь? Вчерашний день ишшэшь? Вот твои рукавицы. Вон твоя шапка!..

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным березовым веником, грела их над паром от каленых камней, парила сквозь тряпку всего меня, макая веник в хлебный квас, и в заключение опять же натерла нашатырным спиртом. Дома мне дали ложку противной водки, настоянной на борце², чтоб внутренность погреть, и моченой брусники. После всего этого напоили молоком, кипяченным с маковыми головками. Больше я ни сидеть, ни стоять не в состоянии был, меня сшибло с ног, и я проспал до полудня.

Разбудился от голосов. Санька препирался или ругался с бабушкой в кути.

— Не может он, не может... Я те русским языком толкую! — говорила бабушка. — Я ему и рубашечку приготовила, и пальтишко высушила, упочинила все, худо ли, бедно ли, изладила. А он слег...

— Баушка Катерина, машину, аппарат наставили. Меня учитель послал. Баушка Катерина!.. — настаивал Санька.

— Не может, говорю... Постой-ко, это ведь ты, жиган, сманил его на увал-то! — осенило бабушку. — Сманил, а теперича?..

— Баушка Катерина...

Я скатился с печи с намерением показать бабушке, что все могу, что нет для меня преград, но подломились худые ноги, будто не мои они были. Плюхнулся я возле лавки на пол. Бабушка и Санька тут как тут.

— Все равно пойду! — кричал я на бабушку. — Давай рубаху! Штаны давай! Все равно пойду!

— Да куда пойдешь-то? С печки на полати, — покачала головой бабушка и незаметно сделала рукой отмаху, чтоб Санька убирался.

¹ Талина — ветла, верба.

² Борец — здесь: ядовитое растение.

— Санька, стой! Не уходи-и-и-и! — завопил я и попытался шагать. Бабушка поддерживала меня и уже робко, жалостливо уговаривала:

— Ну, куда пойдешь-то? Куда?

— Пойду-у-у! Давай рубаху! Шапку давай!..

Вид мой поверг и Саньку в удручение. Он помялся, помялся, потоптался, потоптался и скинул с себя новую коричневую телогрейку, выданную ему дядей Левонтием по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Санька. — Ладно! — еще решительней повторил он. — Раз так, я тоже не пойду! Все! — И под одобрительным взглядом бабушки Катерины Петровны проследовал в среднюю¹. — Не последний день на свете живем! — солидно заявил Санька. И мне почудилось: не столько уж меня, сколько себя убеждал Санька. — Еще наснимаемся! Ништя-а-ак! Поедем в город и на коне, может, и на ахтомобиле заснимемся. Правда, баушка Катерина? — закинул Санька удочку.

— Правда, Санька, правда. Я сама, не сойти мне с этого места, сама отвезу вас в город, и к Волкову, к Волкову. Знаешь Волкова-то?

Санька Волкова не знал. И я тоже не знал.

— Самолучший это в городе фотограф! Он хоть на портрет, хоть на почпорт, хоть на коне, хоть на ероплане, хоть на чем заснимет!

— А школа? Школу он заснимет?

— Школу-то? Школу? У него машина, ну, аппарат-то не перевозной. К полу привинченный, — приуныла бабушка.

— Вот, а ты...

— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.

— В ра-амку? Зачем мне твоя рамка?! Я без рамки хочу!

— Без рамки! Хочешь? Дак на! На! Отваливай! Коли свалишься с ходуль своих, домой не являйся! — Бабушка покидала в меня одежонку: рубаху, пальтишко, шапку, рукавицы, катанки — все покидала. — Ступай, ступай! Баушка худа тебе хочет! Баушка — враг тебе! Она коло него, аспида, вьюном вьется, а он, видали, какие благодарствия баушке!..

¹ Серёдняя (местн.) — часть избы, деревенского дома перед печью.

Тут я заполз обратно на печку и заревел от горького бессилия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

В школу я не ходил больше недели. Бабушка меня лечила и баловала, давала варенья, брусницы, настряпала отварных сушек, которые я очень любил. Целыми днями сидел я на лавке, глядел на улицу, куда мне ходу пока не было, от безделья принимался плевать на стекла, и бабушка стращала меня, мол, зубы заболят. Но ничего зубам не сделалось, а вот ноги, плюй не плюй, все болят, все болят.

Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произведение искусства. По окну, еще не заходя в дом, можно определить, какая здесь живет хозяйка, что у нее за характер и каков обиход в избе.

Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красотой. В горнице меж рам валиком клала вату и на белое сверху кидала три-четыре розетки рябины с листиками — и все. Никаких излишеств. В средней же и в кути бабушка меж рам накладывала мох вперемежку с брусничником. На мох несколько березовых углей, меж углей ворохом рябину — и уже без листьев.

Бабушка объяснила причуду эту так:

— Мох сырость засасывает. Уголек обмерзнуть стеклам не дает, а рябина от угару. Тут печка, с кути чад.

Бабушка иной раз подсмеивалась надо мной, выдумывала разные штуковины, но много лет спустя, у писателя Александра Яшина, прочел о том же: рябина от угара — первое средство. Народные приметы не знают границ и расстояний.

Бабушкины окна и соседние окна изучил я буквально-досконально, по выражению предсельсовета Митрохи.

У дяди Левонтия нечего изучать. Промеж рам у них ничего не лежит, и стекла в рамах не все целы — где фанерка прибита, где тряпками заткнуто, в одной створке красным пузом выперла подушка.

В доме наискосок, у тетки Авдотьи, меж рам навалено всего: и ваты, и моху, и рябины, и калины, но главное там украшение — цветочки. Они, эти бумажные цветочки, синие, красные, белые, отслужили свой век на иконах, на угловике и теперь попали украшением меж рам. И еще у тетки Авдотьи за рамами красуется одноногая кукла, безногая собака-копилка, развешаны побрякушки без ручек и конь стоит без хвоста и гривы, с расковыренными ноздря-

ми. Все эти городские подарки привозил деткам муж Авдотьи, Терентий, который где ныне находится — она и знать не знает. Года два и даже три может не появляться Терентий. Потом его словно коробейники из мешка вытряхнут, нарядного, пьяного, с гостинцами и подарками. Пойдет тогда шумная жизнь в доме тетки Авдотьи. Сама тетка Авдотья, вся жизнью издерганная, худая, бурная, бегучая, все в ней навалом — и легкомыслие, и доброта, и бабья сварливость.

Дальше тетки Авдотьиного дома ничего не видать. Какие там окна, что в них — не знаю. Раньше не обращал внимания — некогда было, а теперь вот сижу да поглядываю, да бабушкину воркотню слушаю.

Какая тоска!

Оторвал листок у мятного цветка, помял в руках — воняет листок, будто нашатырный спирт. Бабушка листья мятного цветка в чай заваривает, пьет с вареным молоком. Еще на окне алой остался, да в горнице два фикуса. Фикусы бабушка стережет пуще глаза, но все равно прошлой зимой ударили такие морозы, что потемнели листья у фикусов, склизкие, как обмылки, сделались и опали. Однако вовсе не погибли — корень у фикуса живучий, и новые стрелки из ствола проклюнулись. Ожили фикусы. Люблю я смотреть на оживающие цветы. Все почти горшки с цветами — геранями, сережками, колючей розочкой, луковицами — находятся в подполье. Горшки или вовсе пустые, или торчат из них серые пеньки.

Но как только на калине под окном ударит синица по первой сосульке и послышится тонкий звон на улице, бабушка вынет из подполья старый чугунок с дыркой на дне и поставит его на теплое окно в кути.

Через три-четыре дня из темной нежилой земли проткнутся бледно-зеленые острые побеги — и пойдут, пойдут они торопливо вверх, на ходу накапливая в себе темную зелень, разворачиваясь в длинные листья, и однажды возникнет в пазухе этих листьев круглая палка, проворно двинется та зеленая палка в рост, опережая листья, породившие ее, набухнет щепотью на конце и вдруг замрет перед тем, как сотворить чудо.

Я всегда караулил то мгновение, тот миг свершающегося таинства — расцветания, и ни разу скараулить не мог.

Ночью или на рассвете, скрыто от людского урочливого глаза, зацветала луковка.

Встанешь, бывало, утром, побежишь еще сонный до ветру, а бабушкин голос остановит:

— Гляди-ко, живунчик какой у нас родился!

На окне, в старом чугушке, возле замерзшего стекла над черной землею висел и улыбался яркогубый цветок с бело мерцающей сердцевинкой и как бы говорил младенчески-радостным ртом: «Ну вот и я! Дождались?»

К красному граммофончику осторожная тянулась рука, чтоб дотронуться до цветка, чтоб поверить в недалекую теперь весну, и боязно было спугнуть среди зимы впорхнувшего к нам предвестника тепла, солнца, зеленой земли.

После того как загоралась на окне луковица, заметней прибывал день, плавилась толсто обмерзшие окна, бабушка доставала из подполья остальные цветы, и они тоже возникали из тьмы, тянулись к свету, к теплу, обрызгивали окна и наш дом цветами. Луковица меж тем, указав путь весне и цветению, сворачивала граммофончики, съезживалась, роняла на окно сохлые лепестки и оставалась с одними лишь гибко падающими, подернутыми хромовым блеском ремнями стеблей, забытая всеми, снисходительно и терпеливо дожидалась весны, чтоб вновь пробудиться цветами и порадовать людей надеждами на близкое лето.

Во дворе залился Шарик.

Бабушка перестала починяться, прислушалась. В дверь постучали. А так как в деревнях нет привычки стучать и спрашивать, можно ли войти, то бабушка всполошилась, побежала в куть.

— Какой это там лешак ломится?.. Милости просим! Милости просим! — совсем другим, церковным голоском запела бабушка. Я понял: к нам нагрянул важный гость, поскорее спрятался на печку и с высоты увидел школьного учителя, который обметал веником катанки и прицеливался, куда бы повесить шапку. Бабушка приняла шапку, пальто, бегом умчала одежду гостя в горницу, потому как считала, что в кути учительской одежде висеть неприлично, пригласила учителя проходить.

Я притаился на печи. Учитель прошел в среднюю, еще раз поздоровался и справился обо мне.

— Поправляется, поправляется, — ответила за меня бабушка и, конечно же, не удержалась, чтоб не поддеть меня: — На еду уж здоров, вот на работу хил покуда.

Учитель улыбнулся, поискал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я слезал с печки.

Боязливо и нехотя я спустился с печи, присел на припечек. Учитель сидел возле окошка на стуле, принесенном бабушкой из горницы, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малоприметное, я не забыл до сих пор. Было оно бледновато по сравнению с деревенскими, каленными ветром, грубо тесанными лицами. Прическа под «политику» — волосы зачесаны назад. А так ничего больше особенного не было, разве что немного печальные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Саньки левонтьевского. Было ему лет двадцать пять, но он мне казался пожилым и очень солидным человеком.

— Я принес тебе фотографию, — сказал учитель и поискал глазами портфель.

Бабушка всплеснула руками, метнулась в куть — портфель остался там.

И вот она, фотография — на столе.

Я смотрю. Бабушка смотрит. Учитель смотрит. Ребят и девочек на фотографии, что семечек в подсолнухе! И лица величиной с подсолнечные семечки, а узнать всех можно. Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Колька-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, ее брат Саня...

В гуще ребят, в самой середине — учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное. Им что? У них ноги не болят.

Санька из-за меня на фотографию не попал. И чего приперся? То измывается надо мной, вред мне наносит, а тут восчувствовал. Вот и не видно его на фотографии. И меня не видно. Еще и еще перебегаю с лица на лицо. Нет, не видно. Да и откуда я там возьмусь, коли на печке лежал и загибала меня «худа немочь».

— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, еще приедет.

— А я что ему толкую? Я то же и толкую...

В. П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет».

Худ. И. Пчелко

Я отвернулся, моргая на русскую печку, высунувшую толстый беленый зад в среднюю, губы мои дрожат. Что мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии меня нет. И не будет!

Бабушка настраивала самовар и занимала учителя разговорами.

— Как парнишечка? Грызть-то не унялася?

— Спасибо, Екатерина Петровна. Сыну лучше. Последние ночи спит спокойней.

— И слава Богу. И слава Богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а ниче, выросли. И ваш вырастет...

Самовар запел в кути протяжную тонкую песню. Разговор шел о том о сем. Бабушка про мои успехи в школе не спрашивала. Учитель про них тоже не говорил, поинтересовался насчет деда.

— Сам-то? Сам уехал в город с дровами. Продаст, деньжонками разживемся. Какие наши достатки? Огородом, коровенкой да дровами живем.

— Знаете, Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой жа?

— Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров. Сухих, швырковых¹. И не могу дознаться, кто их свалил.

— За чего дознаваться-то? Нечего и дознаваться. Топите — и все дела.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то нету? Нету. Ждать, когда преподобный Митроха распорядится? А и привезут сельсоветские — сырье-сырьем, тоже радости мало.

Бабушка, конечно, знает, кто свалил учителю дрова. И всему селу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает.

Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Еще уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника мужа, на свекровку. Дядя Левонтий — лиходей из лиходеев, когда пьяный, всю посуду прибьет, Васёне фонарь привесит, ребятишек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий. Неизвестно, о чем го-

¹ Швырок — короткие дрова для топки печей.

ворил с ним учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно толковал:

— Ну чисто рукой дурь снял! И вежливо все, вежливо. Вы, говорит, вы... Да ежели со мной по-людски, да я что, дурак, что ли? Да я любому и каждому башку сверну, если такого человека пообидят!

Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметанки, творогу, брусники тусок¹. Ребеночка доглядят, полечат, если надо, учительницу необидно отругают за неумелость в обыходе с дитем. Когда на сносях была учительница, не позволяли бабы ей воду таскать. Один раз пришел учитель в школу в подшитых через край катанках. Умыкнули бабы катанки — и к сапожнику Жеребцову снесли. Шкалик поставили, чтоб с учителя, ни Боже мой, копейки не взял Жеребцов и чтоб к утру, к школе все было готово. Сапожник Жеребцов — человек пьющий, ненадежный. Жена его, Тома, спрятала шкалик и не отдавала до тех пор, пока катанки не были подшиты.

Учителя были заводилами в деревенском клубе. Играм и танцам учили, ставили смешные пьесы и не гнушались представлять в них попов и буржуев; на свадьбах бывали почетными гостями, но блюли себя и приучили несговорчивый в гулянке народ выпивкой их не вольтить.

А в какой школе начали работу наши учителя!

В старом деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый класс и один красный карандаш. Принесли ребята из дома табуретки, скамейки, сидели кружком, слушали учителя, затем он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристроившись на подоконнике, поочередно писали палочки. Счету учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лучины.

Учитель как-то уехал в город и вернулся с тремя подводами. На одной из них были весы, на двух других ящики со всевозможным добром. На школьном дворе из плах соорудили временный ларек «Утильсырьё». Вверх дном перевернули школьники деревню. Чердаки, сарай, амбары

¹ *Тус* (местн.) — коробка из бересты, обычно круглая.

очистили от веками скапливаемого добра — старых самоваров, плугов, костей, тряпья.

В школе появились карандаши, тетради, краски вроде пуговиц, приклеенные к картонкам, переводные картинки. Мы попробовали сладких петушков на палочках, женщины разжились иголками, нитками, пуговицами.

Учитель еще и еще ездил в город на сельсоветской кляче, выхлопотал и привез учебники, один учебник на пятерых. Потом еще полегчение было — один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме появился учебник.

Столы и скамейки сделали деревенские мужики и плату за них не взяли, обошлись магарычом¹, который, как я теперь догадываюсь, выставил им учитель на свою зарплату.

Учитель вот фотографа сговорил к нам приехать, и тот заснял ребят и школу. Это ли не радость! Это ли не достижение!

Учитель пил с бабушкой чай. И я первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем и изо всей мочи старался не обляпаться, не пролить из блюда чай. Бабушка застелила стол праздничной скатертью и поставила а-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники городские, и молоко в нарядном сливочнике. Я очень рад и доволен, что учитель пьет у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и все у нас есть, и стыдиться перед таким редким гостем за угощение не приходится.

Учитель выпил два стакана чаю. Бабушка упрашивала выпить еще, извиняясь, по деревенской привычке, за бедное угощение, но учитель благодарил ее, говорил, что всем он премного доволен, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель уходил из дома, я все же не удержался и полюбопытствовал насчет фотографа: «Скоро ли он опять приедет?»

— А, штабы тебя приподняло да шлепнуло! — Бабушка употребила самое вежливое ругательство в присутствии учителя.

— Думаю, скоро, — ответил учитель. — Выздоровливай и приходи в школу, а то отстанешь. — Он поклонил-

¹ *Магарыч* — угощение в вознаграждение за что-нибудь.

ся дому, бабушке, она засемила следом, провожая его до ворот с наказом, чтоб кланялся жене, будто та была не через два посада от нас, а невесть в каких дальних краях.

Брякнула щеколда ворот. Я поспешил к окну. Учитель со стареньким портфелем прошел мимо нашего палисадника, обернулся и махнул мне рукой, дескать, приходи скорее в школу, — и улыбнулся при этом так, как только он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приветно. Я проводил его взглядом до конца нашего переулочка и еще долго смотрел на улицу, и было у меня на душе отчего-то щемливо, хотелось заплакать.

Бабушка, ахая, убирала со стола богатую снедь и не переставала удивляться:

— И не поел-то ничего! И чаю два стакана токо выпил. Вот какой культурный человек! Вот чё грамота делает! — И увещевала меня: — Учись, Витька, хорошеньче! В учителя, может, выйдешь або в десятники...

Не шумела в этот день бабушка ни на кого, даже со мной и с Шариком толковала мирным голосом, а хвасталась, а хвасталась! Всем, кто заходил к нам, подряд хвасталась, что был у нас учитель, пил чай, разговаривал с нею про разное. И так разговаривал, так разговаривал! Школьную фотокарточку показывала, сокрушалась, что не попал я на нее, и сулилась заключить ее в рамку, которую она купит у китайцев на базаре.

Рамку она и в самом деле купила, фотографию на стену повесила, но в город меня не везла, потому как болел я в ту зиму часто, пропускал много уроков.

К весне тетрадки, выменянные на утильсырье, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из березы делают фанеру; из хвойных пород — он так и сказал — не из лесин, а из пород! — изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек.

Но и мы тоже знали лес, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас

внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы научили его копать и есть корни саранок¹, жевать листовничную серу, различать по голосам птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться оттуда, в особенности как спастись от лесного пожара, как выйти из страшного таежного огня.

Однажды мы пошли на Лысую гору за цветами и саженицами для школьного двора. Поднялись до середины горы, присели на камень отдохнуть и поглядеть сверху на Енисей, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!..

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучка кремовых подснежников и, разевавая зубастую пасть, злобно шипела.

Еще и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, схватил палку и принялся молотить по змее, по подснежникам. Вверх полетели обломки палки, лепестки прострелов². Змея кипела ключом, подбрасывалась на хвосте.

— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шевелиться. Потом он приткнул концом палки голову змеи в камнях и обернулся. Руки его дрожали. Ноздри и глаза расширились, весь он был белый, «политика» его рассыпалась, и волосы крыльями висели на оттопыренных ушах.

Мы отыскиали в камнях, отряхнули и подали ему кепку.

— Пойдемте, ребята, отсюда.

Мы посыпались с горы, учитель шел за нами следом и все оглядывался, готовый оборонять нас снова, если змея оживет и погонится.

Под горою учитель забрел в речку — Малую Слизневку, попил из ладоней воды, побрызгал на лицо, утерся платком и спросил:

— Почему кричали, чтоб не бить гадюку через плечо?

— Закинуть же на себя змею можно. Она, зараза, обовьется вокруг палки!.. — объясняли ребята учителю. —

¹ Сарана — лесное растение, луковицы которого съедобны.

² Прострел — здесь: побег растения.

Да вы раньше-то хоть видели змей? — догадался кто-то спросить учителя.

— Нет, — виновато улыбнулся учитель. — Там, где я рос, никаких гадов не водится. Там нет таких гор, и тайги нет.

— Вот тебе и на! Нам надо было учителя-то оборонять, а мы?!

Прошли годы, много, ох много их минуло. А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна. Мои земляки уверяют, что не только именем-отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Чисто брат с сестрой!..» Тут, я думаю, сработала благодарная человеческая память, сблизив и сроднив дорогих людей, а вот фамилии учителя с учительницей никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька.

Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней. Много их полегло в войну. Всему миру известно прославленное имя — сибиряк.

Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки, все равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятишки. Зато как твердо держат они материю, прибитую к двум палкам. На материи написано каракулисто: «Овсянская нач. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми ставнями — ребятишки: кто с оторопелым лицом, кто смеется, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на снегу лежит.

Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмеяться над деревенскими фотографиями

не могу, как бы они порой нелепы ни были. Пусть напыщенный солдат или унтер снят у кокетливой тумбочки, в ремнях, в начищенных сапогах — всего больше их и красуется на стенах русских изб, потому как в солдатах только и можно было раньше «сняться» на карточку; пусть мои тетки и дядя красуются в фанерном автомобиле, одна тетка в шляпе вроде вороньего гнезда, дядя в кожаном шлеме, севшем на глаза; пусть казак, точнее, мой братишка Кеша, высунувший голову в дыру на материи, изображает казака с газырями и кинжалом; пусть люди с гармошками, балалайками, гитарами, с часами, высунутыми напоказ из-под рукава, и другими предметами, демонстрирующими достаток в доме, таращатся с фотографий.

Я все равно не смеюсь.

Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история.

Вопросы и задания

1. Вы прочитали небольшой рассказ, в котором говорится об ординарном событии, но вместе с тем описывается эпизод из истории жизни страны в XX веке — о деревенских буднях школы. Какими они вам представляются благодаря рассказу В. Астафьева «Фотография, на которой меня нет»?
2. Кто герои рассказа? Двумя-тремя штрихами автор раскрывает перед нами характеры. Каковы они — учитель, дядя Левонтий, бабушка? Как помогали друг другу учитель и жители села, взрослые и дети?
3. С какой целью писатель рассказывает о том, как создавалась эта сельская школа? Найдите в тексте это описание. Прочитайте вслух. Можно ли хоть примерно определить годы, о которых пишет В. Астафьев? Какие приметы помогли вам определить время?
4. Как вы понимаете фразу, которой заканчивается повествование: «Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история»?

Развивайте дар слова

Подготовьте пересказ текста, подчеркнув цитатами особенности жизни деревни и размышлений главного героя.

РУССКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА О РОДИНЕ, РОДНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе-белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользкий обрыв,

Точно стада в тумане,
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Родное

Далеких стад унылое мычанье
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен
И белые, сыпучие пески...
О, бледный май, задумчивый, как осень!..
В полях затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь во тьме ночной.

Здесь — тише радость и спокойней горе,
Живешь как в милом и безгрешном сне,
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

Не надо звуков

Дух Божий веет над землею.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечеряющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

Будьте внимательны к слову...

1. И. Анненский говорит о любви к снегу. Подумайте, в какое время он видит снег — начало, середина, конец зимы. По каким приметам вы догадались об этом? Какие эпитеты помогают нам представить разные картины, о которых говорит поэт? Обратим внимание на совершенно необычную характеристику снега: «Он ложится усталый / На скользящий обрыв...»
2. Д. Мережковский в стихотворении «Родное» передает нам грустное, щемящее чувство печали с помощью эпитетов, сравнений. С чем сравнивает он дождь? Подготовьтесь к чтению стихотворения вслух.
3. Обратим внимание, что и следующее стихотворение говорит нам о тишине пруда и леса, вечеряющих небес и молчаливых облаков. Какое настроение передает нам поэт, о каком состоянии собственной души рассказывает?

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Вечер на Оке

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

Уступи мне, скворец, уголок

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.
И свистит, и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.

Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околесца,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представление, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.

Вопросы и задания

1. Как вы объясните начало стихотворения Н. Заболоцкого «Вечер на Оке»? Почему подлинная радость очарования русского пейзажа открыта не всем и даже не каждому художнику?
2. Что происходит с природой, когда «вечерний луч таинственно блеснет»? Почему поэт вводит для ее описания характерные для живого существа черты: *вздыхнут леса; грудь реки при-*

никнет к небосводу? Что этим достигается? Какие тропы использует поэт?

3. С кем ведет диалог поэт в стихотворении «Уступи мне, скворец, уголок»? В чем его смысл?
4. Какая картина мира открывается поэту и вам? Что происходит в природе?
5. Какие приемы использует поэт в следующих словосочетаниях: *И свистит, и бормочет весна; По колено затоплены тополи. / Пробуждаются клены от сна; Ты — наш первый весенний певец / Из березовой консерватории; Охватило всю душу сиренями; Пыхлая по небу восторгам?* Найдите и другие строки, полные поэтических образов, объясните их.
6. Прочитайте выразительно оба стихотворения. Постарайтесь увлечь своим чтением слушателей.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

По вечерам

С моста идет дорога в гору.

А на горе — какая грусть! —

Лежат развалины собора,

Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы

Наш день, как будто у груди,

Был вскормлен образом свободы,

Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отливовала,

Отгоревала, отошла!

И все ж я слышу с перевала,

Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно

Здесь парни ладят стремяна,

По вечерам тепло и ясно,

Как в те былые времена.

Встреча

— Как сильно изменился ты! —

Воскликнул я. И друг опешил.

И стал печальной сироты...

Но я, смеясь, его утешил:
— Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
И вся Россия изменилась!..

Привет, Россия...

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

Будьте внимательны к слову...

1. Три стихотворения Николая Рубцова... О былом России, о переменах, о любви поэта к Родине... Что говорит Рубцов о прошлом России? Автор пишет об истории жизни народа, страны — *отликовала, отгоревала, отошла*. Что скрывается за этими простыми словами?
2. В чем выражается любовь поэта к Родине? Какие картины окружающего мира остаются в его сердце и греют душу? Какие литературные приемы и средства использует автор для выражения своего чувства?
3. Прочитайте вслух или выучите наизусть одно из стихотворений.

«МНЕ ТРУДНО БЕЗ РОССИИ...»

ПОЭТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О РОДИНЕ

Когда после Октябрьской революции перестала существовать единая Россия, образовалось две России — советская и эмигрантская... В истории было немало случаев, когда страны, в силу тех или иных установлений, разделялись — Восточная и Западная Германия, Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам. Но люди тем не менее продолжали жить на своей исконной земле, и рано или поздно части разделенной страны воссоединялись, и время сравнительно быстро излечивало исторические и культурные рубцы. С Россией было иначе. Территория оставалась неделимой, зато ее вынужденно покинула значительная часть самых образованных, просвещенных, культурных людей.

У русских писателей-эмигрантов было ясное понимание: без внутренних связей с русской культурой быстро наступит духовная смерть и полное растворение в чужой национальной среде.

Культура оказывалась той соломинкой, взявшись за которую можно было попытаться спасти и ее, и себя.

Именно поэтому особое значение приобретают в эмиграции не только художественная литература, но и воспоминания, мемуары, рассказы и статьи об обычаях, обрядах, быте и вообще о прошлой жизни в России... Автобиографические сочинения пишут в эмиграции все или почти все, кто способен держать перо.

В. Коровин

НИКОЛАЙ ОЦУП

Мне трудно без России...

Отрывок

Земля, и человек, и та или другая
Страна, особенно для сердца дорогая,
Чей радует обычай и язык,
Чье имя связывать ты с жребием привык,

Тебе назначенным. Великая утрата —
Остаться без нее... А может быть, тогда-то
Такую (и такое) потеряв,
Но ей чужим или врагом не став, —
Тогда-то, может быть, и чувствуешь впервые
Всю жизни глубину... Мне трудно без России...

ЗИНАИДА ГИППИУС

Знайте!

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколыхнутся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.

Так и есть

Если гаснет свет — я ничего не вижу,
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Будьте внимательны к слову.

ДОН АМИНАДО

Бабе лето

Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственный прах.

Русское лето в России,
Запахи пыльной травы.
Небо какой-то старинной,
Темной, густой синевы.

Утро. Пастушья жилейка¹.
Поздний и горький волчец².
Эх, если б узкоколейка³
Шла из Парижа в Елец.

ИВАН БУНИН

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Поразмышляем над прочитанным...

1. Какое настроение, какая музыка преобладают в стихотворениях разных поэтов о родной стороне?
О чем говорят поэты-эмигранты? Почему им «трудно без России»? Что вспоминают они на чужбине?
2. Какое состояние души передают строки разных поэтов?

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.
И. Анненский. «Снег»

¹ Жилейка (жалейка) — дудка в виде маленькой свирели.

² Волчец — род колючей сорной травы.

³ Узкоколейка — железная дорога с узкой колеей.

Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега...
Дон Аминадо. «Города и годы»

3. Выберите и подготовьте к выразительному чтению наизусть одно или два стихотворения о Родине.
4. Обратим внимание на то, что И. Анненский, с одной стороны, как будто бы недоволен зимой: «...Да обуза тяжка... / От нее даже дыму не уйти в облака», а с другой — любитесь блеском снега: «Но люблю ослабелый / От заоблачных нег — / То сверкающе-белый, / То сиреневый снег...» Как меняются взгляд и чувства поэта от созерцания родных просторов?
5. Как вы понимаете строки Д. Мережковского?

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

6. Как Бунин говорит о горечи ухода из родного дома? Обратите внимание на пульсирующий ритм бунинского стиха. Что он напоминает?
7. В чем пафос стихотворений З. Гиппиус «Знайте!», «Так и есть»?

Любое художественное произведение существует во времени и тесно прикреплено к истории общества, страны, народа, нации, всего человечества. Такая сопряженность литературы и истории позволяет поставить проблему историзма как одну из основных в науке о литературе. Она выдвинута самой историей, т. е. историческим опытом человечества на протяжении тысячелетий.

Ученые, изучавшие мировую историю, заметили, что нынешнее состояние мира складывалось постепенно, что мышление и чувства, «язык», которым пользовались древние люди, имели как общие с теперешними качества, так и глубокие различия. В древности люди тоже думали, размышляли, любили, негодовали, мечтали. И в этом они не отличались от нас. Но содержание их мыслей, чувств, «языковое» выражение были другими, непохожими на содержание и выражение наших мыслей и чувств... К давно прошедшим историческим событиям нельзя применять современные понятия и представления.

Итак, под историзмом понимают соответствие идей и чувств, а также соответствие выражения их строго определенной исторической эпохе. Историзм предполагает, что ничто не является на пустом месте, а выступает результатом развития, что ход последующих событий вытекает из предыдущих. Историзм утверждает, что ничто в истории не повторяется в точно таком же виде, как оно произошло раньше. Минувший век не воскресает вновь.

В целом знание истории и развитое чувство историзма помогает угадать и понять смысл и направление исторического движения всего человечества, а значит, содействовать желательным процессам и противодействовать нежелательным.

В художественной литературе дело обстоит несколько иначе. Так, достаточно, если вымысел соответствует духу истории, чтобы художественная фантазия была историчной. Например, в романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» Петр I встречает Ибрагима Ганнибала, предка великого поэта, за 28 верст от Петербурга, в ямской избе, сажает в свою коляску и гордо показывает ему город, которого крестник царя еще не видел. В истории такого эпизода не было. Но, зная характер Петра I, его преобразовательную энергию, его заботу о полезных государству людях, Пушкин предположил, что так могло быть. Его художест-

венный вымысел оказался убедительным и историчным, так как отвечал духу эпохи.

Под историзмом художественной литературы понимают ее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи. Понятие «историзм» употребляется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они далекое прошлое или современность. Например, историзмом отмечены и «Песнь о вещем Олеге», и роман «Дубровский», и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, и рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник». В одних из названных произведений есть исторические сцены, в других — нет, но все они отвечают требованиям художественного историзма, передавая своеобразие жизни человека определенного времени.

В узком смысле понятие «историзм» применяется к произведениям исторических жанров — историческим романам, историческим поэмам, содержанием которых становятся исторические сюжеты, как, например, в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» или повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». В них писатели стремятся понять и передать своеобразие отдаленной эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к изображению прошлого исторически.

Понятие историзма вообще и художественного историзма в частности возникло недавно, на рубеже XVIII—XIX веков. Это, однако, не значит, что произведения, созданные до этого времени, лишены историзма. Поэмы Гомера, былины, песни, сказки, «Слово о полку Игореве» тоже обладают историзмом, но историзмом особым.

В античных произведениях все исторические события, о которых рассказывается в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», — это игры олимпийских богов, их споры, конфликты, столкновения, победы и поражения. В распри богов были вовлечены герои и люди. Это и нашло отражение в поэме Гомера «Илиада».

В средневековую эпоху утвердилось мнение, что история человечества пишется на небесах, что она есть творение Бога.

В дальнейшем история все более связывалась с представлением о человеке, о его деяниях и нравственных силах, об участии в историческом процессе различных слоев и групп народа.

В соответствии с этим и смысл истории понимался по-разному. Н. М. Карамзин, например, считал, что смысл истории находится в

ведении Провидения, которое осуществляет свою волю через мысли и поступки людей.

Понятие «историзм» возникает в конце XVIII — начале XIX века в трудах немецкого историка И.-Г. Гердера и английского романиста Вальтера Скотта. Гердер ищет национальное своеобразие в фольклоре, в творчестве народа. Вальтер Скотт демонстрирует историзм мышления при воссоздании прошлых эпох, сосредоточивается на воспроизведении истории «домашним образом», на историческом колорите, передавая характеры людей, особенности их мыслей и чувств. В романах Вальтера Скотта воплотились наиболее яркие признаки романтического историзма.

В России романтический историзм дает себя знать в думах К. Ф. Рылеева, в исторических повестях Бестужева-Марлинского¹, в романах Загоскина², в балладах А. К. Толстого³.

Под романтическим историзмом понимают изображение человека и выражение его внутреннего мира в зависимости от национального опыта, климата, природы, языка, народных верований, обычаев.

Причем у одних писателей (Рылеев, например) герои думают и чувствуют как сам поэт и его друзья-декабристы, у других — заметно стремление точно воспроизвести исторический колорит, сохранить верность нравам, обычаям, языку прошлых эпох.

Реалистический историзм характерен тем, что история была предельно приближена к человеку, его быту и его житейским условиям. Такой историзм свойствен прежде всего А. С. Пушкину, заложившему основы реалистического историзма. Это означает, что человек — часть истории, что история продолжает творить его, формируя характер, вкусы, привычки, быт, нравственность и язык. Реалистический историзм — это сюжетное, композиционное и языковое воспроизведение исторических явлений в свете их собственного содержания и смысла. При этом глубина и правдивость такого воспроизведения зависят от проникновения автора в своеобразие исторической эпохи. А. С. Пушкин не ограничился воспроизведением исторического колорита и панорамы эпохи, а изобразил социальный конфликт между властью и народом, дворянством и крестьянством, дворянством старинным родовитым и новым. Так, в ро-

¹ *Бестужев-Марлинский А. А.* (1797—1837) — русский писатель.

² *Загоскин М. Н.* (1789—1852) — русский писатель.

³ *Толстой А. К.* (1817—1874) — русский писатель.

мане «Дубровский» принадлежащий к старинному дворянскому роду Владимир Дубровский становится во главе крестьян против Троекурова. Однако впоследствии А. С. Пушкин понимает, что дворянин не может возглавить крестьянское восстание. В «Капитанской дочке» дворянин Гринев не переходит на сторону Пугачева. Но мысль А. С. Пушкина сводится к тому, что в сердце молодого дворянина возобладали человеческие чувства, которые в дальнейшем объединяли бы крестьян и дворян, а не разъединяли их.

Эта же мысль о единстве нации пронизывает и роман Л. Н. Толстого «Война и мир». О победе общечеловеческих чувств, несмотря на непреодолимые препятствия, писал и Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины». С необычайной силой изобразил А. П. Чехов, исторически глубоко поняв душу русского человека, пропасть между безграмотным, непросвещенным мужиком, чуждым всякого злодейства, но невольно ставшим «злодеем», злоумышленником, не понимающим совершенного им преступления, и образованным сословием в лице следователя.

С течением времени понятие историзма и сам принцип художественного историзма обогатились в творчестве И. А. Бунина, А. А. Блока, М. А. Булгакова, А. Т. Твардовского, которые могли одной деталью, одной чертой, одним намеком передать самую суть исторической эпохи и характер Человека этой эпохи.

В. Коровин

Вопросы и задания

1. Что понимают литературоведы под историзмом? Как возникло понятие «историзм»?

Что означает понятие «историзм» в широком и узком смыслах этого слова?

2. В каких произведениях русской литературы проявился романтический историзм, а в каких — реалистический?

Подтвердите свои ответы примерами из произведений русской литературы.

Уильям ШЕКСПИР

1564—1616

Уильям Шекспир — великий английский поэт и драматург эпохи Возрождения.

Время, в которое жил и творил Шекспир, было переломным в истории Западной Европы. Шекспир был современником великой эпохи, получившей название «Возрождение». Устои феодального общества рушились, их подрывал новый класс — буржуазия, уходили в прошлое многие укоренившиеся представления о жизни, рушились старые идеалы и возникали новые. В Англии более интенсивно, чем где-либо в Европе, складывался капиталистический способ производства. Это был период бурного роста богатства и одновременно широкого распространения нищеты. В обществе появлялись люди, стремившиеся по-новому осмыслить жизнь и назначение человека. Возникло новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждало величие, красоту и бесконечные возможности человека. Как и другие гуманисты, Шекспир верил, что лучшие начала в мире и человеке в конечном итоге восторжествуют. Жизнь, однако же, шла иным путем. Долгий трехвековой путь итальянского гуманизма в Англии укладывался в рамки одного

XVI века. На мгновение освежив величие человеческого духа, радости открытия и познания мира, пронеслось над страной великое Возрождение, пронеслось и погасло. Открывает эпоху английско-го Возрождения Томас Мор, а закрывает ее Шекспир.

О жизни великого драматурга сохранилось мало сведений, так как в глазах современников он отнюдь не был таким великим человеком, каким его признали последующие поколения. Его жизнь и творчество обросли легендами. Многие ученые по крупинке собирали данные о Шекспире, строили догадки, проверяли гипотезы и заполняли пробелы в его биографии. Документы, которые удалось найти, касаются в основном имущественных дел драматурга, зато о театральной деятельности Шекспира имеются более подробные сведения.

Шекспир родился в маленьком провинциальном городке Стрэтфорде, расположенном на реке Эйвон. Отец Шекспира был состоятельным ремесленником и торговцем. Свое детство Шекспир провел среди простых людей, глубоко усвоив живой народный язык. Начальное образование будущий драматург получил в грамматической школе Стрэтфорда, где главным предметом изучения были древние языки. Здесь Шекспир усвоил латынь и древнегреческий. На этом его официальное образование закончилось, так как уже с четырнадцатилетнего возраста он был вынужден помогать отцу в делах. Однако Шекспир стал весьма образованным для своего времени человеком, постоянно занимаясь самообразованием, пополняя недостающие знания чтением книг. В возрасте восемнадцати лет Шекспир женился, а через три-четыре года отправился в Лондон в поисках заработка. Его отец к этому времени испытал серьезные житейские неприятности, лишился денег и почетного положения, которое некоторое время занимал в Стрэтфорде.

В Лондоне Шекспир сменил несколько профессий и только в 1594 году окончательно связал свою судьбу с театром. Он вошел в актерское товарищество своего известного земляка, талантливого актера Бербеда. Труппа именовала себя «Слуги лорда-камергера». В 1599 году Бербедж открывает театр «Глобус», который стал лучшим среди шести лондонских театров. Успех театра во многом зависел от его репертуара, который создавал Шекспир, уже несколько лет увлекающийся литературной деятельностью. Ранние опыты Шекспира были переделкой и «подновлением» уже существующих сюжетов, позднее он перешел к созданию собственных произведений. В труппе Шекспира более ценили как драматурга, а не как актера, хотя на сцене он оставался лет до сорока. В 1612 году Шекспир

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

LONDON

Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

У. Шекспир. Гравюра работы худ. М. Друскоута.
«Фолио». 1623 г.

расстался с театром и вернулся в родной Стрэтфорд, где жил до самой смерти. Последние пьесы, написанные Шекспиром для его труппы, относятся к 1612—1613 годам. После этого драматург замолчал. Исследователи предполагают, что последние четыре года жизни Шекспир болел. Скончался великий драматург в возрасте 52 лет и был похоронен под алтарем храма Святой Троицы в родном городе.

Наследие Шекспира составляют 154 сонета, несколько небольших поэм, стихотворные циклы и 37 пьес. Его творчество является наглядным примером расцвета и кризиса гуманистической идеологии. Первое десятилетие его творчества проникнуто оптимистической верой в решение социальных противоречий; следующий период исполнен трагизма, так как на глазах у Шекспира рушился самый главный его идеал — убеждение в бесконечном совершенствовании человека; в последний период драматург пытается найти выход из мира трагических противоречий в своем собственном мире романтических драм. Ранний период творчества Шекспира (1590—1600) прошел под знаком надежд на обновление. Это было время написания исторических хроник («Ричард II», «Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VI» и др.) и комедий («Укрощение строптивой», «Венецианский купец», «Виндзорские насмешницы», «Двенадцатая ночь» и др.). Светлое, жизнерадостное настроение комедий, вера в торжество лучших начал в государственной жизни исторических хроник сочетаются в этом периоде творчества. Единственная трагедия этого периода «Ромео и Джульетта» (1595) проникнута светом романтической любви и глубоким лиризмом. Гибель главных героев не делает эту трагедию безысходной.

Ромео и Джульетта выросли и живут в обстановке вековой вражды их семейств, любой пустяк служит поводом для стычек. Несмотря на это, родилась и расцвела любовь двух прекрасных юных существ, которые презирают кровавые распри, которым не страшна смерть, а страшна жизнь без любимого. Герои погибают, но над их телами происходит примирение враждующих семейств Монтекки и Капулетти. Любовь одерживает моральную победу над миром зла.

Во второй период своего творчества (1601—1608), который можно назвать «трагическим», Шекспир пытается разрешить вопросы противоречивой природы человека, который может подняться до величайших духовных высот и опуститься до преступления. Источником трагического становится резкое противоречие

между гуманистическими идеалами и новой действительностью с ее культом власти и золота. В этот период созданы знаменитые трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир».

В последние годы творчества (1609—1613) пьесы Шекспира приобретают иной характер. Драматург начинает искать выход из неразрешимых конфликтов времени в сказке, в утопии. В последних пьесах Шекспира: «Перикл», «Цимбелин», «Буря», «Зимняя сказка» — мир полон зла, но добро чудесным образом всегда одерживает победу.

Пьесы Шекспира, созданные около четырех веков назад, живут и до сих пор, потрясая воображение зрителей. Лучшие театры мира, выдающиеся актеры считают для себя великой честью поставить и сыграть спектакль Шекспира.

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о жизни Шекспира из самостоятельно прочитанных книг?
2. Рассмотрите гравюру М. Друскоута портрета Шекспира (1623). Согласны ли вы с оценкой, которую дал портрету доктор Рауз: «Какое сильное впечатление он производит, этот внимательный взгляд всепонимающих глаз, и что за лоб, что за мозг!»?
3. Прочитайте высказывания А. С. Пушкина и И. С. Тургенева о Шекспире:
«Трагедия „Ромео и Джульетта“ хотя слогом своим совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *concetti*¹».

А. С. Пушкин

«Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда даются его пьесы... ступайте в театр, пробегите все ряды собравшейся толпы, приглядитесь к лицам, прислушайтесь к суждениям — и вы убедитесь, что

¹ *Концетти* (ит.) — с блеском выраженные мысли.

перед вашими глазами совершается живое, тесное общение поэта с его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые слова, вытекшие из сокровищницы его всеобъемлющей души!»

И. С. Тургенев

Познакомьтесь с отрывком из трагедии «Ромео и Джульетта». Сопоставьте свои впечатления с отзывом Пушкина.

Попытайтесь последовать советам Тургенева, если будете смотреть спектакль в театре.

Ромео и Джульетта

Сцены

Чтобы понять суть помещаемых ниже сцен, примем во внимание, что юные герои принадлежат к двум смертельно враждующим родам: Джульетта — к роду Капулетти, Ромео — к роду Монтекки.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена 2

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

.....
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.

Он не к лицу тебе. Сними его.

О милая! О жизнь моя! О радость!

Стоит, сама не зная, кто она.

Губами шевелит, но слов не слышно.

Пустое, существует взглядов речь!

О, как я глуп! С ней говорят другие.

Две самых ярких звездочки, спеша

По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джюльетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты решишь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленной толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Джюльетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени.
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше или ответить?

Джюльетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Ромео
О, по рукам! Теперь я твой избранник.
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта
Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео
Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта
Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео
Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта
Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео
Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены,
В нужде она решается на все,
И потому — что мне твои родные!

Джульетта
Они тебя увидят и убьют.

Ромео
Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбно вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта
Не попадись им только на глаза!

Ромео Как ширь моряка. Чем я больше влюблен,
Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джюльетта
Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео
Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Джюльетта
Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я лековерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление.
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Ромео
Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

- Джульетта
О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.
- Ромео
Так чем мне клясться?
- Джульетта
Не клянись ничем.
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.
- Ромео
Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...
- Джульетта
Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.
- Ромео
Но как оставить мне тебя так скоро?
- Джульетта
А что прибавить к нашему сговору?
- Ромео
Я клятву дал. Теперь клянись и ты.
- Джульетта
Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.
- Ромео
Ты б эту клятву взять назад хотела?
- Джульетта
Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —

Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежной и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я уйду. Прощай. —
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Пстой-ка.

(Уходит.)

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Все это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это все!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решенье.
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица *(за сценой)*

Голубушка!

Джульетта

Иду! Сию минуту! —

А если у тебя в уме обман,

Тогда, тогда...

Кормилица *(за сценой)*

Голубушка!

Джульетта

Немедля

Оставь меня и больше не ходи.

Я завтра справлюсь.

Ромео

Я клянусь спасеньем...

Джульетта

Сто тысяч раз прощай.

(Уходит.)

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта». Худ. Д. Шмаринев

Джульетта

Почти светает... Шел бы ты подальше.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты как ручная птичка щеголихи,
Прикованная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шелковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Мне б так хотелось
Той птицей быть!

Джюльетта

О, этого и я
Хотела бы, но я бы умервила
Тебя своими ласками. Прощай!
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

(Уходит.)

Ромео

Прощай! Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я к духовнику¹ отправлюсь в келью
Поговорить о радостях и деле.

(Уходит.)

Вынужденный вступить в поединок, Ромео убивает двоюродного брата Джюльетты — Тибальда. Ромео должен отправиться в ссылку.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена 5

Комната Джюльетты.

Ромео и Джюльетта.

Джюльетта

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

¹ Духовник — священник, принимающий исповедь.

Джульетта

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелonosца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Ромео

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть, так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит.
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы — прелести!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

Ромео

Румяней день и все черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

Кормилица

Джульетта!

Джульетта

Няня?

Кормилица

Матушка идет.

Светает. Осторожнее немножко.

(Уходит.)

Джульетта

В окошко — день, а радость — из окошка!

Ромео Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джульетта
Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий час все это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео
Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто ее возьмется свезть.

Джульетта
Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео
Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаьем.

Джульетта
О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным.

Ромео
Печаль нас пожирает, и она
Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

Джульетта
Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Вопросы и задания

1. Подготовьте краткий рассказ о Шекспире.
2. Почему, как считает И. С. Тургенев, русские имеют право праздновать память Шекспира?
3. Какие произведения Шекспира вам известны? О чем рассказывает трагедия «Ромео и Джульетта»? Кто герои трагедии и что

в них так давно занимает читателей и зрителей всех стран мира?

4. Что Ромео говорит о Джульетте? Что волнует Джульетту и о чем она мечтает? В чем счастье и трагедия влюбленных?

Сонеты

Сонет — стихотворение из четырнадцати строк с определенным порядком рифмовки.

Познакомьтесь с содержанием сонетов У. Шекспира и ответьте на вопросы.

76. «УВЫ, МОЙ СТИХ НЕ БЛЕЩЕТ НОВИЗНОЙ...»

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

Вопросы и задания

1. О чем этот сонет? Действительно ли «стих не блещет новизной»? Или это проница автора?
2. Объясните слова и словосочетания: *новизна*, *разнообразие перемен*, *приемов новых* и т. д.
3. Какие чувства вы отнесли бы к вечным и всегда обретающим новизну с каждым человеком?

4. Прочитайте выразительно сонет, обратив внимание на иронию и поставленные поэтом на первое место вечные ценности, всегда остающиеся новыми.

91. «КТО ХВАЛИТСЯ РОДСТВОМ СВОИМ СО ЗНАТЬЮ...»

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.

А у меня особенное счастье, —
В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

Вопросы и задания

1. Что противопоставляет поэт богатству, знатному роду и различным человеческим пристрастиям?
2. Как вы понимаете слова: *знать*, *галун*, *скакун*, *владеет*?
3. Подготовьте выразительное чтение сонета, подчеркнув осуждение, иронию, с одной стороны, и бескорыстие, теплое чувство любви, нежности — с другой.

Жан-Батист МОЛЬЕР

1622—1673

Жан-Батист Поклен, вошедший в литературу под именем Мольера, — французский актер и драматург, один из величайших комедиографов мировой литературы.

Мольер родился в Париже в семье придворного обойщика. Он получил хорошее образование в привилегированном учебном заведении — Клермонском коллеже, однако свой диплом юриста Мольер променял на любимую профессию, став актером, что с детства было его заветной мечтой. Вместе с друзьями и единомышленниками Мольер создал труппу актеров и открыл в Париже «Блистательный театр». Это был ранний период в истории французского театра, и начинание молодых энтузиастов провалилось, труппа разорилась, а театр пришлось закрыть. Начиная с 1646 года, в течение 13 лет, Мольер вместе с труппой бродячих актеров разъезжает по Франции. Мольер был блестящим актером и поначалу не задумывался о литературном творчестве, но бедность репертуара труппы заставила его взяться за перо. Вначале он лишь переделывал итальянские фарсы, но, неожиданно почувствовав в себе талант драматурга, занялся самостоятельным творчеством. В это время ему было немногим более 30 лет. Во время скитаний по Франции труппа Мольера выступала и на ярмарках, и в богатых поместьях. Драматург знакомился с вельможами и простолюдинами, приобретал жизненный и сценический опыт. В 1658 году труппа Мольера получила возможность остаться в Париже.

Мольер считал своим долгом исправлять нравы, совершенствовать человеческую природу; во всех своих комедиях драматург разоблачает низкие человеческие страсти. Все персонажи Молье-

ра — носители какой-нибудь одной ведущей черты, как требовали законы классицизма. В «Дон Жуане» (1665) разоблачается распушенность и эгоизм, уничтожающий все лучшие человеческие чувства; в комедии «Скупой» (1668) — скупость в ее крайнем проявлении; в комедии «Мещанин во дворянстве» — тщеславие; в комедии «Мнимый больной» (1670) — глупость доверчивых пациентов и невежественность докторов-шарлатанов. Особое место в творчестве Мольера занимает пьеса «Мизантроп» (1668), в которой комическое начало оттеснено трагизмом ситуации. Главный герой Альцест протестует против общепринятых, но аморальных норм поведения. Своим поведением в светском обществе Альцест вызывает вражду и насмешки, а сам испытывает отвращение к людям — мизантропию. Альцест — предшественник грибоедовского Чацкого.

Будучи уже прославленным писателем, Мольер не смог оставить сцену. Однажды во время представления своей комедии «Мнимый больной», где драматург играл главную роль, он почувствовал себя плохо. После окончания спектакля Мольер умер. Архиепископ Парижский запретил предавать земле тело «непокаявшегося грешника» по христианскому обряду. Мольер был похоронен ночью за кладбищенской оградой.

Характерным приемом соединения традиций и новаторства был разработанный Мольером жанр комедии-балета, сочетающий драматическое действие с танцами и музыкой. К этому жанру относится наиболее известное у нас произведение Мольера «Мещанин во дворянстве». Своим возникновением эта комедия обязана анекдотическому случаю. Турецкий посол, находящийся при дворе французского короля, как-то неосмотрительно заметил, что конь у турецкого султана украшен роскошнее, чем корона Людовика XIV. Разгневанный монарх приказал посадить посла под домашний арест, а затем и вовсе выдворить из Франции. Но этого показалось мало, и король пожелал, чтобы Мольер в одной из своих комедий выставил турок в смешном виде. В этой комедии драматург издевается и над турецкой, и над французской пышностью и неестественностью. Мольер высмеивает один из древнейших пороков человечества — тщеславие. Разбогатевшему мещанину Журдену для полного счастья необходимо дворянское звание. И он готов купить его за наличные. Комедия осуждает тех, кто пренебрежительно относится к своему происхождению, к традициям своего класса. Не почетное звание делает человека человеком, а его личные качества. Попытка занять не свое, а чужое место делает порядочного человека смешным и жалким, отдает его во власть мо-

шенников. В жизни надо заниматься своим делом, и это всегда будет почетным и достойным.

Комедии Мольера не потеряли своей актуальности и до настоящего времени. Более трехсот лет они не сходят с подмостков театров всего мира, а начиная с петровских времен — и с русской сцены.

Мещанин во дворянстве

Комедия в пяти действиях (с сокращениями)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Г-Н ЖУРДЕН

мещанин.

Г-ЖА ЖУРДЕН

его жена.

ЛЮСИЛЬ

их дочь.

КЛЕОНТ

молодой человек, влюбленный в Люсиль.

ДОРИМЕНА

маркиза.

ДОРАНТ

граф, влюбленный в Доримену.

НИКОЛЬ

служанка в доме г-на Журдена.

КОВБЕЛЬ

слуга Клеонта.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ.

УЧЕНИК УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ.

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ.

УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ.

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФИИ.

МУЗЫКАНТЫ.

ПОРТНОЙ.

ПОДМАСТЕРЬЕ ПОРТНОГО.

ДВА ЛАКЕЯ.

ТРИ ПАЖА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА БАЛЕТА

В первом действии

ПЕВИЦА.

ДВА ПЕВЦА.

ТАНЦОВЩИКИ.

Во втором действии

ПОРТНОВСКИЕ ПОДМАСТЕРЬЯ

(танцуют).

В третьем действии

ПОВАРА

(танцуют).

В четвертом действии

МУФТИЙ¹.

ТУРКИ, СВИТА МУФТИЯ

(поют).

ДЕРВИШИ²

(поют).

ТУРКИ

(танцуют).

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки (*певцам и музыкантам*). Пожа-луйте сюда, вот в эту залу, отдохните до его прихода.

Учитель танцев (*танцовщикам*). И вы тоже, станьте с этой стороны.

Учитель музыки (*ученику*). Готово?

Ученик. Готово.

Учитель музыки. Посмотрим... Очень недурно.

¹ *Муфтий* — у мусульман ученый-юрист, знаток богословия.

² *Дервиши* — нищенствующие мусульманские монахи.

Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении — это для нас просто клад. Если б все на него сделали похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка неравнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана — это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда — видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы, — похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я тоже люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения — это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги вы-

прямяют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Учитель танцев. В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаете деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени низменное, что человеку порядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки. Однако у нашего чудака вы преспокойно берете деньги.

Учитель танцев. Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да еще хоть немного хорошего вкуса — вот чего бы я желал.

Учитель музыки. Я тоже, ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но, как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев. А вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, г-н Журден, в халате и ночном колпаке, и два лакея.

Г-н Журден. Ну, господа? Как там у вас? Покажете вы мне нынче вашу безделку?

Учитель танцев. Что? Какую безделку?

Г-н Журден. Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев. О! О!

Учитель музыки. Как видите, мы готовы.

Г-н Журден. Я немного замешкался, но дело вот в чем: одеваюсь я теперь, как одевается знать, и мой портной прислал мне шелковые чулки, до того узкие — право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки. Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден. Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев. Как вам будет угодно.

Г-н Журден. Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет как должно.

Учитель музыки. Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Г-н Журден. Я сделал себе из индийской ткани халат.

Учитель танцев. Отличный халат.

Г-н Журден. Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки. Он вам удивительно идет.

Г-н Журден. Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей. Что прикажете, сударь?

Г-н Журден. Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев. Великолепные ливреи.

Г-н Журден (*распахивает халат; под ним у него узкие, красного бархата штаны и зеленого бархата камзол*). А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки. Бездна вкуса!

Г-н Журден. Лакей!

Первый лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Другой лакей!

Второй лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден (*снимает халат*). Держите. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев. Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Теперь займемся с вами.

Учитель музыки. Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он (*указывает на ученика*) написал для заказанной вам серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден. Очень может быть, но все-таки не следовало поручать это ученику. Еще неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то что ученик.

Учитель музыки. Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не меньше великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». Худ. Л. Нижний

Г-н Журден (*лакеям*). Дайте халат, так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй, лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица.

Ирида¹! Я томлюсь, меня страданье губит,
Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.
Когда вы мучите того, кто вас так любит,
Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлеч!

Г-н Журден. По-моему, это довольно заунывная песня, от нее ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать ее чуть-чуть веселее.

Учитель музыки. Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден. Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же она начинается?

Учитель танцев. Право, не знаю.

Г-н Журден. Там еще про овечку говорится.

Учитель танцев. Про овечку?

Г-н Журден. Да-да. Ах, вот! (*Поет.*)

¹ *Ирида* — крылатая вестница богов в греческой мифологии.

Жанетту я считал

И доброй и прекрасной,

Жанетту я считал овечкою, но — ах! —

Она коварна и опасна,

Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки. Еще бы не славная!

Учитель танцев. И вы хорошо ее поете.

Г-н Журден. А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки. Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев. Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден. А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки. Конечно, сударь.

Г-н Журден. Ну так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь, кроме учителя фехтования, я еще нанял учителя философии — он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки. Философия — материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев. Музыка и танцы... Музыка и танцы — это все, что нужно человеку.

Учитель музыки. Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев. Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки. Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев. Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки. Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев. Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных деятелей, ошибки великих полководцев — все это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден. Как так?

Учитель музыки. Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден. Верно.

Учитель музыки. А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден. И то правда.

Учитель танцев. Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден. Да, так говорят.

Учитель танцев. А чем еще может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден. Да, с этим я тоже согласен. Вы оба правы.

Учитель танцев. Все это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден. Теперь я понимаю.

Учитель музыки. Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден. Угодно.

Учитель музыки. Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден. Прекрасно.

Учитель музыки (*певцам*). Пожалуйста сюда. (*Г-ну Журдену.*) Вы должны вообразить, что они одеты пастушкíами.

Г-н Журден. И что это всегда пастушкíи? Вечно одно и то же.

Учитель танцев. Когда говорят под музыку, то для большего правдоподобия приходится обращаться к пасторали¹. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если

¹ *Пастораль* — поэтическое произведение, изображающее в сладком духе любовь пастухов и пастушек на вечнозеленых лугах, где пасутся белоруные овцы.

бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден. Ладно, ладно. Посмотрим.

Музыкальный диалог

Певица и два певца.

Певица.

Сердца в любовном упоенье
Всегда встречают тысячи помех.
Любовь приносит нам и счастье и томленье.
Недаром есть такое мнение,
Что нам милей всего — не знать любви утех.

Первый певец.

Нет, нам всего милей та радость без конца,
Которая сердца
Любowników сливает.
Блаженству на земле без страсти не бывать.
Любовью кто пренебрегает,
Тому и счастья не знать.

Второй певец.

О, кто бы не хотел любви изведать власть,
Когда бы не была обманчивою страсть!
Но — ах! — как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет пастушки ни единой,
И недостойный пол, позоря белый свет,
Свидетельствует нам, что верности уж нет.

Первый певец.

О сердца дрожь!

Певица.

О страсть во взорах!

Второй певец.

Сплошная ложь!

Первый певец.

Тот миг мне дорог!

Певица.

Они полны утех.

Второй певец.

Я презираю всех!

Первый певец.

О, не сердись, забудь свой гнев безмерный!

Певица.

Мы приведем тебя сейчас
К пастушке любящей и верной.

Второй певец.

Увы! Достойных нет средь вас!

Певица.

Я иду на испытанье —
Вот тебе моя любовь.

Второй певец.

Кто поручится заране,
Что не быть обману вновь?

Певица.

Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный нежный пыл.

Второй певец.

Небо пусть того накажет,
Кто постыдно изменил.

Все трое вместе.

Над нами, пламенея,
Любви горит венец.
Слиянье двух сердец —
Что может быть милее?

Г-н Журден. И это все?

Учитель музыки. Все.

Г-н Журден. По-моему, ловко закручено. Кое-где падаются очень занятные словечки.

Учитель танцев. А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образчик самых изящных телодвижений и самых изящных поз, из каких только может состоять танец.

Г-н Журден. Опять пастухи?

Учитель танцев. Это уж как вам будет угодно.
(Танцовщикам.) Начинайте.

БАЛЕТ

Четыре танцовщика по указаниям учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден. Э, да ладно, деритесь сколько хотите! Мое дело — сторона, я разнимать вас не стану, а то еще халат с вами разорвешь. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними связываться: неровен час, так огреют, что своих не узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и учитель философии.

Учитель философии (*отправляя воротник*). Приступим к уроку.

Г-н Журден. Ах, господин учитель, как мне досадно, что они вас побили!

Учитель философии. Пустяки. Философ должен ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе Ювенала¹, и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

Г-н Журден. Чему только смогу, ведь я смерть как хочу стать ученым, и такое зло меня берет на отца и мать, что меня с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии. Это понятное чувство, *nam sine doctrina vita est quasi mortis imago*. Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден. Да, но вы все-таки говорите так, как будто я ее не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии. Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден. Латынь говорит дело.

Учитель философии. У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден. А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии. С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден. А что это за штука — логика?

Учитель философии. Это наука, которая учит нас трем процессам мышления.

¹ Ювенал Деций Юний (60—140) — римский поэт-сатирик.

Г-н Журден. Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий, второй — в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий — в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: *Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Baralipon*¹ и так далее.

Г-н Журден. Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

Учитель философии. Хотите, займемся этикой?

Г-н Журден. Этикой?

Учитель философии. Да.

Г-н Журден. А про что она, эта самая этика?

Учитель философии. Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

Г-н Журден. Нет, не надо. Я вспылываю как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: когда меня разбирает злость, я желаю беситься сколько влезет.

Учитель философии. Может быть, вас прельщает физика?

Г-н Журден. А физика — это насчет чего?

Учитель философии. Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как то: радуги, блуждающих огней, комет, зарниц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден. Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

Учитель философии. Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден. Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии. С удовольствием.

Г-н Журден. Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

¹ Латинские слова, условно обозначающие различные виды умозаключений в формальной логике.

Учитель философии. Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден. Это мне все понятно.

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден. А, А. Так!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден. А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести звук И, нужно еще больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден. А, Е, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден. О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии. Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден. О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден. У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии. Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо соорудить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден. У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы все это уже знал.

Учитель философии. Завтра мы разберем другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден. А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии. Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка уперся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден. ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден. ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с ма-тушкой, ну как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии. А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему нёбу, однако ж под напором воздуха, с силою вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден. Р-Р-Р-РА, Р-Р-Р-Р-РА. Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р-Р-РА.

Учитель философии. Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкостей.

Г-н Журден. Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к ее ногам.

Учитель философии. Отлично.

Г-н Журден. Ведь правда это будет учтиво?

Учитель философии. Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден. Нет-нет, только не стихи.

Учитель философии. Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден. Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии. Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден. Почему?

Учитель философии. По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не иначе как прозой или стихами?

Учитель философии. Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден. А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии. Проза.

Г-н Журден. Что? Когда я говорю: «Николь! Принеси мне туфли и ночной колпак», это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Г-н Журден. Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полюбезнее, как-нибудь этак покрасивее выразиться?

Учитель философии. Напишите, что пламя ее очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за нее столь тяжкие...

Г-н Журден. Нет-нет-нет, это все не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии. Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден. Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии. Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден. Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии. Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден. А ведь я ничему не учился и вот все ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии. Не премину. (*Уходит.*) <...>

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, два лакея.

Г-н Журден. Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не отставайте ни на шаг, чтоб все видели, что вы мои лакеи.

Лакей. Слушаем, сударь.

Г-н Журден. Позовите сюда Николь — мне нужно отдать ей кое-какие распоряжения. Стойте, она сама идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Николь.

Г-н Журден. Николь!

Николь. Что угодно?

Г-н Журден. Послушай...

Николь (*хохочет*). Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Чего ты смеешься?

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что с тобой, бесстыдница?

Николь. Хи-хи-хи! На кого вы похожи! Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что такое?

Николь. Ах, Боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Экая нахалка! Ты это надо мной смеешься?

Николь. Ни-ни, сударь, даже не думала. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Посмей-ка еще — уж и влетит тебе от меня!

Николь. Ничего не могу с собой поделывать, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Перестанешь ты или нет?

Николь. Извините, сударь, но вы такой уморительный, что я не могу удержаться от смеха. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Нет, вы подумайте, какая наглость!

Николь. До чего ж вы сейчас смешной! Хи-хи!

Г-н Журден. Я тебя...

Николь. Извините, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Послушай: если ты сию секунду не перестанешь, клянусь, я закачу тебе такую оплеуху, какой еще никто на свете не получал.

Николь. Коли так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.

Г-н Журден. Ну смотри! Сейчас ты мне уберешь...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь как следует...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь, говорю, как следует залу и...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Ты опять?

Николь (*валится от хохота*). Нет уж, сударь, лучше побейте меня, но только дайте посмеяться вдоволь — так мне будет легче. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Ты меня доведешь!

Николь. Смилуйтесь, сударь, дайте мне посмеяться. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Вот я тебя сейчас...

Николь. Су... ударь... я лоп... лопну, если не похохочу. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Видали вы такую подлянку? Вместо того чтобы выслушать мои приказания, нагло смеется мне в лицо!

Николь. Что же вам угодно, сударь?

Г-н Журден. Мне угодно, чтобы ты, мошенница, потрудилась навести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.

Николь (*встает*). Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости наделают всегда такого беспорядку, что при одной мысли о них на меня нападает тоска.

Г-н Журден. Что ж, мне из-за тебя держать дверь на запоре от всех моих знакомых?

Николь. По крайней мере, от некоторых.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Ах, ах! Это еще что за новости? Что это на тебе, муженек, за наряд? Верно, вздумал посмешить людей, коли вырядился таким шутком? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден. Разве одни дураки да дуры станут на меня показывать пальцем.

Г-жа Журден. Да уж и показывают: твои повадки давно всех смешат.

Г-н Журден. Кого это «всех», позволь тебя спросить?

Г-жа Журден. Всех благоразумных людей, всех, которые поумнее тебя. А мне так совестно глядеть, какую ты моду завел. Собственного дома не узнать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра то и знай пиликают на скрипках, песни орут, — соседям и тем покою нет.

Николь. И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, коли вы, сударь, будете водить к себе такую пропасть народу. Грязи наносят прямо со всего города. Бедная Франсуаза вконец измучилась: любезные ваши учителя наследят, а она каждый Божий день мой после них полы.

Г-н Журден. Ого! Вот так служанка Николь! Простая мужичка, а ведь до чего же языкастая!

Г-жа Журден. Николь права: ума-то у нее побольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, в твои годы, понадобился учитель танцев?

Николь. И еще этот верзила фехтовальщик — он так топочет, что весь дом трясется, а в зале, того и гляди, весь паркет повыворотит.

Г-н Журден. Молчать, и ты, служанка, и ты, жена!

Г-жа Журден. Стало быть, ты задумал учиться танцевать? Нашел когда: у самого скоро ноги отнимутся.

Николь. Может статься, вам припала охота кого-нибудь убить?

Г-н Журден. Молчать, говорят вам! Обе вы невежды. Вам невдомек, какие это мне дает пре-ро-га-тивы¹!

Г-жа Журден. Лучше бы подумал, как дочку пристроить: ведь она уж на выданье.

Г-н Журден. Подумаю я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разным хорошим вещам научиться.

Николь. Я еще слыхала, сударыня, что нынче в довершение всего хозяин нанял учителя философии.

¹ *Прерогатива* — исключительное право, привилегия.

Г-н Журден. Совершенно верно. Хочу понабраться ума-разума, чтоб мог я о чем угодно беседовать с порядочными людьми.

Г-жа Журден. Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там розгами драли на старости лет?

Г-н Журден. А что ж тут такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать все то, чему учат в школе!

Николь. Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден. Без сомнения.

Г-жа Журден. В хозяйстве тебе все это вот как пригодится!

Г-н Журден. Непременно пригодится. Обе вы несете дичь, мне стыдно, что вы такие необразованные. (*Г-же Журден.*) Вот, например, знаешь ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Конечно. Я знаю, что говорю дело и что тебе надо начать жить по-другому.

Г-н Журден. Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказала?

Г-жа Журден. Слова-то мои разумные, а вот поведение твое очень даже неразумное.

Г-н Журден. Говорят тебе, я не о том толкую. Я вот о чем спрашиваю: то, что я тебе говорю, вот то, что я тебе сказал сейчас, — что это такое?

Г-жа Журден. Глупости.

Г-н Журден. Да нет, ты меня не понимаешь. То, что мы оба говорим, вся наша с тобой речь?

Г-жа Журден. Ну?

Г-н Журден. Как это называется?

Г-жа Журден. Все равно, как ни назвать.

Г-н Журден. Невежда, это проза!

Г-жа Журден. Проза?

Г-н Журден. Да, проза. Все, что проза, то не стихи, а все, что не стихи, то проза. Видала? Вот что значит ученость! (*К Николь.*) Ну а ты? Тебе известно, как произносится У?

Николь. Как произносится?

Г-н Журден. Да. Что ты делаешь, когда говоришь У?

Николь. Чего?

Г-н Журден. Попробуй сказать У.

Николь. Ну, У.

Г-н Журден. Что же ты делаешь?

Николь. Говорю: У.

Г-н Журден. Да, но, когда ты говоришь У, что ты в это время делаешь?

Николь. То и делаю, что вы велели.

Г-н Журден. Вот поговори-ка с дурами. Ты вытягиваешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к нижней: У. Видишь? Я корчу рожу: У.

Николь. Да, нечего сказать, ловко.

Г-жа Журден. И впрямь чудеса!

Г-н Журден. Вы бы еще не то сказали, ежели б увидели О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден. Что это за галиматья?

Николь. На что это все нужно?

Г-н Журден. Эти дуры хоть кого выведут из себя.

Г-жа Журден. Вот что, гони-ка ты своих учителей в шею и со всей их тарабарщиной.

Николь. А главное, эту громадину — учителя фехтования: от него только пыль столбом.

Г-н Журден. Скажи на милость! Дался вам учитель фехтования! Вот я тебе сейчас докажу, что ты ничего в этом не смыслишь. *(Велит подать рапиры и одну из них протягивает Николь.)* Вот, смотри: наглядный пример, линия тела. Когда тебя колют четвертой, то надо делать так, а когда терсом, то вот так. Тогда тебя никто уж не убьет, а во время драки это самое важное — знать, что ты в безопасности. А ну попробуй, кольни меня разок!

Николь. Что ж, и кольну! *(Несколько раз колет г-на Журдена.)*

Г-н Журден. Да тише ты! Эй, эй! Осторожней! Черт бы тебя побрал, скверная девчонка!

Николь. Вы же сами велели вас колоть.

Г-н Журден. Да, но ты сперва колешь терсом, вместо того чтобы четвертой, и у тебя не хватает терпения подождать, пока я отпарирую.

Г-жа Журден. Ты помешался на всех этих причудах, муженек. И началось это у тебя с тех пор, как ты вздумал водиться с важными господами.

Г-н Журден. В том, что я вожусь с важными господами, виден мой здравый смысл: это не в пример лучше, чем водиться с твоими мещанами.

Г-жа Журден. Да уж, нечего сказать: прок от того, что ты подружился с дворянами, ох как велик! Взять хоть этого распрекрасного графа, от которого ты без ума: до чего же выгодное знакомство!

Г-н Журден. Молчать! Думай сначала, а потом давай волю языку. Знаешь ли ты, жена, что ты не знаешь, о ком говоришь, когда говоришь о нем? Ты себе не представляешь, какое это значительное лицо: он настоящий вельможа, вхож во дворец, с самим королем разговаривает, вот как я с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая высокопоставленная особа постоянно бывает в моем доме, называет меня любезным другом и держится со мной на равной ноге? Никому и в голову не придет, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того бывает со мною ласков, что мне, право, становится неловко.

Г-жа Журден. Да, он оказывает тебе услуги, он с тобою ласков, но и денежки у тебя занимает.

Г-н Журден. Ну и что ж? Разве это для меня не честь — дать займы такому знатному господину? Могут ли я вельможе, который называет меня любезным другом, отказать в таком пустяке?

Г-жа Журден. А какие такие одолжения делает этот вельможа тебе?

Г-н Журден. Такие, что, кому сказать, никто не поверит.

Г-жа Журден. Например?

Г-н Журден. Ну уж этого я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит сполна, и очень даже скоро.

Г-жа Журден. Как же, дожидайся!

Г-н Журден. Наверняка. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден. Держи карман шире.

Г-н Журден. Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден. Враки!

Г-н Журден. Ух! Ну и упрямая ты, жена! А я тебе говорю, что он свое слово сдержит, я в этом уверен.

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и что все его любезности — один обман и ничего более.

Г-н Журден. Замолчи! Вот как раз и он.

Г-жа Журден. Этого только недоставало! Верно, опять пришел просить у тебя в долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден. Молчать, тебе говорят!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дорант.

Дорант. Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Г-н Журден. Отлично, ваше сиятельство. Милости прошу.

Дорант. А госпожа Журден как поживает?

Г-жа Журден. Госпожа Журден живет помаленьку.

Дорант. Однако, господин Журден, каким вы сегодня франтом!

Г-н Журден. Вот, поглядите.

Дорант. Вид у вас в этом костюме безукоризненный. У нас при дворе нет ни одного молодого человека, который был бы так же хорошо сложен, как вы.

Г-н Журден. Хе-хе!

Г-жа Журден (*в сторону*). Знает, как в душу влезть.

Дорант. Повернитесь. Верх изящества.

Г-жа Журден (*в сторону*). Да, сзади такой же дурак, как и спереди.

Дорант. Даю вам слово, господин Журден, у меня было необычайно сильное желание с вами повидаться. Я питаю к вам совершенно особое уважение: не далее как сегодня утром я говорил о вас в королевской опочивальне.

Г-н Журден. Много чести для меня, ваше сиятельство. (*Г-же Журден.*) В королевской опочивальне!

Дорант. Наденьте же шляпу.

Г-н Журден. Я вас слишком уважаю, ваше сиятельство.

Дорант. Боже мой, да наденьте же! Пожалуйста, без церемоний.

Г-н Журден. Ваше сиятельство...

Дорант. Говорят вам, наденьте, господин Журден: ведь вы мой друг.

Г-н Журден. Ваше сиятельство! Я ваш покорный слуга.

Дорант. Если вы не наденете шляпу, тогда и я не надену.

Г-н Журден (*надевая шляпу*). Лучше показаться неучтивым, чем несговорчивым.

Дорант. Как вам известно, я ваш должник.

Г-жа Журден (*в сторону*). Да, нам это слишком хорошо известно.

Дорант. Вы были так великодушны, что неоднократно давали мне в долг и, надо заметить, выказывали при этом величайшую деликатность.

Г-н Журден. Шутить изволите, ваше сиятельство.

Дорант. Однако ж я почитаю непременною своею обязанностью платить долги и умею ценить оказываемые мне любезности.

Г-н Журден. Я в этом не сомневаюсь.

Дорант. Я намерен с вами расквитаться. Давайте вместе подсчитаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Ну что, жена? Видишь, какую ты на него взвела напраслину?

Дорант. Я люблю расплачиваться как можно скорее.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). А что я тебе говорил?

Дорант. Итак, посмотрим, сколько же я вам должен.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Вот они, твои нелепые подозрения!

Дорант. Вы хорошо помните, сколько вы мне ссудили?

Г-н Журден. По-моему, да. Я записал для памяти. Вот она, эта самая запись. В первый раз выдано вам двести ливидоров.

Дорант. Верно.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто двадцать.

Дорант. Так.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто сорок.

Дорант. Вы правы.

Г-н Журден. Все вместе составляет четыреста шестьдесят ливидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант. Подсчет вполне верен. Пять тысяч шестьдесят ливров.

Г-н Журден. Тысячу восемьсот тридцать два ливра — вашему поставщику перьев для шляп.

Дорант. Совершенно точно.

Г-н Журден. Две тысячи семьсот восемьдесят ливров — вашему портному.

Дорант. Правильно.

Г-н Журден. Четыре тысячи триста семьдесят девять ливров двенадцать су восемь денье — вашему лавочнику.

Дорант. Отлично. Двенадцать су восемь денье — подсчет верен.

Г-н Журден. И еще тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыреста денье — вашему седельнику.

Дорант. Все это соответствует истине. Сколько же всего?

Г-н Журден. Итого пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Итог верен. Пятнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне еще двести пистолей и прибавьте их к общей сумме — получится ровно восемнадцать тысяч франков, каковые я вам возвращу в самое ближайшее время.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Ну что, права я была?

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Отстань!

Дорант. Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден. Помилуйте!

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Ты для него дойная корова.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Молчи!

Дорант. Если вам неудобно, я обращусь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден. Нет-нет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Он не успокоится, пока тебя не разорит.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Говорят тебе, молчи!

Дорант. Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден. Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Это настоящий проходимец.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Да замолчи ты!

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Он высосет из тебя все до последнего су.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Да замолчишь ты?

Дорант. Многие с радостью дали бы мне займы, но вы мой лучший друг, и я боялся, что обижу вас, если попрошу кого-нибудь еще.

Г-н Журден. Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас схожу за деньгами.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Что? Ты ему еще хочешь дать?

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). А как же быть? Разве я могу отказать такой важной особе, которая еще нынче утром говорила обо мне в королевской опочивальне?

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). А, да ну тебя, дурак набитый!

Г-н Журден и два лакея уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Николь, Клеонт, Ковьель.

Николь (*Клеонту*). Ах, как вы вовремя! Я вестница вашего счастья и хочу вам...

Клеонт. Прочь, коварная, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николь. Так-то вы меня встречаете?

Клеонт. Прочь, говорят тебе, сей же час ступай к неверной своей госпоже и объяви, что ей больше не удастся обмануть простодушного Клеонта.

Николь. Это еще что за вздор? Миленький мой Ковьель! Скажи хоть ты: что все это значит?

Ковьель. «Миленький мой Ковьель», негодная девочка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты этакая, оставь меня в покое!

Николь. Как? И ты туда же?..

Ковьель. Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей больше со мной заговаривать!

Николь (*про себя*). Вот тебе раз! Какая муха укусила их обоих? Пойду расскажу барышне об этом милом происшествии. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Клеонт. Как! Поступать таким образом со своим поклонником, да еще с самым верным и самым страстным из поклонников!

Ковьель. Ужас как с нами обоими здесь обошлись!

Клеонт. Я расточаю ей весь пыл и всю нежность, на какие я только способен. Ее одну люблю я в целом свете и помышляю лишь о ней. Она одна предмет всех дум моих и всех желаний, она моя единственная радость. Я говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь ее,

сердце мое бьется только ради нее, я дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не виделись мы с нею, они тянулись для меня, как два мучительных столетия; вот наконец негаданная встреча, душа моя возликовала, румянцем счастья залилось лицо, в восторженном порыве я устремляюсь к ней — и что же? Неверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужие!

Ковьель. Я то же самое готов сказать.

Клеонт. Так что же сравнится, Ковьель, с коварством бессердечной Люсиль?

Ковьель. А что сравнится, сударь, с коварством подлой Николь?

Клеонт. И это после такого пламенного самопожертвования, после стольких вздохов и клятв, которые исторгла у меня ее прелесть!

Ковьель. После такого упорного ухаживания, после стольких знаков внимания и услуг, которые я оказал ей на кухне!

Клеонт. Стольких слез, которые я пролил у ее ног!

Ковьель. Стольких ведер воды, которые я перетаскал за нее из колодца!

Клеонт. Как пылко я ее любил — любил до полного самозабвения!

Ковьель. Как жарко было мне, когда я за нее возился с вертелом, — жарко до полного изнеможения!

Клеонт. А теперь она проходит мимо, явно пренебрегая мной!

Ковьель. А теперь она пренагло поворачивается ко мне спиной!

Клеонт. Это коварство заслуживает того, чтобы на нее обрушились кары.

Ковьель. Это вероломство заслуживает того, чтобы на нее посыпались оплеухи.

Клеонт. Смотри ты у меня, не вздумай за нее заступаться!

Ковьель. Я, сударь? Заступаться? Избави Бог!

Клеонт. Не смей оправдывать поступок этой изменницы.

Ковьель. Не беспокойтесь.

Клеонт. Не пытайтесь защищать ее — напрасный труд.

Ковьель. Да у меня и в мыслях этого нет!

Клеонт. Я ей этого не прощу и порву с ней всякие отношения.

Ковьель. Хорошо сделаете.

Клеонт. Ей, по-видимому, вскружил голову этот граф, который бывает у них в доме; я убежден, что она польстилась на его знатность. Однако из чувства чести я не могу допустить, чтобы она первая объявила о своей неверности. Я вижу, что она стремится к разрыву, и намерен опередить ее: я не хочу уступать ей пальму первенства.

Ковьель. Отлично сказано. Я, со своей стороны, вполне разделяю ваши чувства.

Клеонт. Так подогрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатками любви к ней, дабы они не подавали голоса в ее защиту. Пожалуйста, говори мне о ней как можно больше дурного. Выставь мне ее в самом черном свете и, чтобы вызвать во мне отвращение, старательно оттени все ее недостатки.

Ковьель. Ее недостатки, сударь? Да ведь это же ломака, смазливая вертихвостка, — нашли, право, в кого влюбиться! Ничего особенного я в ней не вижу, есть сотни девушек гораздо лучше ее. Во-первых, глазки у нее маленькие.

Клеонт. Верно, глаза у нее небольшие, но зато это единственные в мире глаза: столько в них огня, так они блестят, пронизывают, умиляют.

Ковьель. Рот у нее большой.

Клеонт. Да, но он таит в себе особую прелесть: этот ротик невольно волнует, в нем столько пленительного, чарующего, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковьель. Ростом она невелика.

Клеонт. Да, но зато изящна и хорошо сложена.

Ковьель. В речах и в движениях умышленно небрежна.

Клеонт. Верно, но это придает ей своеобразное очарование. Держит она себя обворожительно, в ней так много обаяния, что не покориться ей невозможно.

Ковьель. Что касается ума...

Клеонт. Ах, Ковьель, какой у нее тонкий, какой живой ум!

Ковьель. Говорит она...

Клеонт. Говорит она чудесно.

Ковьель. Она всегда серьезна.

Клеонт. А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб она была хохотуньей? Что же может быть несноснее женщины, которая всегда готова смеяться?

Ковьель. Но ведь она самая капризная женщина в мире.

Клеонт. Да, она с капризами, тут я с тобой согласен, но красавица все может себе позволить, красавице все можно простить.

Ковьель. Ну, значит, вы ее, как видно, никогда не разлюбите.

Клеонт. Не разлюблю? Нет, лучше смерть. Я буду ненавидеть ее с такой же силой, с какою прежде любил.

Ковьель. Как же это вам удастся, если она, по-вашему, верх совершенства?

Клеонт. В том-то именно и скажется потрясающая сила моей мести, в том-то именно и скажется твердость моего духа, что я возненавижу и покину ее, несмотря на всю ее красоту, несмотря на всю ее привлекательность для меня, несмотря на все ее очарование... Но вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Люсиль и Николь.

Николь (*к Люсиль*). Я по крайней мере была глубоко возмущена.

Люсиль. Все это, Николь, из-за того, о чем я тебе сейчас напомнила... А, он здесь!

Клеонт (*Ковьелю*). Я и говорить с ней не желаю.

Ковьель. А я последую вашему примеру.

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами случилось?

Николь. Да что с тобой, Ковьель?

Люсиль. Отчего вы такой грустный?

Николь. Что это ты надулся?

Люсиль. Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь. У тебя язык отнялся, Ковьель?

Клеонт. Вот злодейка!

Ковьель. Вот Иуда.

Люсиль. Я вижу, вас расстроила наша сегодняшняя встреча.

Клеонт (*Ковьелю*). Ага! Поняли, что натворили.

Николь. Наверно, тебя задело за живое то, как нынче утром мы с вами себя держали.

Ковьель (*Клеонту*). Знают кошки, чье мясо съели.

Люсиль. Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт. Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена не доставит вам радости: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть мое чувство, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковьель (*к Николь*). А куда он, туда и я.

Люсиль. Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, почему я сегодня утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт (*пытается уйти от Люсиль*). Ничего не желаю слушать.

Николь (*Ковьелю*). Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

Ковьель (*пытается уйти от Николь*). Знать ничего не желаю.

Люсиль (*идет за Клеонтом*). Итак, сегодня утром...

Клеонт (*не глядя на Люсиль, направляется к выходу*). Еще раз: нет.

Николь (*идет за Ковьелем*). Было бы тебе известно...

Ковьель (*не глядя на Николь, направляется к выходу*). Притворщица, отстань!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Конец всему.

Николь. Дай мне сказать!

Ковьель. Я глух.

Люсиль. Клеонт!

Клеонт. Нет-нет!

Николь. Ковьель!

Ковьель. Ни-ни!

Люсиль. Постойте!

Клеонт. Басни!

Николь. Послушай!

Ковьель. Вздор!

Люсиль. Минутку!

Клеонт. Ни за что!

Николь. Чуть-чуть терпенья!

Ковьель. Чепуха.

Люсиль. Два только слова!

Клеонт. Все кончено, нет-нет!

Николь. Одно словечко!

Ковьель. Мы незнакомы.

Люсиль (*останавливается*). Ну что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своем мнении и поступайте как вам заблагорассудится.

Николь (*тоже останавливается*). Коли так, поступай как тебе вздумается.

Клеонт (*поворачивается к Люсиль*). Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.

Люсиль (*пытается уйти от Клеонта*). У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.

Ковьель (*поворачивается к Николь*). Послушаем, однако ж, в чем тут дело.

Николь (*хочет уйти от Ковьеля*). У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.

Клеонт (*идет за Люсиль*). Расскажите же мне...

Люсиль (*не глядя на Клеонта, направляется к выходу*). Ничего не стану рассказывать.

Ковьель (*идет за Николь*). Растолкуй же мне...

Николь (*не глядя на Ковьеля, направляется к выходу*). Ничего не стану растолковывать.

Клеонт. О, пощадите!

Люсиль. Еще раз: нет!

Ковьель. Будь так любезна!

Николь. Конеч всему.

Клеонт. Я вас молю!

Люсиль. Подите прочь!

Ковьель. Прошу тебя!

Николь. Ступай-ка вон!

Клеонт. Люсиль!

Люсиль. Нет-нет!

Ковьель. Николь!

Николь. Ни-ни!

Клеонт. Ради Бога!

Люсиль. Не желаю!

Ковьель. Ну скажи!

Николь. Ни за что.

Клеонт. Пролейте свет!

Люсиль. И не подумаю.

Ковьель. Открой ты мне глаза!

Николь. Была охота.

Клеонт. Ну что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовный пламень мой не заслужил, то, неблагоприятная, вы видите меня в последний раз: я ухожу, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.

Ковьель (к Николь). А я — следом за ним.

Люсиль (Клеонту, который собирается уходить). Клеонт!

Николь (Ковьелю, который идет за своим господином). Ковьель!

Клеонт (останавливается). Что?

Ковьель (тоже останавливается). Ну?

Люсиль. Куда же вы?

Клеонт. Я вам сказал.

Люсиль. Как! Вы хотите умереть?

Клеонт. О да, жестокая, вы сами этого хотите.

Ковьель. Мы помирать пошли.

Люсиль. Я? Я хочу вашей смерти?

Клеонт. Да, хотите.

Люсиль. Кто вам сказал?

Клеонт (подходит к Люсиль). Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?

Люсиль. Да я-то тут при чем? Если б вы с самого начала сообразовали меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тетка, с которой мы вместе шли: она твердо убеждена, что, если мужчина, не дай бог, подошел к девушке, тем самым он ее уже обесчестил, вечно читает нам об этом проповеди и старается внушить, что мужчины — это бесы и что от них нужно бежать без оглядки.

Николь (Ковьелю). Вот и весь секрет.

Клеонт. А вы не обманываете меня, Люсиль?

Ковьель (к Николь). А ты меня не дурачишь?

Люсиль (Клеонту). Все это истинная правда.

Николь (Ковьелю). Все так и было.

Ковьель (Клеонту). Ну что ж, поверить им?

Клеонт. Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово — и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель. Ну и ловки же умасливать нашего брата эти чертовы куклы!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придет мой муж; воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт. Ах, сударыня, как отраднo мне слышать ваши слова и как сходятся они с моими желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благодеяния?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и г-н Журден.

Клеонт. Господин Журден! Я решил не прибегать ни к чьему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почел за нужное сам изложить вам ее. Итак, скажу вам не обинуясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать: дворянин вы или нет?

Клеонт. Сударь! Большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дешевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание — подобный род воровства, по-видимому, вошел в обычай. Но я на этот счет, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросает тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, — это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почетные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состояние мое таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете, но, со всем тем, я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моем месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я — не дворянин.

Г-н Журден. Конечно, сударь: моя дочь — не для вас.

Клеонт. Как?

Г-н Журден. Вы — не дворянин, дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден. Да при чем тут — дворянин, не дворянин! Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого¹, что ли, происходим?

Г-н Журден. Молчи, жена, я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден. Сами-то мы с тобой не из честных мещанских семей?

Г-н Журден. Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина нищего да нескладного.

Николь. Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден (*к Николь*). Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостает только почета, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани Господи и помилуй!

Г-н Журден. Это дело решенное.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про нее не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за

¹ Людовик IX (1226—1279) — король Франции, прозванный Святым за организованный им крестовый поход.

великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой, ведь оба ее деда торговали сукном подле Ворота святого Иннокентия¹. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеет». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказала: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозишь меня еще пуще, так я ее герцогиней сделаю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель, Люсиль, Николь, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клеонт. (*К Люсиль.*) Пойдем-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клеонта, так ни за кого, мол, не выйду.

Г-жа Журден, Люсиль и Николь уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель

Ковьель. Много вам помогло ваше благородство!

Клеонт. Что поделаешь! Я на этот счет необычайно щепетилен, и переломить себя — это выше моих сил.

Ковьель. А кто вам велел относиться к такому человеку серьезно? Разве вы не видите, что он помешался? Ну что вам стоило снизить к его слабости?

Клеонт. Твоя правда, но я никак не мог предполагать, что для того, чтобы стать зятем господина Журдена, требуется предьявить дворянские грамоты.

Ковьель (*хохочет*). Ха-ха-ха!

Клеонт. Чего ты смеешься?

Ковьель. Я надумал сыграть с нашим умником одну шутку, благодаря которой вы добьетесь своего.

Клеонт. Что такое?

Ковьель. Преуморительная штучка!

Клеонт. Да что же именно?

¹ Ворота святого Иннокентия — рыночный квартал в Париже.

Ковбель. Тут у нас недавно был маскарад, и для моей затеи это как раз то, что нужно: я думаю воспользоваться этим, чтобы обвести вокруг пальца нашего простофилю. Придется, конечно, разыграть комедию, но с таким человеком все можно себе позволить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы шебылиц ему ни наплели, ко всему отнесется с полным доверием. У меня и актеры и костюмы готовы, дайте мне только полную волю.

Клеонт. Но научи же меня...

Ковбель. Сейчас я вам все растолкую... Уйдемте-ка отсюда: вон он опять.

Клеонт и Ковбель уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден один.

Г-н Журден. Что за черт! То и дело колют мне глаза моим знакомством с вельможами, а для меня нет на свете ничего приятнее таких знакомых. От них один только почет и уважение. Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом. <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, Ковбель, переодетый.

Ковбель. Не знаю, сударь, имею ли я честь быть вам знакомым.

Г-н Журден. Нет, сударь.

Ковбель (*показывает рукой на фут от полу*). А я знал вас еще вот таким.

Г-н Журден. Меня?

Ковбель. Да. Вы были прелестным ребенком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден. Меня? Целовали?

Ковбель. Да. Я был близким другом вашего покойного батюшки.

Г-н Журден. Моего покойного батюшки?

Ковбель. Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Как вы сказали?

Ковбель. Я сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Кто, мой отец?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Вы его хорошо знали?

Ковьель. Ну еще бы!

Г-н Журден. И вы его знали за дворянина?

Ковьель. Разумеется.

Г-н Журден. Вот после этого и верь людям?

Ковьель. А что?

Г-н Журден. Есть же такие олухи, которые уверяют, что он был купцом!

Ковьель. Купцом? Да это явный поклеп, он никогда не был купцом. Видите ли, он был человек на редкость обходительный, на редкость услужливый, а так как он отлично разбирался в тканях, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, приказывал отнести их к себе в дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден. Я очень рад, что с вами познакомился: вы, я думаю, не откажетесь засвидетельствовать, что мой отец был дворянин.

Ковьель. Я готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден. Вы чрезвычайно меня обяжете. Чем же могу вам служить?

Ковьель. С той поры, когда я водил дружбу с покойным вашим батюшкой, как я вам уже сказал, с этим настоящим дворянином, я успел объехать весь свет.

Г-н Журден. Весь свет?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Должно полагать, это очень далеко.

Ковьель. Конечно. Всего четыре дня, как я возвратился из длительного путешествия, и так как я принимаю близкое участие во всем, что касается вас, то почел своим долгом прийти сообщить вам в высшей степени приятную для вас новость.

Г-н Журден. Какую?

Ковьель. Известно ли вам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден. Нет, неизвестно.

Ковьель. Как же так? У него блестящая свита, все сбегается на него смотреть, его принимают у нас как чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден. Ей-богу, ничего не знаю.

Ковьель. Для вас тут существенно то, что он влюблен в вашу дочь.

Г-н Журден. Сын турецкого султана?

Ковьель. Да. И он метит к вам в зятя.

Г-н Журден. Ко мне в зятя? Сын турецкого султана?

Ковьель. Сын турецкого султана — к вам в зятя. Я посетил его, турецкий язык я знаю в совершенстве, мы с ним разговорились, и между прочим он мне сказал: «Аксям крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варахни уссерэ карбулат?» — то есть: «Не видал ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден. Сын турецкого султана так про меня сказал?

Ковьель. Да. Я ответил, что знаю вас хорошо и дочку вашу видел, а он мне на это: «Ах, марабаба сахем!» — то есть: «Ах, как я люблю ее!»

Г-н Журден. «Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Хорошо, что вы сказали, сам бы я нипочем не догадался, что «марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее». Какой изумительный язык!

Ковьель. Еще какой изумительный! Вы знаете, что значит «какаракамушен»?

Г-н Журден. «Какаракамушен»? Нет.

Ковьель. Это значит «душенька моя».

Г-н Журден. «Какаракамушен» значит «душенька моя»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Чудеса! «Какаракамушен» — «душенька моя»! Кто бы мог подумать! Просто поразительно!

Ковьель. Так вот, исполняя его поручение, я довожу до вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамамуши»¹ — это у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «мамамуши»?

¹ *Мамамүши* — слово, сочиненное Мольером, ставшее нарицательным для обозначения чванливых вельмож.

Ковьель. Да. «Мамамуши», по-нашему, все равно что паладин. Паладин — это у древних... одним словом, паладин. Это самый почетный сан, какой только есть в мире, — вы станете в один ряд с наизнатнейшими вельможами.

Г-н Журден. Сын турецкого султана делает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему: я хочу его поблагодарить.

Ковьель. Зачем? Он сам к вам приедет.

Г-н Журден. Он ко мне приедет?

Ковьель. Да, и привезет с собой все, что нужно для церемонии вашего посвящения.

Г-н Журден. Уж больно он скор.

Ковьель. Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден. Меня смущает одно: моя дочь упряма — влюбилась по уши в некоего Клеонта и клянется, что выйдет только за него.

Ковьель. Она передумает, как скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеонт похожи друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеонта, мне его показали... Так что чувство, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Однако я слышу шаги турка. Вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком; три пажа несут полы его кафтана.

Клеонт. Амбусахим оки бораф, Джиурдина, селям алейкум.

Ковьель (*г-ну Журдену*). Это значит: «Господин Журден! Да цветет сердце ваше круглый год, будто розовый куст». Это у них так изысканно выражаются.

Г-н Журден. Я покорнейший слуга его турецкого высочества.

Ковьель. Каригар камбото устин мораф.

Клеонт. Устин йок катамалеки басум басэ алла моран.

Ковьель. Он говорит: «Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи».

Г-н Журден. Его турецкое высочество оказывает мне слишком большую честь, я же, со своей стороны, желаю ему всяческого благополучия.

Ковьель. Осса бинамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт. Ни бель мес.

Ковьель. Он говорит, чтобы вы сей же час шли с ним готовиться к церемонии, а затем отвели его к дочке на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журден. Это он столько выразил в трех словах?

Ковьель. Да. Таков турецкий язык: всего несколько слов, а сказано много. Идите же с ним скорей.

Г-н Журден, Клеонт и три пажа уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ковьель один.

Ковьель. Ха-ха-ха! Потеха, право, потеха! Этакий дурачина! Выучи он свою роль заранее, все равно лучше бы не сыграл. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ковьель, Дорант

Ковьель. Сударь! Помогите нам, пожалуйста, в одном пальце, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант. Ха-ха-ха! Это ты, Ковьель? Тебя просто не узнать. Как это ты так вырядился?

Ковьель. Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант. Чего ты смеешься?

Ковьель. Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант. Что же это такое?

Ковьель. Бьюсь об заклад, сударь, что вы не догадаетесь, какую ловушку приготовили мы для господина Журдена, чтобы он согласился на брак своей дочери с моим господином.

Дорант. Я не догадываюсь, какая именно это ловушка, но зато догадываюсь, что успех ей обеспечен, коль скоро за дело берешься ты.

Ковьель. Вам, конечно, сударь, известно, на какого зверя мы охотимся.

Дорант. Расскажи мне, что вы задумали.

Ковьель. Потрудитесь отойти в сторонку, а то вот уже сюда идут, надо пропустить. Вы увидите часть комедии, остальное я вам доскажу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Турецкая церемония.

Муфтий, поющие дервиши, танцующие турки,
свита муфтия.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Шестеро турок под музыку торжественно идут парами. Они несут три ковры и, протанцевав несколько фигур, поднимают ковры над головой. Поющие турки проходят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны сцены. Муфтий с дервишами замыкают шествие. Далее турки расстилают ковры и становятся на колени, муфтий и дервиши стоят посредине. Муфтий разными ужимками и гримасами, но без слов призывает Магомета, а в это время турки, составляющие его свиту, prostираются ниц и поют «Алла», затем воздевают руки к небу и снова поют «Алла», и так до конца муфтиева молитвы, после чего все они поднимаются с пола и поют «Алла экбер»¹, а двое дервишей идут за г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и г-н Журден, одетый турком, с бритой головой, без тюрбана и без сабли.

Муфтий (*г-ну Журдену*).

Когда ты знай,

То отвечай.

Когда не знай,

Тогда молчай.

Я муфтий здесь,

А ты кто ешь?

Не понимай?

Молчай, молчай!

Двое дервишей уводят г-на Журдена.

¹ Алла́ экбер — Бог велик (*араб.*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Муфтий, дервиши, турки, свита муфтия.

Муфтий. Сказать мне, турки, кто он иста. Анабаптиста? Анабаптиста?

Турки. Йок¹.

Муфтий. Цвинглиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Коффиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Гусита? Мориста? Фрониста?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Язычникана?

Турки. Йок.

Муфтий. Лютерана?

Турки. Йок.

Муфтий. Пуритана?

Турки. Йок.

Муфтий. Брамина? Моффина? Зурина?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Магометана? Магометана?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий. Как прозвание? Как прозвание?

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий (*подпрыгивая*). Джиурдина. Джиурдина.

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий.

Магомета господина!

Я просить за Джиурдина

Его сделать паладина,

Дать ему алебардина

И отправить Палестина

На галера бригантина

И со всеми сарацина

Воевать христианина.

Магомета господина

Я просить за Джиурдина.

(*Туркам.*)

Карош турка Джиурдина?

Турки. Эй валла! Эй валла!

¹ Йок — нет (*тур.*).

Муфтий (*поет и пляшет*). Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Турки. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Муфтий и дервиши уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Турки поющие и танцующие.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, муфтий, дервиши и г-н Журден.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Впереди идет муфтий; на голове у муфтия — невероятной величины парадный тюрбан, к которому в несколько рядов прикреплены зажженные свечи; за ним двое дервишей в остроконечных шапках, на которых тоже красуются зажженные свечи, несут Коран. Двое других дервишей вводят г-на Журдена и ставят на колени, так чтобы руки касались земли, а спина служила подставкой для Корана; муфтий кладет ему на спину Коран и снова начинает, паясничая, призывать Магомета: сдвигает брови, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перелистывает, затем воздевает руки к небу и восклицает: «Гу!»¹ Во время этой второй церемонии турки, составляющие его свиту, то наклоняются, то выпрямляются и тоже восклицают: «Гу! Гу! Гу!»

Г-н Журден (*после того как у него со спины сняли Коран*). Ух!

Муфтий (*г-ну Журдену*). Твой не обманос?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий. Не шарлатанос?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий (*туркам*). Дать ему тюрбанос!

Турки.

Твой не обманос?

Нет, нет, нет.

Не шарлатанос?

Нет, нет, нет.

Дать ему тюрбанос!

¹ Гу — по-арабски значит «он».

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». Худ. Л. Нижний

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки под музыку надевают на г-на Журдена тюрбан.

Муфтий (*подавая г-ну Журдену саблю*).

Твой — дворян. Не вру ни капля.

Вот тебе сабля.

Турки (*обнажая сабли*).

Твой — дворян. Не вру ни капля.

Вот тебе сабля.

ЧЕТВЕРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке наносят г-ну Журдену удары саблями плашмя.

Муфтий.

Палка, палка,

Бей — не жалка.

Турки.

Палка, палка,
Бей — не жалка.

ПЯТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке бьют г-на Журдена палками.

Муфтий.

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Турки.

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Муфтий в третий раз начинает призывать Магомета. Дerviши почтительно поддерживают его под руки; затем турки, и поющие и танцующие, начинают прыгать вокруг муфтия и, наконец, удаляются вместе с ним и уводят с собой г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Журден, г-н Журден.

Г-жа Журден. Господи помилуй! Это еще что такое? На кого ты похож? Что это ты на себя напялил? Рядиться вздумал? Да говори же, наконец, что все это значит? Кто это тебя таким шутком гороховым вырядил?

Г-н Журден. Вот дура! Так разговаривать с маммуши!

Г-жа Журден. Что такое?

Г-н Журден. Да-да, теперь все должны быть со мною почтительны. Меня только что произвели в маммуши.

Г-жа Журден. Как это понять — маммуши?

Г-н Журден. Говорят тебе — маммуши. Я теперь маммуши.

Г-жа Журден. Это еще что за зверь?

Г-н Журден. Маммуши — по-нашему паладин.

Г-жа Журден. Балдин? Балда ты и есть. Вздумал на старости лет в пляс пускаться.

Г-н Журден. Вот темнота! Это такой сав, в который меня сейчас посвятили.

Г-жа Журден. Как так посвятили?

Г-н Журден. Магомета господина! Я молитвь за Джиурдина.

Г-жа Журден. Что это значит?

Г-н Журден. «Джиурдина» — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну, Журден, а дальше?

Г-н Журден. Его сделать паладина.

Г-жа Журден. Как?

Г-н Журден. И отправить в Палестина на галера бригантина.

Г-жа Журден. Это зачем же?

Г-н Журден. И со всеми сарацина воевать христианина.

Г-жа Журден. Да что ты несешь?

Г-н Журден. Палка, палка, бей — не жалка.

Г-жа Журден. Что за тарабарщина!

Г-н Журден. Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться.

Г-жа Журден. Да что же это такое?

Г-н Журден (*приплясывает и поет*). Ула-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да. (*Падает.*)

Г-жа Журден. Боже милосердный! Мой муж совсем с ума сошел!

Г-н Журден (*встает и направляется к выходу*). Перестань, грубиянка! Относись с уважением к господину мамамуши. (*Уходит.*)

Г-жа Журден (*одна*). Когда же это он успел рехнуться? Скорей за ним, а то еще убежит из дому! (*Увидев Доримену и Доранта.*) А-а, вас здесь только не хватало! Час от часу не легче. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Доримена.

Дорант. Да, маркиза, вас ожидает презабавное зрелище. Могу ручаться, что такого сумасброда, каков наш Журден, вы нигде не найдете. Затем наш долг — принять участие в сердечных делах Клеонта и поддержать его затею с маскарадом. Он премилый человек, ему стоит помочь.

Доримена. Я о нем очень высокого мнения. Он вполне достоин счастья.

Дорант. Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удачен мой замысел.

Доримена. Я заметила здесь грандиозные приготовления. Вот что, Дорант: больше я этого не потерплю. Да-да, я хочу положить конец вашей расточительности: чтобы вы больше на меня не тратились, я решила выйти за вас замуж не откладывая. Это единственное средство — со свадьбой все эти безумства обычно кончаются.

Дорант. Неужели вы и правда намерены принять столь отрадное для меня решение?

Доримена. Это только для того, чтобы вы не разорились, иначе, я убеждена, недалек тот час, когда вы останетесь без гроша.

Дорант. О, как я признателен вам за ваши заботы о моем состоянии! Оно всецело принадлежит вам, так же точно, как и мое сердце; распорядьтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена. Я сумею распорядиться и тем и другим... Но вот и наш чудак. Вид у него обворожительный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-н Журден.

Дорант. Милостивый государь! Мы с маркизой явились поздравить вас с новым званием и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден (*кланяется им по-турецки*). Желаю вам, ваше сиятельство, силу змеи и мудрость льва.

Доримена. Я имею счастье одною из первых приветствовать вас по случаю того, что вы взошли на высшую ступень славы.

Г-н Журден. Желаю вам, сударыня, чтоб ваш розовый куст цвел круглый год. Я вам бесконечно благодарен за то, что вы пришли меня чествовать, и весьма рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искренние извинения за дикую выходку моей жены.

Доримена. Пустое! Я охотно прощаю ей этот невольный порыв. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего уди-

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». Худ. Л. Нижний

вительного, что, обладая таким сокровищем, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден. Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена. Это признак души истинно благородной.

Дорант. А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему свое почтение.

Г-н Журден. Вот он идет. Я уж послал за дочерью, чтоб она отдала ему руку и сердце.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком.

Дорант (*Клеонту*). Ваше высочество! В качестве друзей вашего почтенного тестя мы явились засвидетельст-

воватъ вамъ глубочайшее наше уваженіе и всепокорнейше принести уверенія въ совершенной нашей преданности.

Г-н Журден. Где же это толмачъ? Онъ бы васъ ему представилъ и растолковалъ, что вы хотите сказать. Вотъ увидите, онъ вамъ непременно ответитъ: онъ прекрасно говоритъ по-турецки. Эй! Эй! Куда же это его унесло? (*Клеонту.*) Струфъ, струфъ, струфъ, струфъ. Этотъ каспатинъ балшой велмошъ, балшой велмошъ, а эта каспаша — ухъ какой снатна тама, ухъ какой снатна тама! (*Видя, что тотъ ничего не понимаетъ.*) Ага! (*Указывая на Доранта.*) Онъ французскій мамамуши, она французская мамамушиня. Яснее выразиться не могу... Вотъ, слава Богу, и переводчикъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и переодетый Ковьель.

Г-н Журден. Где же вы? Мы безъ васъ какъ безъ рукъ. (*Указывая на Клеонта.*) Скажите ему, пожалуйста, что этотъ господинъ и эта дама — особы изъ высшаго общества и что они въ качествѣ моихъ друзей явились засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и принести уверенія въ преданности. (*Доримене и Доранту.*) Послушайте, что онъ ответитъ.

Ковьель. Алабала кросьямъ якши борамъ алабаменъ.

Клеонтъ. Каталекі тубал урин сотер амалушанъ.

Г-н Журден (*Доранту и Доримене*). Слышите?

Ковьель. Онъ желаетъ, чтобы дождь благоденствія во всякое время орошалъ вертоградъ вашего семейства.

Г-н Журден. Я вамъ не зря сказалъ, что онъ говоритъ по-турецки!

Дорантъ. Поразительно!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Люсиль.

Г-н Журден. Иди сюда, дочь моя, подойди поближе и дай руку этому господину — онъ делаетъ тебѣ честь, что сватается за тебя.

Люсиль. Что съ вами, батюшка? Что вы съ собой сделали? Или вы комедию играете?

Г-н Журден. Нег-нетъ, это вовсе не комедія, это дело очень даже серьезное и такое для тебя почетное, что лучше не придумаешь. (*Указавъ на Клеонта.*) Вотъ кого я даю тебѣ въ мужья.

Люсиль. Мне, батюшка?

Г-н Журден. Ну да, тебе. Скорей подай ему руку и благодари Бога за такое счастье.

Люсиль. Я не желаю выходить замуж.

Г-н Журден. А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль. Ни за что.

Г-н Журден. Без всяких разговоров! Поживей, тебе говорят! Ну, давай же руку!

Люсиль. Нет, батюшка, я уже вам сказала, что нет такой силы, которая принудила бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеонта. Я скорей решусь на любую крайность, чем... (*Узнает Клеонта.*) Конечно, вы — мой отец, я должна вам беспрекословно повиноваться, устраивайте мою судьбу как вам будет угодно.

Г-н Журден. Ах, как я рад, что сознание долга так скоро к тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Это что такое? Что это еще за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки, ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не приведешь в разум, так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал и к чему это сборище?

Г-н Журден. Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да. (*Указывая на Ковьяля.*) Засвидетельствуй ему свое почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден. Не нужно мне никакого толмача, я сама скажу ему прямо в глаза, что дочка моей ему не видать.

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, наконец?

Дорант. Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ради Бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена. Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден. И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся — единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден. Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден. Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант. Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден. Она может забыть Клеонта?

Дорант. Чем только не поступают ради того, чтобы именоваться знатною дамой!

Г-жа Журден. Если она выкинула такую штуку, я ее своими руками задушу.

Г-н Журден. Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Довольно разговоров!

Люсиль. Матушка!

Г-жа Журден. А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден (*жене*). Ты что же это, бранишь ее за повинение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковель (*г-же Журден*). Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковель. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Ковель (*г-ну Журдену*). Сударь! Если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит свое согласие.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь.

Ковель. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден (*жене*). Выслушай его!

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе растолкует...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден. До чего же все женщины упрямы! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковьель. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас такое?

Ковьель (*г-же Журден, тихо*). Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что все это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена с его вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана — не кто иной, как Клеонт.

Г-жа Журден (*Ковьелю, тихо*). Ах, вот в чем дело!

Ковьель (*г-же Журден, тихо*). А я, Ковьель, при нем переводчиком.

Г-жа Журден (*Ковьелю, тихо*). Ну, коли так, то я сдаюсь.

Ковьель (*г-же Журден, тихо*). Только не подавайте виду.

Г-жа Журден (*громко*). Да. Все уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден. Ну вот все и образумились! (*Жене.*) А ты еще не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден. Он мне все толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом.

Дорант. Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден. Я и на это согласна.

Г-н Журден (*Доранту, тихо*). Это вы для отвода глаз?

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден (*тихо*). Отлично, отлично! (*Громко.*) Пошлите за нотариусом.

Дорант. А пока он придет и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет — это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден. Прекрасная мысль. Пойдемте занимать места.

Г-жа Журден. А как же Николь?

Г-н Журден. Николь я отдаю толмачу, а мою супругу — кому угодно.

Ковьяль. Благодарю вас, сударь. (*В сторону.*) Ну уж другого такого сумасброда на всем свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.

Вопросы и задания

1. Прочитайте комедию Мольера «Мещанин во дворянстве» полностью. Подготовьте выразительное чтение по ролям сцен из комедии (по выбору). Как вы понимаете заглавие этой комедии? Как связан замысел комедии с жизнью Франции второй половины XVII века?
2. В одной из статей о Мольере говорится, что в комедии «Мещанин во дворянстве» достается и мещанину, и дворянину. Как Мольер изображает обнищание и паразитизм аристократии, тщеславие буржуазии?
3. Какими приемами сатирического изображения своих персонажей пользуется автор? Покажите на примерах, как создает драматург человеческий характер. Чем можно объяснить поступки господина Журдена? Глуп ли он? В нормальном ли состоянии? Объясните мотивы поведения других персонажей по отношению к господину Журдену.
4. В чем вы видите потерю Журденом здравого смысла, в ряде случаев присущего ему? В ком и в чем ярко проявляется здравый смысл, простота поведения и значительность народного характера?
5. В школе классицизма Мольер не был послушным учеником. В чем он нарушает правила классицизма, а в чем следует им? Мольер совмещал литературную традицию с традицией народного театра. Приведите примеры того, как драматург использует приемы народного фарса (одурачивание, подслушивание, переодевание, игру со словами, например тарабарщину, «турецкую речь» и т. д.). Почему «Мещанин во дворянстве» не только сатирическое нравоучение, но и забавная комедия? Какие сцены вам представляются особенно смешными?
6. Подготовьте устный отзыв или письменную рецензию на просмотренный в театре или по телевидению спектакль по комедии Мольера.

Джонатан СВИФТ

1667—1745

В Англии XVIII века процветали промышленность и торговля. Дельцы неслыханно богатели за счет колониальных разбоев и ограбления своего народа — крестьян, ремесленников и наемных рабочих. Английские быстроходные корабли бороздили моря земного шара. Купцы и авантюристы проникали в малоисследованные земли, убивали и поработщали туземцев... Со всех концов света в Англию стекались несметные капиталы и сокровища. Превращая эти богатства в деньги, капиталисты построили множество мануфактурных производств, на которых с утра до ночи трудились тысячи рабочих — вчерашних крестьян, насильственно согнанных со своих земельных участков.

В английской литературе особенности этого исторического периода получили наиболее яркое отражение в сочинениях Джонатана Свифта и Даниэля Дефо, автора «Приключений Робинзона Крузо».

Великий английский писатель XVIII века Джонатан Свифт завоевал мировую известность сатирическим романом «Путешествия Гулливера». В этой главной и страстной книге писатель жестоко высмеял государственное устройство, общественные порядки и нравы современной ему буржуазно-дворянской Англии. Угнетение человека человеком, обнищание трудящихся, пагубная власть золота существовали, разумеется, не в одной только Англии. Поэтому сатира Свифта имела большое значение. Выдумка Свифта и его изобретательность поистине неистощимы.

В каких только переделках не побывал его Гулливер! Чего только не довелось повидать ему на своем веку! Но при всех об-

стоятельствах он никогда не теряет рассудительности и хладнокровия — качеств, типичных для среднего англичанина XVIII века.

Джонатан прожил долгую и трудную жизнь, полную испытаний и тревог, разочарований и горестей. Отец писателя в поисках заработка переехал со своей женой из Англии в столицу Ирландии Дублин. Внезапная смерть унесла его за несколько месяцев до рождения сына. Мать осталась без всяких средств к существованию. Детство Свифта было безрадостным. Долгие годы ему пришлось терпеть нужду, существовать на скудные подачки богатых родственников. После окончания школы четырнадцатилетний Свифт поступает в Дублинский университет, где господствовали еще средневековые порядки и главным предметом было богословие.

По воспоминаниям товарищей, уже в эти годы Свифт отличался остроумием и язвительностью, больше всего интересовался поэзией и историей, защитил диссертацию на степень магистра, в 1702 году получил степень доктора богословия.

Ирландия, куда судьба снова закинула Свифта, была в те времена страной отсталой и бедной, целиком зависимой от Англии. В 1704 году Свифт опубликовал замечательную книгу: «Сказка бочки, написанная для общего совершенствования человеческого рода», в которой он высмеивает различные виды человеческой глупости (лесть, угодничество перед вышестоящими и пр.).

В дальнейшем Свифт находился в Дублине, временами выезжая в Лондон. Его популярность росла. Последние годы жизни прошли у него в непрерывной борьбе с тяжелым и мучительным недугом.

Созданные на склоне лет «Путешествия Гулливера» явились плодом долголетних раздумий писателя над современной ему жизнью. Причудливая фантастика начинается с первых же страниц романа, когда Гулливер после кораблекрушения попадает в плен к шестидюймовым человечкам.

Каждая черточка и каждый штрих в «Путешествиях Гулливера» содержат всевозможные иносказания и намеки, заставляющие находить много общего между сказочной Лилипутией и Англией эпохи Свифта. Гулливер замечает, что у лилипутов существуют такие же обычаи и законы, такие же нравы, как и на его родине. Во второй части романа, где описываются приключения Гулливера в стране великанов, Свифт обличает уже не отдельные недостатки политической и общественной жизни Англии, а систему управления и государственного устройства в целом. Те же самые мысли в еще более резкой форме мы находим в третьей части романа.

В четвертой части рассказывается о пребывании Гулливера в стране лошадей. Свифт доказывает соотечественникам, что жизнь их устроена безобразно, несправедливо, жестоко.

«Путешествия Гулливера» — одно из самых замечательных сатирических произведений мировой литературы.

Е. Брандис

Вопросы и задания

1. На фоне каких исторических событий в Англии XVIII века был написан роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»?
2. Прочитайте роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера». Подумайте, о чем этот роман. Против чего направлены гнев и сатира автора?
3. Прочитайте и прокомментируйте отрывки из «Путешествия Гулливера», помещенные в учебнике-хрестоматии, выскажите свои впечатления.

Путешествия

в некоторые отдаленные страны света
Лемюэля Гулливера, сначала хирурга,
а потом капитана нескольких кораблей

Главы из романа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

Рисунки Жана Гранвиля

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор дает сведения о себе и о своем семействе. Что побудило автора отправиться в путешествие. Он претерпевает кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны.

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в Коллегию Эмануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям. Хотя я получал весьма скудное содержание, однако и оно ложилось тяжелым бременем на отца, состояние которого было незначительно; поэтому меня отдали в ученье мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я прожил четыре года.

Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на приобретение пособий для изучения навигации и других отраслей математики, полезных человеку, желающему посвятить себя путешествиям, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Оставя мистера Бетса, я возвратился к отцу, и у него, у дяди Джона и у других родственников мне удалось получить сорок фунтов стерлингов вместе с обещанием ежегодно высылать мне в Лейден еще тридцать фунтов. В этом городе, в продолжение двух лет и семи месяцев, я изучал медицину, будучи уверен, что знание ее окажется мне полезным в дальних путешествиях.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моею доброго учителя, мистера Бетса, поступил хирургом на судно *Ласточка*, ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. Я проплавал с ним три с половиной года, совершил одно-два путешествия в Лавант и в некоторые другие страны. Возвратившись в Англию, я решил поселиться в Лондоне, к чему поощрял меня и мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я нанял квартиру в небольшом доме на Ольд-Джюри и, вняв советам родных не оставаться холостяком, женился на мисс Мери Бертон, второй дочери

мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись, ибо совесть не позволяла мне подражать шарлатанству многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова отправиться в плавание. Я поступил хирургом сперва на одно, а потом на другое судно и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию, что несколько поправило мои денежные дела. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, прежних и современных, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий было не особенно счастливо, и потому, утомленный морской жизнью, я решил жить дома с женой и детьми. Я перебрался с Ольд-Джюри на Феттер-Лен, а оттуда в Уоппинг, надеясь иметь практику между моряками, но эта надежда не оправдалась. Продав три года улучшения моего положения, я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна *Антилопа*, отправиться с ним в Южный Океан. 4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле, и наше путешествие было сначала очень удачно.

Не стоит утомлять внимание читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; достаточно сказать, что при переходе в Ост-Индию¹ мы были отнесены

¹ *Ост-Индия* — восточная Индия.

страшной бурей к северо-западу от Ван-Дименовой земли¹. Согласно наблюдениям, мы находились на $30^{\circ}2'$ южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были в состоянии полного изнеможения. 5 ноября (начало лета в этих местах) было очень пасмурно, так что матросы только на расстоянии полукабельтова² от корабля заметили скалу; между тем страшный ветер гнал корабль прямо на эту скалу, и он мгновенно разбился в щепки. Шестеро из экипажа, в том числе я, спустили шлюпку на воду и благополучно отъехали от корабля и скалы. По моим расчетам мы шли на веслах около трех миль, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю ветра и волн, и через полчаса шлюпка была опрокинута внезапно налетевшим с севера шквалом. Что случилось с моими товарищами по шлюпке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ногу, но не мог нащупать дно; и вот, в то время когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю. Дно в этом месте было так отлого, что мне пришлось пройти более мили, прежде чем я до-

¹ Ван Дименовой землёй Гулливер называет Австралию.

² На расстоянии полукабельтова — т. е. около 100 м.

брался до берега; было, должно быть, около девяти часов вечера. Я прошел с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения или по крайней мере был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; эта усталость, жара, а также выпитые мной еще на корабле полпинты¹ водки совсем меня разморили, и меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низка и мягка, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я хотел встать, но не смог пошевелиться; я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы; а все мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевок. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человека, ростом не более шести дюймов², с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они в ужасе все разбежались; причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и

¹ Полпинты, пинта — единицы объема в системе английских мер, пинта — около полулитра, полпинты — примерно стакан.

² Дюйм — единица длины в системе английских мер, примерно 2,5 см.

падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились снова, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не понял тогда их значения. Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть деревянные кольшики, к которым была привязана левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, сделав страшное усилие, причинившее мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыца вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко прокричал: *Только фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того, как у нас в Европе стреляют из мортир¹, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело

¹ *Мортира* — артиллерийское орудие с коротким стволом.

(хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град стрел прошел, я застонал от злости и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первых двух, причем враги мои пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволовой кожи, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное пролежать спокойно до наступления ночи, когда, имея свободную левую руку, я легко освобожусь; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь и с большей армией, если только она будет состоять из существ такого же роста, как те, которых я видел перед собою. Однако судьба решила иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов¹ от меня у моего правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо таких человечков, и две или три лестницы, чтобы восходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: *Лангро дегюль сан* (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и перевели). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезали веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и таким образом наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человечком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из них, с мой средний палец, вероятно паж, держал его шлейф, двое других стояли по сторонам в качестве почетной стражи. Его речь была произнесена по всем правилам ораторского искусства: некоторые части ее выражали угрозу, другие — обещание, сожаление и благосклонность. Я отвечал в немногих словах с видом величайшей покорности, воздев

¹ *Ярд* — единица длины в системе английских мер, около 1 м.

к солнцу глаза и левую руку и как бы призывая светило в свидетели; и так как я почти умирал от голода — в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, — то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и (быть может, нарушая строгие правила этикета) несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. *Гурго* (так они называли важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал приставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филей, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три блюда вместе с тремя хлебцами, из которых каждый был не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту. По этому аппетиту они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и потому, когда я знаками попросил пить, они необычайно ловко подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки, испуская крики радости, танцевали у меня на груди и много раз повторяли свое первое восклицание: *Гекина дегуль*. Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: *Бора мевола*, а когда бочки взлетели в воздух, раздались ликующие возгласы: *Гекина дегуль*. Сказать правду, меня сильно искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и сошвырнуть их. Но сознание, что они могли

причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, — ибо так толковал я свое изъявление глубокой покорности — скоро прогнали эти мысли. С другой стороны, я считал себя связанным законами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться для них. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты, за королевской печатью, приблизив их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причем он часто указывал пальцем вперед, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас в расстоянии полумили, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили. Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Доволь-

ные моим согласием, *Гурго* и его свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я услышал общее ликование, среди которого часто повторялись слова: *неплам селян*, и увидел с левой стороны большую толпу, которая ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону и всласть помочиться; потребность эта была отправлена мной в изобилии, повергшем в великое изумление маленькие создания, которые, догадываясь по моим движениям, что я собираюсь делать, немедленно расступились в обе стороны, чтобы не попасть в поток, извергшийся из меня с большим шумом и силой. Еще раньше они помазали мое лицо и руки каким-то составом приятного запаха, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно подействовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

Вероятно, как только туземцы нашли меня спящего на берегу после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве провизию и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу. <...>

ГЛАВА ВТОРАЯ

Император Дилипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку дилипутов. Своим кротким поведением автор добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты.

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередо-

вались с лесом вышиной в сажень, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации. <...>

Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище — как если бы гора двинулась перед ней — взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели придворные, которые, схватив коня под уздцы, помогли ему сойти. Его величество с большим удивлением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, на почтительном расстоянии. Он приказал своим поварам и лакеям, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатывали ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином. Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошадью императора все они встали и окружили его величество, портрет которого я хочу теперь дать читателю. Ростом он на мой ноготь выше всех своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушить зрителям чувство почтительного страха. Черты лица его сильные и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, туловище, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная. Он уже не первой молодости, ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться при описании его наруж-

ности. Одежда императора очень скромная и простая, фасон — нечто среднее между азиатским и европейским, на голове легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиной около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что я, стоя, мог ясно различать произносимые им слова. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Здесь же находились священники и юристы (как я заключил по их костюму), которым было приказано вступать со мною в разговор; я в свою очередь заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все это не привело ни к чему. Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая с нетерпением теснилась вокруг меня, стараясь протолкнуться как можно ближе; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел, в то время как я сидел на земле у дверей моего дома; из этих стрел одна едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал арестовать шесть зачинщиков и решил, что самым лучшим наказанием для них будет связать и отдать в мои

руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я взял их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, особенно когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро я успокоил их: ласково смотря на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же мной было поступлено и с остальными, которых поочередно я вынимал из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, которое оказало мне также большую услугу при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Ко мне были привезены шестьсот матрацев обыкновенной величины; сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом образовался один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой, но, несмотря на это, моя постель была немногим мягче гладкого каменного пола. По такому расчету были сделаны также простыни, одеяла и покрывала, впрочем, достаточно сносные для человека, давно приученного к лишениям.

Едва весть о моем прибытии разнеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться массы богатых, досужих и любопытных людей. Деревни почти опустели, отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Император повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе пятидесяти ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло большой доход министерским чиновникам.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении отно-

сительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не убежал; с другой — возникало опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иные останавливались на мысли уморить меня или по крайней мере засыпать мое лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но другие высказывали опасение, что разложение такого громадного трупа может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью вышеупомянутыми озорниками. Это обстоятельство произвело такое благоприятное впечатление на его величество и государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девятисот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другую живность для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и на счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет на доходы своих личных имений и весьма редко, в

самых экстренных случаях, обращается за субсидией¹ к подданным, которые зато обязаны, по его требованию, являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, мне назначили в услужение шестьсот человек, которым положили жалованье, достаточное для их пропитания, и построили им по обеим сторонам двери моего замка удобные палатки. Равным образом отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона, а шесть самых знаменитых придворных ученых стали обучать меня местному языку. Наконец, тем же приказом предписывалось возможно чаще производить в моем присутствии экзерциции² на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказания были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостаивал меня своими визитами и с удовольствием присутствовал при моих уроках. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество милостиво даровал мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть разрешено без согласия государственного совета и что прежде я должен *люмоз кельмин пессо деемарлон Эмпозо*, т. е. дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение

¹ *Субсидия* — денежная помощь.

² *Экзерциции* — упражнения (например, военные).

со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и кротким поведением заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не считать оскорблением, если он отдаст приказание специальным чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками, и хотя он отлично понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи, однако, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; все же вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачена назначенная мною цена. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух жилетных и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В жилетных карманах лежали: в одном — серебряные часы, а в другом — кошелек с несколькими золотыми. Производив-

шие обыск чиновники имели при себе бумагу, перо и чернила. Они составили подробную опись всему, что нашли. Когда опись была кончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить ее императору. Позднее я перевел эту опись на английский язык.

СВИФТ И ЕГО РОМАН «ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА»

В 1725 г. Свифт завершил роман «Путешествия Гулливера» и достиг вершины литературной славы. Он издал эту книгу в 1726 г. Над этой книгой писатель работал десять лет. Образ Гулливера, связывая все части романа, становится центральным. Роман состоит из четырех частей, в каждой из которых рассказывается о пребывании Гулливера в той или иной стране: у лилипутов, великанов, в Лалуте, в стране гуингнмов. Произведение строится как роман путешествий приключенческо-фантастического характера, что делает его особенно интересным. Однако каждый из эпизодов романа заключает в себе и более глубокий смысл. «Путешествия Гулливера» — это история обогащения представлений человека о мире.

Рассказывая о Лилипутии, Свифт сатирически изображает современную ему Англию. Порядки, законы и обычаи Лилипутии — карикатура на монархический строй, парламентские партии, церковные разногласия. Император кичится перед своими подданными тем, что он выше их ростом. Это «преимущество» позволяет ему чувствовать себя повелителем вселенной. В Лилипутии происходят постоянные смуты, вызванные несогласиями по вопросу о том, с какого конца — тупого или острого — следует разбивать яйцо. В Лилипутии Гулливер поражает всех своими размерами и получает прозвище Человек-Гора, а среди великанов он кажется «ничтожным насекомым».

Свифт изображает Бробдингнег как идеальную монархию, а ее короля — как просвещенного и мудрого монарха, осуждающего войны и стремящегося во всем исходить из принципов разума и высокой нравственности.

Сатирой на науку, оторванную от жизни, является эпизод, связанный с пребыванием Гулливера в Лалуте. Он посещает здесь Великую Академию и становится свидетелем многих научных открытий: один ученый муж восемь лет разрабатывал проект получения солнечной энергии из огурцов, другой занимался пережиганием

льда в порох и т. д. Писатель осмеивал лженауку, оборачивающуюся глупостью.

Последняя часть романа содержит гневное обличение бесчеловечного общества, порождением которого являются звероподобные существа йху.

Свифт создает произведения, на которые ориентировались сатирики и фантасты XIX—XX веков (Диккенс, Уэллс — в Англии, Вольтер, Франс — во Франции, Салтыков-Щедрин — в России).

Н. Михальская

Вопросы, и задания

1. Какую цель преследовал Свифт, написав роман «Путешествия Гулливера»?
2. Какие фантастические произведения, напоминающие по содержанию «Путешествия Гулливера», вы читали? Назовите эти произведения. О чем они?
3. Каким сообщением о себе и своей семье рассказчик предваряет свое повествование о необыкновенных приключениях?
4. Знакомство героя с лилипутами началось с сообщения о «достижениях» народа Лилипутии в области математики, механики. Каковы эти достижения? Как они помогли лилипутам в общении с Гулливером?
5. Что понравилось и что удивило Гулливера в государстве, куда его забросила судьба?
6. Какие выводы можно сделать по поводу всего романа Свифта? Против кого и чего выступает в нем автор? Совпадают ли ваши суждения о романе с суждениями литературоведов Е. Брандиса и Н. Михальской? Подготовьте устные рассуждения на эту тему.

Вальтер СКОТТ

1771—1832

Вальтер Скотт — известный английский писатель, создатель жанра исторического романа.

Вальтер Скотт начал свою литературную деятельность в один из самых бурных периодов европейской истории.

В 1789 году во Франции произошла революция, имевшая важное значение для всей Европы. Рушилось феодальное общество, ломался старый уклад жизни, утверждались новые экономические отношения. На что опереться в критические минуты; что необходимо сохранять и спасать в старом обществе; что важнее всего поддержать в новом?.. Все эти проблемы отразились в романах Вальтера Скотта. Шотландец по происхождению, писатель всем сердцем был привязан к родной стране, хотя писал по-английски и занял выдающееся место именно в английской литературе. Его поэмы и романы повествуют о судьбах и бедах его любимой Шотландии, несмотря на то что действие в некоторых его романах происходит в средневековой Франции, в Англии или в Византии. Шотландский костюм, шотландский диалект, шотландская старина, которую он изображал, были средствами сохранения национальной самобытности. Подлинный шотландский характер писатель видел не в упрямстве и невежестве, которыми по традиции награждали шотландцев, а в стойких нравственных чертах — верности, честности, мужестве, преданности убеждениям.

Исторический роман, по мнению Скотта, должен воспроизводить историю полнее, чем научное исследование. Наряду с политическими событиями исторический роман должен изображать част-

ную жизнь обычных людей. Реальные исторические лица ведут у писателя политическую интригу, а вымышленные — любовно-романтическую. Одним из первых в европейской литературе Вальтер Скотт вывел на сцену народ: крестьян, ремесленников, пастухов, рыбаков, воинов. И почти во всех романах писателя действует этот коллективный герой.

Задача исторического романиста, по мнению писателя, заключалась еще и в том, чтобы за различием и своеобразием культур увидеть живую, страдающую человеческую душу, стремящуюся к лучшей доле. Исторический роман должен воспитывать в современном читателе симпатию ко всему человечеству. Буйная фантазия и историческая точность, проникновенный лиризм и романтика, загадочная интрига, таинственность и острые нравственные проблемы переплетаются в произведениях Скотта. Это позволило Пушкину назвать его «шотландским волшебником».

Вальтер Скотт родился в Эдинбурге в семье юриста. Скотты принадлежали к старому шотландскому роду, игравшему некоторую роль в истории страны. Вскоре после рождения мальчика обнаружилось, что он плохо владеет правой ногой. Лечение не помогало, и Вальтера Скотта отвезли для поправки здоровья к бабушке на ферму. Здесь и началось знакомство будущего писателя с шотландской историей и фольклором. В деревне мальчик подлечился, но все же остался хромым на всю жизнь.

Отец мечтал, чтобы сын стал юристом, и после окончания школы заставил его работать в своей юридической конторе. Вскоре Вальтер Скотт получил звание адвоката, а затем занял должность секретаря эдинбургского суда. Будучи уже знаменитым писателем, Скотт не оставил службу — он был шерифом округа.

С 1814 года Вальтер Скотт посвящает себя созданию исторических романов, которые он писал до конца жизни. Уже первый его роман «Узверли» принес Вальтеру Скотту мировую славу. Самые знаменитые романы писателя — это «Пуритане», «Роб Рой», «Айвенго», «Эдинбургская темница», «Квентин Дорвард». Успех романов и необыкновенная работоспособность Вальтера Скотта принесли ему славу и богатство. Когда в 1818 году писатель получил звание баронета, он решил превратить свое поместье в подлинный средневековый замок. Он собирал древности: оружие, мебель, утварь, книги... Изнуряющая работа на пределе сил, вызванная банкротством его издателя, в конце концов подорвала же-

лезное здоровье писателя. В 1831 году он перенес апоплексический удар¹.

По совету врачей В. Скотт совершает свое последнее путешествие — по южным странам. Но и в дороге он продолжает работать, так как все еще не может рассчитаться с долгами. В Неаполе он узнает о смерти великого Гёте и принимает решение вернуться, чтобы так же, как и немецкий поэт, умереть на родине. Через несколько месяцев после возвращения Вальтер Скотт умирает из-за резкого обострения болезни.

«Айвенго» (1819) — роман об английском Средневековье. Действие происходит в XII веке, когда в Англию пришли жестокие норманнские завоеватели. Роман повествует о кровавой борьбе саксонских феодалов и крестьян с надменными норманнскими аристократами, презирающими народ. Против завоевателей во главе крестьян борется герой английских баллад легендарный разбойник Робин Гуд. В романе выведен «народный король» Ричард Львиное Сердце, который стремится к примирению норманнов и англосаксов.

К началу действия романа прошло уже более ста лет со времени завоевания Англии норманнами, но вражда между победителями и побежденными сохранилась. Ричард Львиное Сердце вместе со своим другом и верным слугой Айвенго инкогнито вернулись из крестового похода и плена. Король выступает против феодальной знати, заинтересованной в сохранении политической раздробленности.

Молодой рыцарь Айвенго копьем и мечом защищает свою честь и права, свою возлюбленную, прекрасную леди Ровену, руки которой добывается жестокий, способный на преступления крестоносец Бриан де Буагильбер.

Пройдя через многочисленные испытания, герой романа помогает предотвратить несчастье и восторжествовать справедливости.

Вопросы и задания

Расскажите коротко о жизни Вальтера Скотта. Какие произведения этого автора вами уже прочитаны? Какие впечатления они оставили?

¹ *Апоплексический удар* — инсульт; сопровождается потерей сознания и параличами.

Айвенго

Главы из романа

ГЛАВА I

Они беседовали той порой,
Когда стада с полей брели домой,
Когда, наевшись, но не присмирив,
Шли свиньи с визгом нехотя
в свой хлев.
Поп¹. «Одиссея»

В той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Ден, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уориклиф-парк и близ Ротерхема. По преданию, здесь некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь происходили ожесточенные битвы во время междоусобных войн Белой и Алой Розы; и здесь же в старину собирались ватаги тех отважных разбойников, подвиги и деяния которых прославлены в народных песнях.

Таково главное место действия нашей повести, по времени же описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I², когда возвращение короля из долгого плена казалось желанным, но уже невозможным событием отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати. Феодалы, получившие непомерную власть в царствование Стефана³, но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II⁴, теперь снова бесчинствовали, как в прежние времена; пренебрегая слабыми попыт-

¹ *Поп Александр* (1688—1744) — английский поэт, перевел «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

² *Ричард I Львиное Сердце* — английский король (1189—1199), участник третьего крестового похода. Во времена его правления в Англии продолжались феодальные смуты и междоусобная борьба.

³ *Стефан* — английский король (1135—1154). Вел длительную междоусобную борьбу за власть с королевой Матильдой.

⁴ *Генрих II Плантагенет* — английский король (1154—1189). Провел ряд реформ с целью укрепления королевской власти и ограничения феодальных междоусобиц.

ками английского государственного совета ограничить их произвол, они укрепляли свои замки, увеличивали число вассалов, принуждали к повиновению и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать и возглавить такое войско, которое дало бы ему возможность стать влиятельным лицом в приближающихся государственных потрясениях.

Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, франклинов, которые, согласно букве и духу английских законов, должны были бы сохранять свою независимость от тирании крупных феодалов. Франклины могли обеспечить себе на некоторое время спокойное существование, если они, как это большей частью и случалось, прибегали к покровительству одного из влиятельных вельмож их округи, или входили в его свиту, или же обязывались по соглашениям о взаимной помощи и защите поддерживать феодала в его военных предприятиях, но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого истого англичанина, и подвергались опасности оказаться вовлеченными в любую опрометчивую затею их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, всегда находили предлог для того, чтобы травить, преследовать и довести до полного разорения любого из своих менее сильных соседей, который попытался бы не признать их власти и жить самостоятельно, думая, что его безопасность обеспечена лояльностью и строгим подчинением законам страны.

Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом¹ значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавидящие друг другу народности, из которых одна все еще упивалась победой, а другая страдала от по-

¹ *Норманнский герцог Вильгельм* (ок. 1027?—1087) — первый английский король из среды завоевателей-норманнов, прозванный *Вильгельмом Завоевателем*.

следствий своего поражения. После битвы при Гастингсе¹ власть полностью перешла в руки норманнских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая испытывала врожденную ненависть к завоевателям. Все монархи норманнского происхождения оказывали явное предпочтение своим соплеменникам; охотничьи законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном саксонском уложении, легли на плечи побежденных, еще увеличивая тяжесть и без того непосильного феодального гнета.

При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-норманно-французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и поработенным народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в себе счастливое смешение языка победителей с наречием побежденных и с тех пор столь обогатившийся заимствованиями из классических и так называемых южноевропейских языков.

Я счел необходимым сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что, хотя история англосаксонского

¹ Битва при Гастингсе — 14 октября 1066 г. в сражении при Гастингсе высадившиеся в Англии норманнские войска герцога Вильгельма разгромили англосаксонское войско короля Гарольда. С этого времени в Англии установилось господство норманнов.

народа после царствования Вильгельма II¹ не отмечена никакими значительными событиями вроде войн или мятежей, все же раны, нанесенные завоеванием, не заживали вплоть до царствования Эдуарда III². Велики национальные различия между англосаксами и их победителями, воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побежденных саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травой просек леса, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни развесистых, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, быть может, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирали свои узловатые руки над мягким ковром великолепного зеленого дерна. Местами к дубам примешивались бук, остролист и подлесок из разнообразных кустарников, разросшихся так густо, что они не пропускали низких лучей заходящего солнца; местами же деревья расступались, образуя длинные, убегающие вдаль аллей, в глубине которых теряется восхищенный взгляд, а воображение создает еще более дикие картины векового леса. Пурпурные лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, отбрасывали то рассеянный и дрожащий свет на поломанные сучья и мшистые стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложились на дерн. Большая поляна посреди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды³ совершали свои обряды. Здесь возвышался холм такой правильной формы, что казался насыпанным человеческими руками; на вершине сохранился неполный круг из огромных необделанных камней. Семь из них стояли стоймя, остальные были свалены руками какого-нибудь усердного приверженца христианства и лежали частью поблизости от прежнего места, частью — по склону холма. Только один огромный камень скатился до самого низа холма, преградив течение небольшого ручья, пробивавшегося у

¹ *Вильгельм II Рыжий* — английский король (1087—1100), правление которого отличалось деспотизмом.

² *Эдуард III* — английский король (1327—1377); в правление Эдуарда III началась Столетняя война.

³ *Друиды* — жрецы у древних кельтов, населявших территорию Британии до англосаксонского завоевания (V в.).

подножия холма, — он заставлял чуть слышно рокотать его мирные и тихие струи.

Два человека оживляли эту картину; они принадлежали, судя по их одежде и внешности, к числу простолюдинов, населявших в те далекие времена лесной район западного Йоркшира. Старший из них был человек угрюмый и на вид свирепый. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, шпितой из дубленой шкуры какого-то зверя, мехом вверх; от времени мех так вытерся, что по немногим оставшимся клочкам невозможно было определить, какому животному он принадлежал. Это первобытное одеяние покрывало своего хозяина от шеи до колен и заменяло ему все части обычной одежды. Ворот был так широк, что куртка надевалась через голову, как наши рубашки или старинная кольчуга. Чтобы куртка плотнее прилегала к телу, ее перетягивал широкий кожаный пояс с медной застежкой. К поясу была привешена с одной стороны сумка, с другой — бараний рог с дудочкой. За поясом торчал длинный широкий нож с роговой рукояткой; такие ножи выделялись тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шеффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, похожие на сандалии, с ремнями из медвежьей кожи, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнаженными, как принято у шотландцев. Голова его была ничем не защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принявших темно-рыжий, ржавый оттенок и резко отличавшихся от светло-русой, скорей даже янтарного цвета, большой бороды. Нам остается только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так примечательна, что нельзя пропустить ее без внимания: это было медное кольцо вроде собачьего ошейника, наглухо запаянное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было возможно, только распилив пополам. На этом своеобразном воротнике было начертано по-саксонски: «Гурт, сын Беовульфа, прирожденный раб Седрика Ротервудского».

Возле свинопаса (ибо таково было занятие Гурта) на одном из поваленных камней друидов сидел человек, который выглядел лет на десять моложе первого. Наряд

В. Скотт. «Айвенго».

Худ. О. Вуколов

его напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был шит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в ярко-пурпурный цвет, а на ней намалеваны какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-желтой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или совсем завернуться в него, и тогда он падал причудливыми складками, драпируя его фигуру. На руках у этого человека были серебряные браслеты, а на шее — серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ремennую плетенку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая желтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. Твердый кожаный околыш этой шапки был вырезан по верхнему краю зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с короной пэра; изнутри к околышу был пришит длинный мешок, кончик которого свешивался на одно плечо, подобно старомодному ночному колпаку, треугольному ситу или головному убору современного гусара. По шапке с колокольчиками, да и самой форме ее, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы как-нибудь скоротать время, по необходимости проводимое в четырех стенах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым опасно давать в руки колющее или режущее оружие. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие той, которой арлекин на современной сцене производит свои фокусы.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежда. Лицо раба или крепостного

было угрюмо и печально; судя по его унылому виду, можно было подумать, что мрачность делает его ко всему равнодушным, но огонь, иногда загоравшийся в его глазах, говорил о таившемся в нем сознании своей угнетенности и о стремлении к сопротивлению. Наружность Вамбы, напротив того, обличала присущее людям этого рода рассеянное любопытство, крайнюю непоседливость и подвижность, а также полное довольство своим положением и своей внешностью. Они вели беседу на англосаксонском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору изъяснялись в Англии все низшие сословия, за исключением норманнских воинов и ближайшей свиты феодальных владык. Однако приводить их разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, незнакомого с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в дословном переводе.

— Святой Витольд, прокляни ты этих чертовых свиней! — проворчал свинопас после тщетных попыток собрать разбежавшееся стадо пронзительными звуками рога. Свиньи отвечали на его призыв не менее мелодичным хрюканьем, однако несколько не спешили расстаться с роскошным угощением из буковых орехов и желудей или покинуть топкие берега ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, лежала вразтяжку, не обращая внимания на окрики своего пастуха.

— Разрази их, святой Витольд! Будь я проклят, если к ночи двуногий волк на задерет двух-трех свиней... Сюда, Фангс! Эй, Фангс! — закричал он во весь голос мохнатой собаке, не то догу, не то борзой, не то помеси борзой с шотландской овчаркой. Собака, прихрамывая, бегала кругом и, казалось, хотела помочь своему хозяину собрать непокорное стадо.

Но то ли не понимая знаков, подаваемых свинопасом, то ли забыв о своих обязанностях, то ли по злому умыслу пес разгонял свиней в разные стороны, тем самым увеличивая беду, которую он как будто намеревался исправить.

— А, чтоб тебе черт вышиб зубы! — ворчал Гурт. — Провалиться бы этому лесничему. Стрижет когти нашим собакам, а после они никуда не годятся. Будь другом, Вамба, помоги. Зайди с той стороны холма и пугни их оттуда. За ветром они сами пойдут домой, как ягнята.

— Послушай, — сказал Вамба, не трогаясь с места. — Я уже успел посоветоваться по этому поводу со своими ногами: они решили, что таскать мой красивый наряд по трясине было бы с их стороны враждебным актом против моей царственной особы и королевского одеяния. А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: покличь-ка Фангса, а стадо предоставь его судьбе. Не все ли равно, повстречаются твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

— Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? — спросил Вамба.

— Свиньи, дурак, свиньи, — отвечал пастух. — Это всякому дураку известно.

— Правильно, «суайн» — саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу еще, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен¹ бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским ры-

¹ Олдермен — правитель графства, позднее — член городского управления. В данном случае этому слову придан шутливый оттенок.

царем Биф. Таким же образом и теленок «каф» делается мосье де Во¹: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу; женщин покрасивее — на их ложе; лучшие и храбрейшие из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь мало кто остается, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксов. Дай Бог здоровья нашему хозяину Седрику за то, что он постоял за нас, как подобает мужественному воину; только вот на днях прибудет в нашу сторону Реджинальд Фрон де Беф, тогда и увидим, чего стоят все хлопоты Седрика... Сюда, сюда! — крикнул он вдруг, снова возвышая голос. — Вот так, хорошенько их, Фангс! Молодец, всех собрал в кучу.

— Гурт, — сказал шут, — по всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе ты не стал бы совать голову в мою глотку. Ведь стоит мне намекнуть Реджинальду Фрон де Бефу или Филиппу де Мальвуазену, что ты ругаешь норманнов, вмиг тебя вздернут на одно из этих деревьев. Вот и будешь качаться для острастки всем, кто вздумает поносить знатных господ.

— Пес! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты вызвал меня на такие слова! — воскликнул Гурт.

— Выдать тебя? Нет, — сказал шут, — так поступают умные люди, где уж мне, дураку... Но тише... Кто это к нам едет? — прервал он сам себя, прислушиваясь к конскому топоту, который раздавался уже довольно явственно.

— А тебе не все равно, кто там едет? — спросил Гурт, успевший тем временем собрать все свое стадо и гнавший его вдоль одной из сумрачных просек.

¹ *Окс, Биф, Каф, Во* — слова англосаксонского происхождения *ох* (окс) и *калф* (каф) обозначают соответственно «бык» и «теленка», слова норманно-французского происхождения *беф* (биф) и *веау* (во) — «говядина» и «телятина».

— Нет, я должен увидеть этих всадников, — отвечал Вамба. — Может быть, они едут из волшебного царства с поручением от короля Оберона¹...

— Замолчи! — перебил его свинопас. — Охота тебе говорить об этом, когда тут под боком страшная гроза с громом и молнией. Послушай, какие раскаты. А дождь-то! Я в жизни не видывал летом таких крупных и отвесных капель. Посмотри, ветра нет, а дубы трещат и стонут, как в бурю. Помолчи-ка лучше, да поспешим домой, прежде чем налетит гроза! Ночь будет страшной.

Вамба, по-видимому, постиг всю силу этих доводов и последовал за своим товарищем, который взял длинный посох, лежавший возле него на траве, и пустился в путь. Этот новейший Эвмей² торопливо шел к опушке леса, подгоняя с помощью Фангса пронзительно хрюкающее стадо.

ГЛАВА II

Монах был монастырский ревизор.
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких аббатов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками бренчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.

*Чосер*³

Конский топот все приближался, и, несмотря на увещевания и брань своего спутника, Вамба, которому не терпелось поскорее увидеть всадников, то и дело останавливался под разными предлогами: то рвал с высокого куста незрелые орехи, то заглядывался на проходившую мимо деревенскую девицу, и поэтому всадники довольно скоро настигли их.

Кавалькада состояла из десяти человек; двое, ехавшие впереди, были, по-видимому, важные особы, а остальные —

¹ *Оберон* — сказочный король лесных духов.

² *Эвмей* — один из персонажей «Одиссеи» Гомера, раб-свинопас, верный своему хозяину.

³ *Чосер Джефри* (1340?—1400) — английский поэт. Участвовал в Столетней войне 1337—1453 гг., с 1386 г. — член парламента.

их слуги. Сословие и звание одной из этих особ нетрудно было установить: это было, несомненно, духовное лицо высокого ранга. На нем была одежда монаха-францисканца, сшитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена, плащ с капюшоном из самого лучшего фламандского сукна, ниспадая красивыми широкими складками, облегал его статную, хотя и немного полную фигуру.

Его лицо так же мало говорило о смирении, как и одежда — о презрении к мирской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестели из-под нависших век тем лукавым эпикурейским огоньком, который изобличает осторожного сластолюбца. Впрочем, профессия и положение приучили его так владеть собой, что при желании он мог придать своему лицу торжественность, хотя от природы оно выражало благодущие и снисходительность. Вопреки монастырскому уставу, равно как и эдиктам пап и церковных соборов, одежда его была роскошна: рукава плаща у этого церковного сановника были подбиты и оторочены дорогим мехом, а мантия застегивалась золотой пряжкой, и вся орденская одежда было столь изысканна и нарядна, как в наши дни платья красавиц квакерской секты: они сохраняют положенные им фасоны и цвета, но выбором материалов и их сочетанием умеют придать своему туалету кокетливость, свойственную светскому тщеславию.

Почтенный прелат ехал верхом на сытом, шедшем иноходью муле, сбруя которого была богато украшена, а уздечка, по тогдашней моде, увешана серебряными колокольчиками. В посадке прелата не было заметно монашеской неуклюжести — напротив, она отличалась грацией и уверенностью хорошего наездника. Казалось, что, как ни приятна была спокойная иноходь мула, как ни роскошно его убранство, все же щеголеватый монах пользовался таким скромным средством передвижения только для переездов по большой дороге. Один из служителей-мирян, составлявших его свиту, вел в поводу превосходного испанского жеребца, на котором монах выезжал в торжественных случаях. В те времена купцы с величайшим для себя риском и бесконечными затруднениями вывозили из Андалузии таких лошадей, бывших в моде у богатых и знатных вельмож. Седло и сбруя на этом великолепном ко-

не были покрыты длинной попоной, спускавшейся почти до самой земли и расшитой изображениями крестов и иных церковных эмблем. Другой служитель вел в поводу вьючного мула, нагруженного, вероятно, поклажей настоятеля; двое монахов того же ордена, но низших степеней ехали позади всех, пересмеиваясь, оживленно разговаривая и не обращая никакого внимания на остальных всадников.

Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Его атлетическая фигура вследствие постоянных упражнений, казалось, состояла из одних костей, мускулов и сухожилий; видно было, что он перенес множество тяжелых испытаний и готов перенести еще столько же. На нем была красная шапка с меховой опушкой из тех, что французы зовут *mortier*¹ за сходство ее формы со ступкой, перевернутой вверх дном. На лице его ясно выражалось желание вызвать в каждом встречном чувство боязливого почтения и страха. Очень выразительное, нервное лицо его с крупными и резкими чертами, загоревшее под лучами тропического солнца до негритянской черноты, в спокойные минуты казалось как бы задремавшим после взрыва бурных страстей, но надувшиеся жилы на лбу и подергивание верхней губы показывали, что буря каждую минуту может снова разразиться. Во взгляде его смелых, темных, пронизательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодоленных опасностях. У него был такой вид, точно ему хотелось вызвать сопротивление своим желаниям — только для того, чтобы смести противника с дороги, проявив свою волю и мужество. Глубокий шрам над бровями придавал еще большую суровость его лицу и злое выражение одному глазу, который был слегка задет тем же ударом и немного косил.

Этот всадник, так же как и его спутник, был одет в длинный монашеский плащ, но красный цвет этого плаща показывал, что всадник не принадлежит ни к одному из четырех главных монашеских орденов. На правом плече был нашит белый суконный крест особой формы. Под плащом виднелась несовместимая с монашеским саном коль-

¹ Ступка (фр.).

чуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные из мягкой шерсти. Насколько позволяли видеть складки плаща, его бедра защищала такая же кольчуга; колени были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры — металлическими кольчужными чулками. За поясом был заткнут большой обоюдоострый кинжал — единственное бывшее при нем оружие.

Ехал он верхом на крепкой дорожной лошади, очевидно для того, чтобы поберечь силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вел позади. На коне было полное боевое вооружение: с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой дамасской насечкой, с другой — украшенный перьями шлем хозяина, его колпак из кольчуги и длинный обоюдоострый меч. Другой оруженосец вез, подняв вверх, копье своего хозяина; на острие копья развевался небольшой флаг с изображением такого же креста, какой был нашит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий сверху, чтобы прикрывать всю грудь, а книзу заостренный. Щит был в чехле из красного сукна, и поэтому нельзя было увидеть начертанный на нем девиз.

Вслед за этими двумя оруженосцами ехали еще двое слуг; темные лица, белые тюрбаны и особый покрой одежды изобличали в них уроженцев Востока. Вообще в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полуобнаженных смуглых руках и ногах. Их одежда из шелка, расшитая узорами, указывала на знатность и богатство их господина и составляла в то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены кривыми саблями с золотой насечкой на рукоятках и ножнах и турецкими кинжалами еще более тонкой работы. У каждого торчал при седле пучок дротиков фута в четыре длину, с острыми стальными наконечниками. Этот род оружия был в большом употреблении у сарацин и поныне еще находит себе применение в военной игре, любимой восточными народами и называемой «эль-джерид». Лоша-

ди, на которых ехали слуги, были арабской породы: сушоцавые, легкие, с упругим шагом, тонкогривые, они ничем не напоминали тех тяжелых и крупных жеребцов, которых разводили в Нормандии и Фландрии для воинов в полном боевом вооружении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади казались изящной, легкой тенью.

Необычный вид этой кавалькады возбудил любопытство не только Вамбы, но и его менее легкомысленного товарища. В монахе он тотчас узнал приора аббатства Жорво, известного по всей округе за большого любителя охоты, веселых пирушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, еще менее совместимых с монашескими обетами.

Но в те времена не слишком строго относились к поведению монахов и священников, так что приор Эймер пользовался доброй славой среди соседей своего аббатства. Его веселый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение мелких прегрешений делали его любимцем всех местных дворян, титулованных и нетитулованных, со многими из которых он был в родстве, так как принадлежал к именитой норманнской фамилии. Дамы в особенности были расположены относиться без излишней суровости к поведению человека, который не только являлся неизменным поклонником прекрасного пола, но и отличался умением прогонять смертельную скуку, слишком часто одолевавшую их в старинных покоях феодальных замков. Настоятель с азартом увлекался охотой, у него были лучшие соколы и борзые во всей северной округе, этим видом спорта он завоевал симпатии дворянской молодежи; с людьми почтенного возраста он разыгрывал другую роль, что отлично ему удавалось, когда это было нужно. Его поверхностная начитанность была достаточно велика, чтобы внушить окружающим невеждам почтение к его учености, а важная осанка и возвышенные рассуждения об авторитете Церкви и духовенства поддерживали мнение о его святости. Даже простой народ, который всех строже судит поведение высших сословий, относился снисходительно к легкомыслию приора Эймера. Дело в том, что Эймер был очень щедр, а за милосердие, как известно, отпускается множество грехов. Большая часть монастырских доходов

находилась в его полном распоряжении. Это давало ему возможность не только много тратить на свои прихоти, но и оказывать щедрую помощь соседним крестьянам. Если и случалось приору Эймеру с излишней пылкостью скакать на охоте или чересчур засиживаться на пиру, если кому-нибудь приходилось видеть, как на рассвете он пробирается через боковую калитку в стене своего аббатства, возвращаясь домой после свидания, продолжавшегося целую ночь, люди только пожимали плечами и примирялись с такими проступками настоятеля, вспоминая, что точно так же грешили и многие из его братьев, не искупая своих грехов теми качествами, какими отличался этот монах. Словом, приор Эймер был очень хорошо известен и нашим саксам. Они неуклюже поклонились ему и получили его благословение: «Benedicite, mes filz»¹.

Но диковинная внешность спутника Эймера и его свиты поразила воображение свинопаса и Вамбы так, что они не слышали вопроса настоятеля, когда он осведомился, не знают ли они, где можно было бы остановиться на ночлег. Особенно удивила их полумонашеская-полувоенная одежда загорелого иностранца и странный наряд и невиданное вооружение его восточных слуг. Очень вероятно также, что для слуха саксонских крестьян неприятен был язык, на котором было им преподано благословение и задан вопрос, хотя они и понимали, что это значит.

— Я вас спрашиваю, дети мои, — повторил настоятель, возвысив голос и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собою норманны и саксы, — нет ли по соседству доброго человека, который из любви к Богу и усердию к святой нашей матери-Церкви оказал бы на нынешнюю ночь гостеприимство и подкрепил бы силы двух смиреннейших ее служителей и их спутников? — Несмотря на внешнюю скромность этих слов, он произнес их с большой важностью.

«Двое смиреннейших служителей матери-Церкви! Хотел бы я поглядеть, какие же у нее бывают дворецкие, кравчие и иные старшие слуги», — подумал про себя Вамба, однако же, хотя и слыл дураком, остерегся произнести свою мысль вслух.

¹ Славьте Господа, дети мои (лат.).

Сделав мысленно такое примечание к речи приора, он поднял глаза и ответил:

— Если преподобным отцам угодны сытные трапезы и мягкие постели, то в нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где им, по их сану, окажут самый почетный прием; если же они предпочтут провести вечер в покаянии, то вон та лесная тропинка доведет их прямехонько до пустынной хижины в урочище Компенхерст, где благочестивый отшельник приютит их под своей крышей и разделит с ними вечерние молитвы.

Но приор отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

— Мой добрый друг, — сказал он, — если бы звон твоих бубенчиков не помутил твоего разума, ты бы знал, что *Clericus clericum non decimat*¹, то есть у нас, духовных лиц, не принято просить гостеприимства друг у друга и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лишний случай послужить Богу, оказывая помощь его служителям.

— Я всего лишь осел, — отвечал Вамба, — и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия. Однако мне казалось, что доброта матери-Церкви и ее служителей проявляется, как и у всех прочих людей, прежде всего к своей семье.

— Перестань грубить, нахал! — крикнул вооруженный всадник, сурово перебивая болтовню шута. — И укажи нам, если знаешь, дорогу к замку... Как вы назвали этого франклина, приор Эймер?

— Седрик, — отвечал приор, — Седрик Сакс... Скажи мне, приятель, далеко ли мы от его жилья и можешь ли ты показать нам дорогу?

— Найти дорогу будет трудновато, — отвечал Гурт, в первый раз вступая в беседу. — Притом у Седрика в доме рано ложатся спать.

— Ну, не мели пустяков! — сказал воин. — Могут и встать, чтобы принять таких путников, как мы. Нам не пристало унижаться и просить гостеприимства там, где мы вправе его требовать.

¹ Священнослужитель не платит десятину священнослужителю (лат.).

— Уж не знаю, — угрюмо сказал Гурт, — хорошо ли я сделаю, если укажу дорогу к дому моего господина таким людям, которые хотят требовать то, что другие рады получить из милости.

— Ты вздумал еще спорить со мной, раб! — воскликнул воин.

С этими словами он прищипорил свою лошадь, заставил ее круто повернуть и поднял хлыст, собираясь наказать дерзкого простолоудина.

Гурт метнул на него злобный и мстительный взгляд и с угрозой, хотя и нерешительно, схватился за нож; но в ту же минуту приор Эймер двинул своего мула вперед и, встав между воином и свинопасом, предупредил опасное столкновение.

— Нет, именем Святой Марии прошу вас, брат Бриан, помнить, что вы теперь не в Палестине, где владычествовали над турецкими язычниками и неверными сарацинами; здесь, на нашем острове, мы не любим ударов и принимаем их только от Святой Церкви, которая карает любя... Скажи мне, добрый человек, — продолжал он, обращаясь к Вамбе и подкрепляя свою речь небольшой серебряной монетой, — как проехать к Седрику Саксу. Ты должен знать туда дорогу и обязан указать ее любому путнику, а тем более духовным лицам вроде нас.

— Право же, честной отец, — отвечал шут, — сарацинская голова вашего преподобного брата до того перепугала мою, что я позабыл дорогу домой... Не знаю даже, попаду ли и сам туда сегодня...

— Вздор! — сказал настоятель. — Коли захочешь, так вспомнишь. Этот преподобный собрат мой всю жизнь сражался с сарацинами за обладание Гробом Господним. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма¹, о которых ты, может быть, слышал: он наполовину монах, наполовину воин.

— Если он хоть наполовину монах, — сказал шут, — то ему не пристало так неразумно обращаться с прохожими, если они замедлят с ответом на вопросы, до которых им нет дела.

¹ Орден Храма (или орден тамплиеров) возник в 1119 г. Обладал не только значительными владениями, но и большим политическим влиянием.

— Ну, я прощаю тебя с тем условием, что ты покажешь мне дорогу к дому Седрика, — сказал аббат.

— Ладно, — отвечал Вамба. — Извольте, ваше преподобие, ехать по этой тропинке до того места, где увидите вросший в землю крест; от него едва одна верхушка виднеется, да и то не больше как на локоть вышиной. От этого креста в разные стороны идут четыре дороги. Но вы поверните влево, и надеюсь, что ваше преподобие достигнет ночлега прежде, чем разразится гроза.

Аббат поблагодарил мудрого советчика, и вся кавалькада, пришпорив коней, поскакала с той быстротой, с какой люди спешат достигнуть ночлега, спасаясь от ночной бури. Когда топот копыт замер в отдалении, Гурт сказал своему товарищу:

— Если преподобные отцы последуют твоему умному совету, вряд ли они доедут сегодня до Ротервуда.

— Да, — сказал шут, ухмыляясь, — но зато они могут доехать до Шеффилда, коли им посчастливится, а для них и то хорошо. Не такой уж я плохой лесничий, чтоб указывать собакам, где залегла дичь, если не хочу, чтобы они ее задрали.

— Это ты хорошо сделал, — сказал Гурт. — Плохо будет, если Эймер увидит леди Ровену, а еще хуже, пожалуй, если Седрик поссорится с этим монахом, что легко может случиться. А мы с тобой — добрые слуги: будем только смотреть да слушать и помалкивать.

Возвратимся к обоим всадникам, которые вскоре оставили рабов Седрика далеко позади и вели беседу на норманно-французском языке, как и все тогдашние особы высшего сословия, за исключением тех немногих, которые еще гордились своим саксонским происхождением.

— Чего хотели эти наглецы, — спросил рыцарь Храма у аббата, — и почему вы не позволили мне наказать их?

— Но, брат Бриан, — отвечал приор, — один из них совсем дурак, и странно было бы требовать у него ответа за его глупости; что же касается другого грубияна, то он из породы тех неукротимых, свирепых дикарей, которые, как я вам не раз говорил, все еще встречаются среди потомков покоренных саксов: для них нет большего удовольствия, чем показать при каждом удобном случае свою ненависть к победителям.

— Ну, вежливость я бы живо в них вколотил! — ответил храмовник. — С подобными людьми я умею обращаться. Наши турецкие пленные в своей неукротимой ярости кажутся страшнее самого Одина¹; однако, пробыв два месяца у меня в доме под руководством моего смотрителя за невольниками, они становились смиренными, послушными, услужливыми и даже раболепными. Правда, сэр, с ними приходится постоянно остерегаться яда и кинжала, потому что они при каждом удобном случае охотно пускают в ход и то и другое.

— Но ведь у всякого народа свои обычаи и нравы, — возразил приор Эймер. — Прибей вы этого малого, мы так и не узнали бы дороги к дому Седрика; кроме того, если бы нам самим и удалось добраться туда, то Седрик непременно затеял бы с вами ссору из-за побоев, нанесенных его рабам. Помните, что я вам говорил: этот богатый франклин горд, вспыльчив, ревнив и раздражителен, он настроен против нашего дворянства и в ссоре даже со своими соседями — Реджинальдом Фрон де Бефом и Филиппом Мальвуазеном, которые шутить не любят. Он так крепко держится за права своего рода и так гордится тем, что происходит по прямой линии от Херварда², одного из знаменитых поборников семицарствия, что его не называют иначе как Седрик Сакс. Он похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются, чтобы избегнуть — *vae victis*³ — бедствий, выпадающих на долю побежденного.

— Приор Эймер, — сказал храмовник, — вы большой любезник, знаток женской красоты и не хуже трубадуров знакомы со всем, что касается уставов любви; но эта хваленая Ровена должна быть поистине чудом красоты, чтобы вознаградить меня за снисходительность и терпение, которые мне придется проявить, чтобы снискать расположение такого мужлана и мятежника, каков, по вашим словам, ее отец Седрик.

— Седрик ей не отец, а только дальний родственник, — сказал аббат. — Она происходит из более знатно-

¹ *Один* — верховный бог в древнескандинавской мифологии.

² *Хервард* — один из вождей англосаксонского народного движения против норманнских завоевателей.

³ Горе побежденному (*лат.*).

го рода, чем он. Он сам напросился ей в опекуны и привязан к ней так, что и собственная дочь не была бы ему дороже. О красоте ее вы в скором времени сможете судить сами. И пусть я буду еретиком, а не истинным сыном Церкви, если белизна ее лица и величественное и вместе кроткое выражение голубых глаз не изгонят из вашей памяти черноволосях дев Палестины или гурий мусульманского рая.

— Ну а если ваша прославленная красавица, — сказал храмовник, — окажется не так хороша, вы помните ваш заклад?

— Моя золотая цепь, — отвечал аббат — а ваш заклад — десять бочек хиосского вина. Я могу считать их своими, словно они уже стоят в монастырском подвале под ключом у старого Дениса, моего келаря.

— Но вы предоставляете мне самому решение спора, — сказал рыцарь Храма, — и я проиграю только в том случае, если сознаюсь, что с Троицына дня прошедшего года не видывал такой красивой девицы. Так ведь мы с вами уговорились? Ну, приор, прощайтесь со своей золотой цепью. Я надену ее поверх своего нагрудника на ристалище в Ашби де ла Зуш.

— Если выиграете честно, то и носите когда вам заблагорассудится, — сказал приор. — Я поверю вам на слово, как рыцарю и церковнику. А все-таки, брат, примите мой совет и будьте повежливей: ведь вам придется иметь дело не с пленными язычниками или восточными рабами. Седрик Сакс такой человек, что если сочтет себя оскорбленным — а он очень чувствителен к оскорблениям, — то не обратит внимания на ваше рыцарство, и мое высокое положение, и на наш священный сан и выгонит нас ночевать под открытое небо, хотя бы на дворе стояла полночь. И кроме того, остерегайтесь слишком пристально смотреть на Ровену: он охраняет ее чрезвычайно ревниво. Если мы дадим ему малейший повод к опасениям с этой стороны, мы с вами пропали. Говорят, что он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюбленные глаза на эту красавицу. По-видимому, ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю Пресвятой Девы.

— Ну, так и быть, — отвечал храмовник, — постараюсь сдержаться и вести себя, как скромная девица. Во всяком случае, не опасайтесь, что кто-нибудь посмеет выгнать нас из дому. Мы с моими оруженосцами и слугами, Аметом и Абдаллой, достаточно сильны, чтобы добиться хорошего приема.

— Ну, так далеко нам нельзя заходить... — отвечал приор. — Но вот и вросший в землю крест, о котором говорил нам шут. Однако ночь такая темная, что трудно различить дорогу. Он, кажется, сказал, что нужно повернуть влево.

— Нет, вправо, — сказал Бриан, — мне помнится, что вправо.

— Налево, конечно, налево. Я помню, что он именно налево указывал концом своей деревянной шпаги.

— Да, но шпагу-то он держал в левой руке и указывал поперек своего тела в противоположную сторону, — сказал храмовник.

Как это всегда бывает, каждый упрямо защищал свое мнение; спросили слуг, но свита все время держалась поодаль и потому не слыхала того, что говорил Вамба. Наконец Бриан, взглядывавшийся в темноту, заметил у подножия креста какую-то фигуру и сказал:

— Тут кто-то лежит: либо спящий, либо мертвый. Гуго, потрогай-ка его концом твоего копья. — Оруженосец не успел дотронуться до лежавшего, как тот вскочил, воскликнув на чистом французском языке:

— Кто бы ты ни был, но невежливо так прерывать мои размышления!

— Мы только хотели спросить тебя, — сказал приор, — как проехать в Ротервуд, к жилищу Седрика Сакса.

— Я сам иду в Ротервуд, — сказал незнакомец. — Будь у меня верховая лошадь, я бы проводил вас туда. Дорогу, хотя она и очень запутана, я знаю отлично.

— Мой друг, мы тебя поблагодарим и вознаградим, — сказал приор, — если ты проведешь нас к Седрику.

Аббат приказал одному из служителей уступить свою лошадь незнакомцу, а самому пересесть на своего испанского жеребца.

Проводник направился в сторону, как раз противоположную той, которую указал Вамба. Тропинка скоро углубилась в самую чащу леса, пересекая несколько ручьев с

топкими берегами; переправляться через них было довольно рискованно, но незнакомец, казалось, чутьем выбирал самые сухие и безопасные места для переправы. Осторожно продвигаясь вперед, он вывел наконец отряд на широкую просеку, в конце которой виднелось огромное неуклюжее строение.

Указав на него рукою, проводник сказал аббату:

— Вот Ротервуд, жилище Седрика Сакса.

Это известие особенно обрадовало Эймера, который обладал не очень крепкими нервами и во время переезда по топким низинам испытывал такой страх, что не имел ни малейшего желания разговаривать со своим проводником. Зато теперь, чувствуя себя в безопасности и недалеко от пристанища, он мигом оправился; любопытство его тотчас пробудилось, и приор спросил проводника, кто он такой и откуда.

— Я пилигрим и только что вернулся из Святой Земли, — отвечал тот.

— Лучше бы вы там и оставались воевать за обладание Святым Гробом, — сказал рыцарь Храма.

— Вы правы, достопочтенный господин рыцарь, — ответил пилигрим, которому наружность храмовника была, по-видимому, хорошо знакома. — Но что же удивляться, если простой поселянин вроде меня вернулся домой; ведь даже те, кто клялся посвятить всю жизнь освобождению святого города, теперь путешествуют вдаль от тех мест, где они должны были бы сражаться согласно своему обету.

Храмовник уже собрался дать гневный ответ на эти слова, но аббат вмешался в разговор, выразив удивление, как это проводник, давно покинувший эти места, до сих пор еще так хорошо помнит все лесные тропинки.

— Я здешний уроженец, — отвечал проводник.

И в ту же минуту они очутились перед жилищем Седрика. Это было огромное неуклюжее здание с несколькими внутренними дворами и оградами. Его размеры указывали на богатство хозяина, однако оно резко отличалось от высоких, обнесенных каменными стенами и защищенных зубчатыми башнями замков, где жили норманнские дворяне; впоследствии эти дворянские жилища стали типичным архитектурным стилем во всей Англии.

Впрочем, и в Ротервуде имелась защита. В те смутные времена ни одно поместье не могло обойтись без укреплений, иначе оно немедленно было бы разграблено и сожжено. Вокруг всей усадьбы шел глубокий ров, наполненный водой из соседней речки. По обеим сторонам этого рва проходил двойной частокол из заостренных бревен, которые доставлялись из соседних лесов. С западной стороны в наружной ограде были сделаны ворота; подъемный мост вел от них к воротам внутренней ограды. Особые выступы по бокам ворот давали возможность обстреливать противника перекрестным огнем из луков и пращей.

Остановившись перед воротами, храмовник громко и нетерпеливо затрубил в рог. Нужно было торопиться, так как дождь, который так долго собирался, полил в эту минуту как из ведра.

ГЛАВА III

Тогда — о горе! — доблестный Саксонец,
Золотокудрый и голубоглазый,
Пришел из края, где пустынный берег
Внимает реву Северного моря.

*Томсон*¹. «Свобода»

В просторном, но низком зале, на большом дубовом столе, сколоченном из грубых, плохо оструганных досок, приготовлена была вечерняя трапеза Седрика Сакса.

Комнату ничто не отделяло от неба, кроме крыши, крытой тесом и тростником и поддерживаемой крепкими стропилами и перекладинами.

В противоположных концах зала находились огромные очаги, их трубы были устроены так плохо, что большая часть дыма оставалась в помещении. От постоянной копоти бревенчатые стропила и перекладины под крышей были густо покрыты гляцевитой коркой сажи, как черным лаком. По стенам висели различные принадлежности охоты и боевого вооружения, а в углах зала были створчатые двери, которые вели в другие комнаты обширного дома.

¹ *Томсон Джеймс* (1700—1748) — представитель раннего сентиментализма в английской поэзии XVIII века, автор дидактической поэмы «Времена года».

Вся обстановка отличалась суровой саксонской простотой, которой гордился Седрик. Пол был сделан из глины с известью, сбитой в плотную массу, какую и поныне нередко можно встретить в наших амбарах. В одном конце зала пол был немного приподнят; на этом месте, называвшемся почетным помостом, могли сидеть только старшие члены семейства и наиболее уважаемые гости. Поперек помоста стоял стол, покрытый дорогой красной скатертью; от середины его вдоль нижней части зала тянулся другой, предназначенный для трапез домашней челяди и простолюдинов.

Все столы вместе имели сходство с формой буквы «Т» или с теми старинными обеденными столами, сделанными по тому же принципу, какие и теперь встречаются в старомодных колледжах Оксфорда и Кембриджа. Вокруг главного стола на помосте стояли крепкие стулья и кресла из резного дуба. Над помостом был устроен суконный балдахин, который до некоторой степени защищал сидевших там важных лиц от дождя, пробивавшегося сквозь плохую крышу.

Возле помоста на стенах висели пестрые, с грубым рисунком драпировки, а пол был устлан таким же ярким ковром. Над длинным нижним столом, как мы уже говорили, совсем не было никакого потолка, не было ни балдахина, ни драпировок на грубо выбеленных стенах, ни ковра на глиняном полу; вместо стульев тянулись массивные скамьи.

У середины верхнего стола стояли два кресла повыше остальных, предназначавшиеся для хозяйки и хозяина, которые присутствовали и возглавляли все трапезы и потому носили почетное звание «Раздаватели хлеба». К каждому из этих кресел была подставлена скамеечка для ног, украшенная резьбой и узором из слоновой кости, что указывало на особое отличие тех, кому они принадлежали.

На одном из этих кресел сидел сейчас Седрик Сакс, нетерпеливо ожидая ужина. Хотя он был по своему званию не более как тан, или, как называли его норманны, франклин, однако всякое опоздание обеда или ужина приводило его в не меньшее раздражение, чем любого олдермена старого или нового времени.

По лицу Седрика было видно, что он человек прямодушный, нетерпеливый и вспыльчивый. Среднего роста,

широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения на войне или усталость на охоте. Голова его была правильной формы, зубы белые, широкое лицо с большими голубыми глазами дышало смелостью и прямо-той и выражало такое благодушие, которое легко сменяется вспышками внезапного гнева. В его глазах блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек всю жизнь защищал свои права, посягательства на которые непрестанно повторялись, а его скорый, пылкий и решительный нрав всегда держал его в тревоге за свое исключительное положение. Длинные русые волосы Седрика, разделенные ровным пробором, шедшим от темени до лба, падали на плечи; седина едва пробивалась в них, хотя ему шел шестидесятый год.

На нем был кафтан зеленого цвета, отделанный у ворота и обшлагов серым мехом, который ценится ниже горностая и выделяется, как полагают, из шкурок серой белки. Кафтан не был застегнут, и под ним виднелась узкая, плотно прилегающая к телу куртка из красного сукна. Штаны из такого же материала доходили лишь до колен, оставляя голени обнаженными. Его обувь была той же формы, что и у его крестьян, но из лучшей кожи и застегивалась спереди золотыми пряжками. На руках он носил золотые браслеты, на шее — широкое ожерелье из того же драгоценного металла, вокруг талии — пояс, богато выложенный драгоценными камнями; к поясу был прикреплен короткий прямой двусторонний меч с сильно заостренным концом. За его креслом висели длинный плащ из красного сукна, отороченный мехом, и шапка с нарядной вышивкой, составлявшие обычный выходной костюм богатого землевладельца. К спинке его кресла была прислонена короткая рогатина с широкой блестящей стальной головкой, служившая ему во время прогулок вместо трости или в качестве оружия.

Несколько слуг, одежды которых были как бы переходными ступенями между роскошным костюмом хозяйна и грубой простотой одежды свинопаса Гурта, смотрели в глаза своему властелину и ожидали его приказаний. Из них двое или трое старших стояли на помосте, за креслом Седрика, остальные держались в нижней части

зала. Были тут слуги и другой породы: три мохнатые борзые из тех, с которыми охотились в ту пору за волками и оленями; несколько огромных поджарых гончих и две маленькие собачки, которых теперь называют терьерами. Они с нетерпением ожидали ужина, но, угадывая своим особым собачьим чутьем, что хозяин не в духе, не решались нарушить его угрюмое молчание; быть может, они побаивались и белой дубинки, лежавшей возле его прибора и предназначенной для того, чтобы предупреждать назойливость четвероногих слуг. Один только страшный старый волкодав с развязностью избалованного любимца подсел поближе к почетному креслу и время от времени отваживался обратить на себя внимание хозяина, то кладя ему на колени свою большую лохматую голову, то тычась носом в его ладонь. Но даже и его отстраняли суровым окриком: «Прочь, Болдер, прочь! Не до тебя теперь!»

Дело в том, что Седрик, как мы уже заметили, был в дурном настроении. Леди Ровена, ездившая к вечерне в какую-то отдаленную церковь, только что вернулась домой и замешкалась у себя, меняя платье, промокшее под дождем. О Гурте не было ни слуху ни духу, хотя давно уже следовало пригнать стадо домой. Между тем времена стояли тревожные, и можно было опасаться, что стадо задержалось из-за встречи с разбойниками, которых в окрестных лесах было множество, или нападения какого-нибудь соседнего барона, настолько уверенного в своей силе, чтобы пренебречь чужой собственностью. А так как большая часть богатств саксонских помещиков заключалась именно в многочисленных стадах свиней, особенно в лесистых местностях, где эти животные легко находили корм, то у Седрика были основательные причины для беспокойства.

Вдобавок ко всему этому наш саксонский тан соскучился по любимому шуту Вамбе, который своими шутками приправлял вечернюю трапезу и придавал особый вкус вину и элю. Обычный час ужина Седрика давно миновал, а он ничего не ел с самого полудня, что всегда способно испортить настроение почтенному землевладельцу, как это нередко случается даже и в наше время. Он выражал свое неудовольствие отрывистыми замечаниями, то бормоча их про себя, то обращаясь к слугам, чаще всего к своему крав-

чему, подносившему ему для успокоения время от времени серебряный стаканчик с вином.

— Почему леди Ровена так замешкалась?

— Она сейчас придет, только переменит головной убор, — отвечала одна из женщин с той развязностью, с какой любимая служанка госпожи обыкновенно разговаривает в наше время с главою семейства. — Вы же сами не захотите, чтобы она явилась к столу в одном чепце и в юбке, а уж ни одна дама в нашей округе не одевается скорее леди Ровены.

Такой неопровержимый довод как будто удовлетворил Сакса, который в ответ промычал что-то нечленораздельное и потом заметил:

— Дай Бог, чтобы в следующий раз была ясная погода, когда она поедет в церковь Святого Иоанна. Однако, — продолжал он, обращаясь к кравчему и внезапно повышая голос, словно обрадовавшись случаю сорвать свою досаду, не опасаясь возражений, — какого черта Гурт до сих пор торчит в поле? Того и гляди, дождемся плохих вестей о нашем стаде. А ведь он всегда был старательным и осмотрительным слугой! Я уже подумывал дать ему лучшую должность — хотел даже назначить его одним из своих телохранителей.

Тут кравчий Освальд скромно осмелился заметить, что сигнал к тушению огней был подан не более часа тому назад. Это заступничество было малоудачным, потому что кравчий коснулся предмета, упоминание о котором было невыносимо для слуха Сакса.

— Дьявол бы побрал этот сигнальный колокол¹, — воскликнул Седрик, — и того мучителя, который его выдумал, да и безголового раба, который смеет говорить о нем по-саксонски саксонским же ушам!.. Сигнальный колокол, — продолжал он, помолчав. — Как же... Сигнальный колокол заставляет порядочных людей гасить у себя огонь, чтобы в темноте воры и разбойники могли легче грабить. Да, сигнальный колокол! Реджинальд Фрон де Беф и Филипп де Мальвуазен знают пользу сигнального колокола не хуже самого Вильгельма Ублюдка

¹ Сигнальный колокол — завоеватели-норманны ввели закон, согласно которому по звуку сигнального колокола во всех домах должны были гаситься огни.

и всех прочих норманнских проходимцев, сражавшихся под Гастингсом. Того и гляди, услышу, что мое имущество отобрано, чтобы спасти от голодной смерти их разбойничью шайку, которую они могут содержать только грабежами. Мой верный раб убит, мое добро украдено, а Вамба... Где Вамба? Кажется, кто-то говорил, что и он ушел с Гуртом.

Освальд ответил утвердительно.

— Ну вот, час от часу не легче! Стало быть, и саксонского дурака тоже забрали служить норманнскому лорду. Да и правда: все мы дураки, коли соглашаемся им служить и терпеть их насмешки; будь мы от рождения полоумными, и то у них было бы меньше оснований издеваться над нами. Но я отомщу! — воскликнул он, вскакивая с кресла и хватаясь за рогатину при одной мысли о воображаемой обиде. — Я подам жалобу в Главный совет — у меня есть друзья, есть и сторонники. Я вызову норманна на честный бой, как подобает мужчине. Пускай выступит в панцире, в кольчуге, во всех доспехах, придающих трусу отвагу. Мне случалось вот таким же дротиком пробивать ограды втрое толще их боевых щитов. Может, они считают меня стариком, но я им покажу, что, хотя я и одинок, и бездетен, все-таки в жилах Седрика течет кровь Херварда! О Уилфред, Уилфред, — произнес он горестно, — если бы ты мог победить свою безрассудную страсть, твой отец не оставался бы на старости лет как одинокий дуб, простирающий свои поломанные и оголенные ветви навстречу налетающей буре!

Эти мысли, по-видимому, превратили его гнев в тихую печаль. Он отложил в сторону дротик, сел на прежнее место, понурил голову и глубоко задумался. Вдруг его размышления прервал громкий звук рога; в ответ на него все собаки в зале, да еще штук тридцать псов со всей усадьбы, подняли оглушительный лай и визг. Белой дубинке и слугам пришлось немало потрудиться, пока удалось утихомирить псов.

— Эй, слуги, ступайте же к воротам! — сказал Седрик, как только в зале поутихло и можно было расслышать его слова. — Узнайте, какие вести принес нам этот рог. Посмотрим, какие бесчинства и хищения учинены в моих владениях.

Минуты через три возвратившийся слуга доложил, что приор Эймер из аббатства Жорво и добрый рыцарь Бриан де Буагильбер, командор доблестного и досточтимого ордена храмовников, с небольшою свитою просят оказать им гостеприимство и дать ночлег на пути к месту турнира, назначенного неподалеку от Ашби де ла Зуш на послезавтра.

— Эймер? Приор Эймер? И Бриан де Буагильбер? — бормотал Седрик. — Оба норманны... Но это все равно, норманны они или саксы. Ротервуд не должен отказать им в гостеприимстве. Добро пожаловать, раз пожелали здесь ночевать. Приятнее было бы, если б они проехали дальше. Но неприлично отказать путникам в ужине и ночлеге; впрочем, я надеюсь, что в качестве гостей и норманны будут держать себя поскромнее. Ступай, Гундиберт, — прибавил он, обращаясь к дворецкому, стоявшему за его креслом с белым жезлом в руке. — Возьми с собой полдюжины слуг и проводи приезжих в помещение для гостей. Позаботься об их лошадях и мулах и смотри, чтобы никто из свиты ни в чем не терпел недостатка. Дай им переодеться, если пожелают, разведи огонь, подай воды для омовения, поднеси вина и эля. Поварам скажи, чтобы поскорее прибавили что-нибудь к нашему ужину, и вели подавать на стол, как только гости будут готовы. Скажи им, Гундиберт, что Седрик и сам бы вышел приветствовать их, но не может, потому что дал обет не отходить дальше трех шагов от своего помоста навстречу гостям, если они не принадлежат к саксонскому королевскому дому. Иди. Смотри, чтобы все было как следует: пусть эти гордецы не говорят потом, что грубиян Сакс показал себя жалким скупцом.

Дворецкий и несколько слуг ушли исполнять приказание хозяина, а Седрик обратился к кравчему Освальду и сказал:

— Приор Эймер... Ведь это, если не ошибаюсь, родной брат того самого Жилия де Мольверера, который ныне стал лордом Миддлгемом.

Освальд почтительно наклонил голову в знак согласия.

— Его брат занял замок и отнял земли и владения, принадлежавшие гораздо более высокому роду — роду Уилфгора Миддлгемского. А разве все норманнские лорды

поступают иначе? Этот приор, говорят, довольно веселый поп и предпочитает кубок с вином и охотничий рог колокольному звону и требнику. Ну, да что говорить. Пускай войдет, я приму его с честью. А как ты назвал того, храмовника?

— Бриан де Буагильбер.

— Буагильбер? — повторил в раздумье Седрик, как бы рассуждая сам с собой, как человек, который живет среди подчиненных и привык скорее обращаться к себе самому, чем к другим. — Буагильбер?.. Это имя известное. Много говорят о нем и доброго, и худого. По слухам, это один из храбрейших рыцарей ордена Храма, но он погряз в обычных для них пороках: горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Говорят, что это человек жестокосердый, что он не боится никого ни на земле, ни на небе. Так отзываются о нем те немногие воины, что воротились из Палестины. А впрочем, он переночует у меня только одну ночь; ничего, милости просим и его. Освальд, начни бочку самого старого вина; подай к столу лучшего меда, самого крепкого эля, самого душистого мората, шипучего сидра, пряного пигмента¹ и налей самые большие кубки! Храмовники и аббаты любят добрые вина и большие кубки. Эльгита, доложи леди Ровене, что мы не станем сегодня ожидать ее выхода к столу, если только на то не будет ее особого желания.

— Сегодня у нее будет особое желание, — отвечала Эльгита без запинки, — последние новости из Палестины ей всегда интересно послушать.

Седрик метнул на бойкую служанку гневный взор. Однако леди Ровена и все, кто ей прислуживал, пользовались особыми привилегиями и были защищены от его гнева. Он сказал только:

— Придержи язык! Иди передай твоей госпоже мое поручение, и пусть она поступает, как ей угодно. По крайней мере, здесь внучка Альфреда² может повелевать, как королева.

¹ *Пряный пигмент* — название вина, приготовленного особым образом, с добавлением меда.

² *Альфред* — король англосаксонского королевства Уэссекс (871—900). Сыграл видную роль в становлении англосаксонской государственности в эпоху раннего Средневековья.

Эльгита ушла из зала.

— Палестина! — проговорил Сакс. — Палестина... Сколько ушей жадно прислушивается к басням, которые приносят из этой роковой страны распутные крестоносцы и лицемерные пилигримы. И я бы мог спросить, и я бы мог осведомиться и с замирающим сердцем слушать сказки, которые рассказывают эти хитрые бродяги, втираясь в наши дома и пользуясь нашим гостеприимством... Но нет, сын, который меня ослушался, — не сын мне, и я забочусь о его судьбе не более, чем об участи самого недостойного из тех людишек, которые, пришивая себе на плечо крест, предаются распутству и убийствам да еще уверяют, будто так угодно Богу.

Нахмурив брови, он опустил глаза и минуту сидел в таком положении. Когда же он снова поднял взгляд, створчатые двери в противоположном конце зала распахнулись настежь, и, предшествуемые дворецким с жезлом и четырьмя слугами с пылающими факелами, поздние гости вошли в зал.

ГЛАВА IV

Свиней, козлов, баранов кровь текла;
На мрамор туша брошена вола;
Вот мясо делят, жарят на огне,
И свет играет в розовом вине.

.....
Без почестей Улисс на пир пришел:
Его в сторонке за треногий стол
Царевич усадил...

«Одиссея». Книга 21

Аббат Эймер воспользовался удобным случаем, чтобы сменить костюм для верховой езды на еще более великолепный, поверх которого надел затейливо вышитую мантию. Кроме массивного золотого перстня, являвшегося знаком его духовного сана, он носил еще множество колец с драгоценными камнями, хотя это и запрещалось монастырским уставом, обувь его была из тончайшего испанского сафьяна, борода подстрижена так коротко, как только допускалось его саном, темя прикрыто алой шапочкой с нарядной вышивкой.

Храмовник тоже переоделся — его костюм был тоже богат, хотя и не так старательно и замысловато украшен, но сам он производил более величественное впечатление, чем его спутник. Он снял кольчугу и вместо нее надел тунику из темно-красной шелковой материи, опущенную мехом, а поверх нее — длинный белоснежный плащ, ниспадавший крупными складками. Восьмиконечный крест его ордена, вырезанный из черного бархата, был нашит на белой мантии. Он снял свою высокую дорогую шапку: густые черные как смоль кудри, под стать смуглой коже, красиво обрамляли его лоб. Осанка и поступь, полные величавой грации, были бы очень привлекательны, если бы не надменное выражение лица, говорившее о привычке к неограниченной власти.

Вслед за почетными гостями вошли их слуги, а за ними смиренно вступил в зал проводник, в наружности которого не было ничего примечательного, кроме одежды пилигрима. С ног до головы он был закутан в просторный плащ из черной саржи, который напоминал нынешние гусарские плащи с такими же висячими клапанами вместо рукавов и назывался *склавэн* или *славянский*. Грубые сандалии, прикрепленные ремнями к обнаженным ногам, широкополая шляпа, обшитая по краям раковинами, окованный железом длинный посох с привязанной к верхнему концу пальмовой ветвью дополняли костюм паломника. Он скромно вошел позади всех и, видя, что у нижнего стола едва найдется место для прислуги Седрика и свиты его гостей, отошел к очагу и сел на скамейку под его навесом. Там он стал сушить свое платье, терпеливо дожидаясь, когда у стола случайно очистится для него место или дворецкий даст ему чего-нибудь поесть тут же у очага.

Седрик с величавой приветливостью встал навстречу гостям, сошел с почетного помоста и, ступив три шага им навстречу, остановился.

— Сожалею, — сказал он, — достопочтенный приор, что данный мною обет воспрещает мне двинуться далее навстречу даже таким гостям, как ваше преподобие и этот доблестный рыцарь-храмовник. Но мой дворецкий должен был объяснить вам причину моей кажущейся невежливости. Прошу вас также извинить, что буду говорить с вами на моем родном языке, и вас прошу сделать

то же, если вы настолько знакомы с ним, что это вас не затруднит; в противном случае я сам настолько разумею по-норманнски, что разберу то, что вы пожелаете мне сказать.

— Обеты, — сказал аббат, — следует соблюдать, почтенный франклин, или, если позволите так выразиться, почтенный тан, хотя этот титул уже несколько устарел. Обета суть те узы, которые связывают нас с небесами, или те верви, коими жертва прикрепляется к алтарю; а потому, как я уже сказал, их следует держать и сохранять нерушимо, если только не отменит их святая наша мать-Церковь. Что же касается языка, я очень охотно объяснюсь на том наречии, на котором говорила моя покойная бабушка Хильда Миддлгемская, блаженная кончина которой была весьма сходна с кончиною ее достославной тезки, если позволительно так выразиться, блаженной памяти святой и преподобной Хильды в аббатстве Витби — упокой Боже ее душу!

Когда приор кончил эту речь, произнесенную с самыми миролюбивыми намерениями, храмовник сказал отрывисто и внушительно:

— Я всегда говорил по-французски, на языке короля Ричарда и его дворян; но понимаю английский язык настолько, что могу объяснитьсь с уроженцем здешней страны.

Седрик метнул на говорившего один из тех нетерпеливых взоров, которыми почти всегда встречал всякое сравнение между нациями-соперницами; но, вспомнив, к чему его обязывали законы гостеприимства, подавил свой гнев и движением руки пригласил гостей сесть на кресла пониже его собственного, но рядом с собою, после чего велел подавать кушанья.

Прислуга бросилась исполнять приказание, и в это время Седрик увидел свинопаса Гурта и его спутника Вамбу, которые только что вошли в зал.

— Позвать сюда этих бездельников! — нетерпеливо крикнул Седрик.

Когда провинившиеся рабы подошли к помосту, он спросил:

— Это что значит, негодяй? Почему ты, Гурт, сегодня так замешкался? Что ж, пригнал ты свое стадо домой, мошенник, или бросил его на поживу бродягам и разбойникам?

— Стадо все цело, как угодно вашей милости, — ответил Гурт.

— Но мне вовсе не угодно, мошенник, — сказал Седрик, — целых два часа проводить в тревоге, представлять себе разные несчастья и придумывать месть соседям за те обиды, которых они мне не причиняли! Помни, что в другой раз колодки и тюрьма будут тебе наказанием за подобный проступок.

Зная вспыльчивый нрав хозяина, Гурт и не пытался оправдываться; но шут, которому многое прощалось, мог рассчитывать на большую терпимость со стороны Седрика и поэтому решил ответить за себя и за товарища:

— Поистине, дядюшка Седрик, ты сегодня совсем не дело говоришь.

— Что такое? — отозвался хозяин. — Я тебя пошлю в сторожку и прикажу выдрать, если ты будешь давать волю своему дурацкому языку!

— А ты сперва ответь мне, мудрый человек, — сказал Вамба, — справедливо и разумно ли наказывать одного за провинности другого?

— Конечно нет, дурак.

— Так что же ты грозишься заковать в кандалы бедного Гурта, дядюшка, за грехи его собаки Фангса? Я готов хоть сейчас присягнуть, что мы ни единой минуты не замешкались в дороге, как только собрали стадо, а Фангс еле-еле успел загнать их к тому времени, когда мы услышали звон к вечерне.

— Стало быть, Фангса и повесить, — поспешно объявил Седрик, обращаясь к Гурту, — он виноват. А себе возьми другую собаку.

— Постой, постой, дядюшка, — сказал шут, — ведь и такое решение, выходит, не совсем справедливо: чем же виноват Фангс, коли он хромает и не мог быстро собрать стадо? Это вина того, кто обстриг ему когти на передних лапах; если б Фангса спросили, так, верно, бедняга не согласился бы на эту операцию.

— Кто же осмелился так изувечить собаку, принадлежащую моему рабу? — спросил Сакс, мигом приходя в ярость.

— Да вот, старый Губерт ее изувечил, — отвечал Вамба, — начальник охоты у сэра Филиппа Мальвуазена. Он

поймал Фангса в лесу и заявил, будто тот гонялся за оленем. А это, видишь ли, запрещено хозяином. А сам он лесной сторож, так вот...

— Черт бы побрал этого Мальвуазена, да и его сторожа! — воскликнул Седрик. — Я им докажу, что этот лес не входит в число охотничьих заповедников, установленных Великой лесной хартией¹... Но довольно об этом. Ступай, плут, садись на свое место. А ты, Гурт, достань себе другую собаку, и если этот сторож осмелится тронуть ее, я его отучу стрелять из лука. Будь я проклят, как трус, если не отрублю ему большого пальца на правой руке! Тогда он перестанет стрелять... Прошу извинить, почтенные гости. Мои соседи — не лучше ваших язычников в Святой Земле, сэр рыцарь. Однако ваша скромная трапеза уже перед вами. Прошу откусать, и пусть добрые пожелания, с какими предлагаются вам эти яства, вознаградят вас за их скромность.

Угощение, расставленное на столах, не нуждалось, однако, в извинениях хозяина дома. На нижний стол было подано свиное мясо, приготовленное различными способами, а также множество кушаний из домашней птицы, оленины, козлятины, зайцев и рыбы, не говоря уже о больших каравах хлеба, печений и всевозможных сладостях, варенных из ягод и меда. Мелкие сорта дичи, которой было также большое количество, подавались не на блюдах, а на деревянных спицах или вертелах. Пажы и прислуга предлагали их каждому из гостей по порядку; гости уже сами брали себе столько, сколько им хотелось. Возле каждого почетного гостя стоял серебряный кубок; на нижнем столе пили из больших рогов.

Только что собрались приняться за еду, как дворецкий поднял жезл и громко произнес:

— Прошу прощения — место леди Ровене!

Позади почетного стола, в верхнем конце зала, отворилась боковая дверь, и на помост взошла леди Ровена в сопровождении четырех прислужниц.

¹ *Великая лесная хартия* — завоевав Англию, норманны установили жестокие охотничьи законы, получившие название Великой лесной хартии. Обширные леса были объявлены королевскими заповедниками, где запрещалась охота. Эти законы вызывали возмущение англосаксонского населения.

Седрик был удивлен и недоволен тем, что его воспитанница по такому случаю появилась на людях, тем не менее он поспешил ей навстречу и, взяв за руку, с почтительной торжественностью подвел к предназначенному для хозяйки дома креслу на возвышении, по правую руку от своего места. Все встали при ее появлении. Ответив безмолвным поклоном на эту любезность, она грациозно проследовала к своему месту за столом. Не успела она сесть, как храмовник шепнул аббату:

— Не носить мне вашей золотой цепи на турнире, а хисское вино принадлежит вам!

— А что я вам говорил? — ответил аббат. — Но умерьте свои восторги — франклин наблюдает за вами.

Бриан де Буагильбер, привыкший считаться только со своими желаниями, не обратил внимания на это предостережение и впился глазами в саксонскую красавицу, которая, вероятно, тем более поразила его, что ничем не была похожа на восточных султанш...

Ровена была прекрасно сложена и высока ростом, но не настолько высока, однако ж, чтобы это бросалось в глаза. Цвет ее кожи отличался ослепительной белизной, а благородные очертания головы и лица были таковы, что исключали мысль о бесцветности, часто сопровождающей красоту слишком белокожих блондинок. Ясные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели из-под тонких бровей каштанового цвета, придававших выразительность ее лбу. Казалось, глаза эти были способны как воспламенить, так и умиротворять, как повелевать, так и умолять. Кроткое выражение больше всего шло к ее лицу. Однако привычка ко всеобщему поклонению и к власти над окружающими придала этой саксонской девушке особую величавость, дополняя то, что дала ей природа. Густые волосы светло-русого оттенка, завитые изящными локонами, были украшены драгоценными камнями и свободно падали на плечи, что в то время было признаком благородного происхождения. На шее у нее висела золотая цепочка с подвешенным к ней маленьким золотым ковчегом. На обнаженных руках сверкали браслеты. Поверх ее шелкового платья цвета морской воды было накинуто другое, длинное и просторное, ниспадавшее до самой земли, с очень широкими рукавами, доходившими только до локтей. К это-

му платью пунцового цвета, сотканному из самой тонкой шерсти, была прикреплена легкая шелковая вуаль с золотым узором. Эту вуаль при желании можно было накинуть на лицо и грудь, на испанский лад, или набросить на плечи.

Когда Ровена заметила устремленные на нее глаза хромовника с загоревшимися в них, словно искры на углях, огоньками, она с чувством собственного достоинства опустила покрывало на лицо в знак того, что столь пристальный взгляд ей неприятен. Седрик увидел ее движение и угадал его причину.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — лица наших саксонских девушек видят так мало солнечных лучей, что не могут выдержать пристальный взгляд крестonosца.

— Если я провинился, — отвечал сэр Бриан, — прошу у вас прощения, то есть прошу леди Ровену простить меня; далее этого не может идти мое смирение.

— Леди Ровена, — сказал аббат, — желая покарать смелость моего друга, наказала всех нас. Надеюсь, что она не будет столь жестока к тому блестящему обществу, которое мы встретим на турнире.

— Я еще не знаю, отправимся ли мы на турнир, — сказал Седрик. — Я не охотник до этих суетных забав, которые были неизвестны моим предкам в ту пору, когда Англия была свободна.

— Тем не менее, — сказал приор, — позвольте нам надеяться, что в сопровождении нашего отряда вы решитесь туда отправиться. Когда дороги так небезопасны, не следует пренебрегать присутствием сэра Бриана де Буагильбера.

— Сэр приор, — отвечал Сакс, — где бы я ни путешествовал в этой стране, до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, помимо собственного доброго меча и верных слуг. К тому же, если мы надумаем поехать в Ашби де ла Зуш, нас будет сопровождать мой благородный сосед Ательстан Конингсбургский с такой свитой, что нам не придется бояться ни разбойников, ни феодалов. Поднимаю этот бокал за ваше здоровье, сэр приор, — надеюсь, что вино мое вам по вкусу, — и благодарю вас за любезность. Если же вы так строго придерживаетесь монастырского устава, — прибавил он, — что предпочитаете пить кислое молоко, надеюсь, что вы не будете

стесняться и не станете пить вино из одной только вежливости.

— Нет, — возразил приор, рассмеявшись, — мы ведь только в стенах монастыря довольствуемся свежим или кислым молоком, в миру же мы поступаем как миряне; поэтому я отвечу на ваш любезный тост, подняв кубок этого честного вина, а менее крепкие напитки предоставляю моему послушнику.

— А я, — сказал храмовник, наполняя свой бокал, — пью за здоровье прекрасной Ровены. С того дня как ваша тезка вступила в пределы Англии, эта страна не знала женщины, более достойной поклонения. Клянусь небом, я понимаю теперь несчастного Вортигерна! Будь перед ним хотя бы бледное подобие той красоты, которую мы видим, и то этого было бы достаточно, чтобы забыть о своей чести и царстве.

— Я не хотела бы, чтобы вы расточали столько любезностей, сэр рыцарь, — сказала Ровена с достоинством и не поднимая покрывала, — лучше я воспользуюсь вашей учтивостью, чтобы попросить вас сообщить нам последние новости о Палестине, так как это предмет более приятный для нашего английского слуха, нежели все комплименты, внушаемые вам вашим французским воспитанием.

— Не много могу сообщить вам интересного, леди, — отвечал Бриан де Буагильбер. — Могу лишь подтвердить слухи о том, что с Саладином¹ заключено перемирие.

Его речь была прервана Вамбой. Шут пристроился шагах в двух позади кресла хозяина, который время от времени бросал ему подачки со своей тарелки. Впрочем, такой же милостью пользовались и любимые собаки, которых, как мы уже видели, в зале было довольно много. Вамба сидел перед маленьким столиком на стуле с вырезанными на спинке ослиными ушами. Подсунув пятки под перекладину своего стула, он так втянул щеки, что

¹ *Саладин (Салахаддин)* — султан Сирии и Египта (1171—1193), выдающийся полководец, воевавший против европейских крестоносцев на Ближнем Востоке. Попытка последних воспрепятствовать успешным действиям Саладина вылилась в третий крестовый поход (1189—1192).

его челюсти стали похожи на щипцы для орехов, и наполовину зажмурил глаза, что не мешало ему ко всему прислушиваться, чтобы не упустить случая совершить одну из тех проделок, которые ему разрешались.

— Уж эти мне перемирия! — воскликнул он, не обращая внимания на то, что внезапно перебил речь величавого храмовника. — Они меня совсем состарили!

— Как, плут? Что это значит? — сказал Седрик, с явным удовольствием ожидая, какую шутку выкинет шут.

— А то как же, — отвечал Вамба. — На моем веку было уже три таких перемирия, и каждое — на пятьдесят лет. Стало быть, выходит, что мне полтораста лет.

— Ну, я ручаюсь, что ты умрешь не от старости, — сказал храмовник, узнавший в нем своего лесного знакомого. — Тебе на роду написано умереть насильственной смертью, если ты будешь так показывать дорогу проезжим, как сегодня приору и мне.

— Как так, мошенник? — воскликнул Седрик. — Сбивать с дороги проезжих! Надо будет тебя постегать: ты, значит, такой же плут, как и дурак.

— Сделай милость, дядюшка, — сказал шут, — на этот раз позволь моей глупости заступиться за мое плутовство. Я только тем и провинился, что перепутал, которая у меня правая рука, а которая левая. А тому, кто спрашивает у дурака совета и указания, надо быть пошнисходительнее.

Разговор был прерван появлением слуги, которого привратник прислал доложить, что у ворот стоит странник и умоляет впустить его на ночлег.

— Впустить его, — сказал Седрик, — кто бы он ни был, все равно. В такую ночь, когда гроза бушует на дворе, даже дикие звери жмутся к стадам и ищут покровительства у своего смертельного врага — человека, лишь бы не погибнуть от расходившихся стихий. Дайте ему все, в чем он нуждается. Освальд, присмотри за этим хорошенько.

Кравчий тотчас вышел из зала и отправился исполнять приказания хозяина.

Роман «Айвенго» появился в самом конце 1819 г. и сразу стал популярнейшим произведением Вальтера Скотта. Этим произведением Вальтер Скотт начал в своем творчестве новую тему — английской истории и определил его особенным образом — как «рыцарский роман». Это означало, что повествование относится ко временам гораздо более отдаленным, чем в его книгах о прошлом Шотландии.

Решив, по совету издателя, все же сохранить преемственность с романами «шотландскими», Вальтер Скотт на первых страницах новой книги напомнил о своем прежнем персонаже, малозаметном для читателей, но существенном в композиционном отношении. Это доктор Иона Драйездаст, архивариус, литератор, выступающий в «шотландских» книгах в качестве редактора, автора предисловий и т. п. Этот хранитель преданий, чья фамилия по-русски звучала бы как Сухопыльный, в «Айвенго» оказывается адресатом письма-посвящения, присланного ему вместе с рукописью от имени антиквария английского, некоего Лоренса Темплтона из Кемберленда, края холмов и озер... Иными словами, это еще один собиратель старины, которой так увлекались в ту эпоху, старины английской. Причем если Драйездаст-Сухопыльный, в соответствии со своим символическим именем, это педант, стоящий на страже документальности и достоверности, то сочинитель-англичанин выговаривает себе право на известную свободу в обращении с материалом прошлого. Это же было выражено и определением жанра повествования — «рыцарский роман», — ибо «рыцарский» во времена Вальтера Скотта означало «полусказочный, мифический».

Конечно, это не та сказочность, о которой идет речь в «Айвенго», когда там упоминаются герои наиболее давних рыцарских повествований — Тристан и Ланселот. Они, как вспоминает один из персонажей романа, искали приключений в заколдованных лесах, сражаясь с драконами и великанами. Эти герои, в особенности Тристан, были сродни еще эпическим богатырям. В «Айвенго» вызывается к жизни рыцарство гораздо более позднее и вполне реальное. <...>

Как уже сказано, в Англии саксонско-норманнские противоречия за давностью лет сгладились, зарубцевались. Разговоры о том, кто из них больше сакс, а кто — норманн, среди англичан во времена Вальтера Скотта могли вестись уже только в

ироническом, шуточном смысле. Но назрели другие внутренние противоречия, социальные, и на фоне их соответственно читался «Айвенго». В роли побежденных или побеждаемых выступала старая знать, в роли победителей или наступавших — новое дворянство, а также буржуазия, поэтому картина внутренних раздоров в стране, как бы то ни было, выглядела злободневно.

Необычайно актуальной являлась ситуация, обрисованная Вальтером Скоттом: король в союзе с простолюдинами выступает против своевольных баронов.

Король Ричард I, прозванный Львиным Сердцем, в романе, конечно, идеализирован. Представленный защитником народных интересов, он-то на самом деле и довел простых англичан до разорения. Большую часть своего царствования Ричард находился вне Англии — в походах, и проявлялась его власть главным образом в установлении все новых и новых поборов, необходимых для содержания армии. А выкуп, чтобы выволить короля из заморского плена, совершенно истощил казну и чуть было не привел к общенациональной катастрофе. Вырвавшись из плена, Ричард вернулся в свое королевство всего на несколько недель, после чего, собрав очередной налог, тут же вновь отправился на континент в очередной поход, из которого уже не вернулся. Войны, свидетельствующие о том, что король заслужил данное ему молвой гордое прозвище — Львиное Сердце, стране и народу ничего, кроме обнищания и смуты, не принесли.

Соответствует истине подчеркнутая в романе любовь короля к стихам и песням. Ричард Львиное Сердце был не только выдающимся воином, но и незаурядным бардом: умело сочинял стихи и сам исполнял их под собственный аккомпанемент. Однако трогательная забота о подданных и союз с простым народом — откровенный и тенденциозный вымысел автора «Айвенго». <...>

С точки зрения достоверности историки могут в «Айвенго» обнаружить (и обнаруживали) немало нарушений, особенно во времени. Та же история Исаака и Ревекки взята Вальтером Скоттом не из отдаленных источников, а была услышана от Вашингтона Ирвинга и относится к гораздо более поздней поре. Что же касается Робина Гуда, то Вальтер Скотт имел известные основания дать ему имя Локсли, потому что собиратели английской старины обнаружили некоего Роберта Фиц-Ута, родом из Локсли в графстве Ноттингем, он будто бы и был благородным разбойником, грабившим только богатых и получившим легендарное прозвище Робин

Гуд, т. е. Робин в Капюшоне. Не исключено и союзничество знаменитого разбойника с королем, но только не с Ричардом Львиное Сердце, а с Эдуардом II — по меньшей мере на сто лет позднее, и в таком случае это уже не Роберт из Локсли, а какой-то другой человек: предания о Робине Гуде складывались длительное время, и при том, что у них могла быть фактическая основа, в них отразились самые различные времена.

Как рассказывает биограф Вальтера Скотта Джон Локхарт, успех «Айвенго» принес автору и некоторый урон: его другие романы стали пользоваться меньшей популярностью.

Д. Урнов

Вопросы и задания

1. Надеемся, что вы прочитали роман Вальтера Скотта «Айвенго» целиком. Кто его герои? В чем суть романа?
2. Какой исторической эпохе посвящен роман?
3. Какие писатели России изображали историю своей Родины так же широко?
4. Что особенно привлекает вас в романах Скотта?

Теоретические материалы

Историзм литературы

Историзм — литературное понятие, обозначающее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передать облик той или иной исторической эпохи. Термин «историзм» применяется в двух смыслах. В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они современность или далекое прошлое.

Кроме того, историзм — понятие, сложившееся в литературе XIX века для обозначения нового подхода к изучению прошлого, когда писатель хочет понять и показать своеобразие более отдаленной эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к прошлому исторически. Этот подход проявляется в создании таких исторических жанров, как роман, драма, поэма на исторический сюжет.

Высшее художественное воплощение принципы романтического историзма нашли в творчестве В. Скотта, к которому с величайшим уважением относился А. С. Пушкин — основоположник исторического жанра в русской литературе.

Вопросы и задания

1. Назовите художественные произведения, которым присущ историзм в широком смысле слова, и произведения, целиком посвященные исторической теме из курса 7-го и 8-го классов.

2. С какими историческими лицами вы познакомились, прочитав произведения русских и зарубежных писателей в этом году? Так ли вы их представляли при изучении истории?

Расскажите об одном из таких персонажей.

Композиция

Композиция (лат. compositio — сложение, состав, сополо — слагать, составлять) — построение художественного произведения, организация образов, их связей и отношений, характеризующие жизненный процесс, показанный в произведении.

С чего начать произведение? Чем его закончить? На какие части оно будет делиться? Что надо сообщить читателю сразу, а что потом? О чем рассказать подробно и о чем коротко? От чьего лица строить повествование? Эти и многие другие вопросы стоят перед писателем, и связаны они с построением произведения, с его композицией.

Подобно архитектору, писатель выстраивает план-проект будущего произведения. Композиционный план может меняться (Пушкин неоднократно перестраивал «форму плана» «Евгения Онегина»). Автор иногда дает предысторию героя сразу («Капитанская дочка»), иногда потом. Самая первая фраза «Ревизора» Гоголя является завязкой комедии, кульминация и развязка даны одновременно в одной сцене.

Вопросы и задания

1. Что такое композиция? Приведите примеры завязки, развязки, кульминации в прочитанных вами произведениях Пушкина, Гоголя.
2. В «Капитанской дочке» Пушкин показывает сложное историческое событие с помощью рассказа Гринева. Что этим достигается?

Роды литературы		
Эпос	Лирика	Драма
эпические произведения	лирические произведения	драматические произведения

В пределах каждого рода выделяется множество видов, которые называются жанрами: в эпосе — эпопея, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня; в драматическом роде — трагедия, комедия, драма; в лирике — стихотворение, романс, послание, элегия.

Роман

Роман (фр. roman — первоначально: произведение на одном из романских языков) — большая форма эпического жанра литературы. Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда лиц, отсюда — большой объем сравнительно с другими жанрами. В отличие от повести в романе основную организующую роль играет не манера изложения повествования, а сюжет, развитие событий, которые относятся к большому периоду времени и позволяют полно показать целую человеческую жизнь, изобразить длительно протекающий процесс или сложное, многостороннее явление («Айвенго» Вальтера Скотта), — сюжеты, воспроизводящие в хроникальной последовательности многообразные события («История одного города» Салтыкова-Щедрина).

Расцвет романа наступает в XIX веке, в XX веке продолжается его развитие.

Вопросы и задания

1. Когда впервые вы встретились с жанром романа? Какой роман был прочитан вами впервые?
2. Какой из романов, прочитанных в 8-м классе, показался вам особенно интересным? Чем он вас заинтересовал?

Рассказ

Рассказ — малая эпическая форма художественной литературы, небольшое по объему изображенных явлений жизни, а отсюда и по объему текста прозаическое произведение.

1. Какие рассказы вы прочитали за период учебы в 5—8-м классах?
2. Как прочитанные вами рассказы начинались, заканчивались? О каких героях рассказывали? Покажите на одном из примеров.

Повесть

Повесть — занимает промежуточное положение между рассказом и романом. «Повесть тот же роман, только в меньшем объеме» (В. Белинский). Повесть эпически полно обрисовывает характер героя, взаимоотношения между личностью и обществом («Выстрел», «Барышня-крестьянка» Пушкина, «Шинель» Гоголя). В повести и рассказе сильнее, чем в романе, выражено отношение автора к изображаемым явлениям.

Старинные значения термина «повесть» восходят и к «вести о каком-то событии», и к «описанию», «разговору», т. е. повесть вбирает в себя бесчисленное множество устных рассказов.

В ходе исторического развития повесть претерпела изменения. Первоначально она существовала в виде рассказов о князьях, сражениях, житий святых. Новое представление о повести возникает в XVII веке: автор наблюдает за поведением героя («Повесть о Фроле Скобееве» и др.). Познавательная-аналитическая основа усиливается в повестях Пушкина («Метель» и др.). В некоторых из них запечатлен открытый им тип «маленького человека» («Станционный смотритель»).

Вопросы и задания

1. Какие повести вы прочитали в 5—8-м классах? Кто их герои? Какие повести характерны для XVII века? Какой тип героя был открыт в повестях Пушкина?
2. Чем отличается повесть от рассказа и романа?

Комедия (гр. *comoidia* — веселая толпа и песня) — один из основных видов драмы, в котором действие и характеры представлены в формах смешного. «В основании истинно художественной комедии лежит глубочайший юмор» (В. Белинский).

Комедия изображает порочное и безобразное прежде всего как выражение внутренней человеческой неполноценности. Комические персонажи стоят как бы ниже окружающей действительности, лишаются разумной формы существования и действия. Отсюда гротеск, гипербола, карикатура как средства комедийной характеристики. В комедии постоянно живет положительный «герой» — смех, ниспровергающий безобразное и поднимающий над ним читателя.

Различаются комедии положений, когда предпочтение отдается событиям, интриге («Комедия ошибок» Шекспира), и комедии характеров, когда источником смешного являются прежде всего характеры («Укрощение строптивой» Шекспира). Среди шедевров комедии преобладают пьесы, сочетающие в себе оба компонента.

В русской комедии разоблачающий смех пробуждал и трагические предчувствия, поскольку в ней изображались глубинные социальные и национально-общественные явления. Белинский называл «Ревизора» Гоголя одновременно и комедией, и трагедией.

Для комедий характерно несоответствие, на основе которого вырастают такие приемы, как гипербола, гротеск, абсурд.

Например, в незавершенной пьесе Гоголя «Владимир третьей степени» чиновник в конце концов вообразил себя орденным, в «Женитьбе» герой перед самой свадьбой выпрыгивает в окно, в «Ревизоре» ничтожного чиновника принимают за важную особу.

Вопросы и задания

1. Что такое комедия? Какие комедии вам известны и какие из них вы смотрели в театре?
2. Как бы вы определили пьесу «Ревизор»: комедией положений, комедией характеров или пьесой, сочетающей в себе оба компонента?

3. Кто является положительным героем комедии «Ревизор»? Согласны ли вы с оценкой В. Белинского, что комедия «Ревизор» одновременно и трагедия? В чем смысл этого высказывания?

Трагедия

Трагедия (гр. *tragos* — козел, *ode* — песня) — один из видов драмы, в основе которого лежит напряженный, непримиримый конфликт, чаще всего оканчивающийся гибелью героя. В трагедии ставятся проблемы человеческого бытия, движения истории («Борис Годунов» А. С. Пушкина), неодолимости рока, земной любви («Ромео и Джульетта» У. Шекспира).

Трагедия одновременно заключает в себе и оптимизм: например, «Ромео и Джульетта» освещена оптимизмом гуманистической позиции самого автора — У. Шекспира.

Вопросы и задания

1. Какие трагедии вы читали, какие видели в театре? Каковы ваши впечатления?
2. Смотрели ли вы и в каком театре трагедию «Ромео и Джульетта»? Понравилась ли вам игра актеров? Какие чувства вызвала у вас эта пьеса?

Песня

Песня — форма словесного искусства. Следует различать песню фольклорную и песню как жанр письменной поэзии. В традиционном фольклоре текст песни и ее мелодия создавались одновременно; литературная песня служила лишь основой для последующих, часто различных музыкальных произведений.

С. Лазутин

Романс

Романс — стихотворение, положенное на музыку или рассчитанное на такое переложение; обычно — небольшое лирическое произведение, строфическое, со стихами средней длины, с характерной напевной интонацией без отчетливых жанровых признаков. В западноевропейской поэзии были популярны романсы Ш. Мильвуа, Э. Парни. «Романсы без слов» — так озаглавил свой сборник П. Верлен. Подзаголовок «романс» имеют стихотворения А. Пушкина «Под вечер, осенью ненастной...», В. Жуковского «Желание», Е. Баратынского «Разуверение» и многие другие.

М. Гаспаров

Элегия

Элегия — лирический жанр, стихотворение средней длины, чаще всего от первого лица, без отчетливой композиции, обычно печального содержания, преобладающая тематика — любовная. В русской литературе элегия появляется в XVIII веке у В. Тредиаковского, А. Сумарокова и расцветает в XIX веке у В. Жуковского и К. Батюшкова, А. Пушкина и Е. Баратынского и др.

М. Гаспаров

Вопросы и задания

1. Назовите знакомые вам песни, романсы и элегии. Какие из них вам нравятся? Кто их авторы?

СЛОВАРЬ ИМЕН

известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника

Аникин Владимир Прокопьевич (род. в 1924 г.) — фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, автор многочисленных научных исследований о русском фольклоре, учебников для студентов, книг для учителей и школьников.

Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, педагог. Сборники стихотворений поэта «Кипарисовый ларец» (1910) и «Посмертные стихи» (1923) оказали сильное влияние на русскую поэзию начала XX века.

Боклевский Петр Михайлович (1816—1897) — художник, график, автор иллюстраций ко многим произведениям русских писателей. Широко известны его иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя, А. Н. Островского.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт и литературный критик. Друг А. С. Пушкина. Для раннего творчества поэта характерно сочетание гражданских мотивов и «легкой поэзии», начиная с 40-х годов в поэзии Вяземского преобладают темы воспоминаний, трагических утрат. Автор воспоминаний «Старая записная книжка».

Гаспаров Михаил Леонович (1935—2006) — литературовед, переводчик, академик Российской академии наук, основные труды ученого посвящены античной литературе и стиховедению. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик. Хозяйка известного литературного салона в Петербурге. С 1920 года в эмиграции сначала в Польше, а вскоре и до конца жизни во Франции.

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — писатель, языковед. Автор «Словаря живого великорусского языка» в четырех

томах. В словаре дано толкование более двухсот тысяч слов. Даль составил фундаментальный сборник «Пословицы русского народа», включавший более тридцати тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток. Литературную известность В. И. Далю принесли «Русские сказки, из предания народного изуственного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским» (1832).

Далю связывала долгая творческая дружба с А. С. Пушкиным.

Дон Аминадо (1888—1957) — псевдоним Аминада Петровича Шполянского, поэта, фельетониста, рассказчика. Первый сборник стихотворений поэта вышел в 1914 году. С 1920 года находился в эмиграции.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт. Для поэзии Заболоцкого характерны философское осмысление темы преобразования природы, размышления о месте человека в мироздании. Перу поэта принадлежит стихотворный перевод «Слова о полку Игореве».

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — поэт, литературный критик, автор книг воспоминаний, на стихи поэта создано большое количество песен, которые не теряют своей популярности на протяжении многих десятилетий. Еще в 30-е годы прошлого столетия над страной зазвучала знаменитая «Катюша».

В годы Великой Отечественной войны были созданы «В лесу прифронтовом», «Огонек», «Лучше нету того цвету...», «Не тревожь ты себя, не тревожь...», «Снова замерло все до рассвета...», «Услышь меня, хорошая...». В 1945 году написано стихотворение о трагедии солдата-победителя «Враги сожгли родную хату...», также ставшее любимой народом песней.

Корин Павел Дмитриевич (1892—1967) — живописец. Тематическим картинам художника («Русь уходящая», «Александр Невский») свойственна одухотворенность и волевая собранность образов, монументальная строгость композиции.

Коровин Валентин Иванович (род. в 1932 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, автор книг о творчестве русских писателей

XVIII— XX веков, многих учебников для школьников и студентов.

Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график и живописец. Народный художник РСФСР. Работал в области книжной графики (известность получили его иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого), исторической живописи (серия «Трофеи русского оружия»), монументально-декоративной росписи.

Левитан Исаак Ильич (1860—1900) — русский живописец-пейзажист. Его поэтические пейзажи особенно близки лирической поэзии, мастерски передают оттенки чувств и настроений — грусти, тревоги, радости («Золотая осень», «У омута», «Март»), размышления о жизни человека («Над вечным покоем»).

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — литературовед и общественный деятель, академик Российской академии наук, крупнейший исследователь древней русской литературы, автор работ по истории русской культуры. Возглавлял правление Российского фонда культуры.

Манн Юрий Владимирович (род. в 1929 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, русских писателей-романтиков, о философской поэзии начала XIX века.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. Муж З. Н. Гиппиус. Широко известны исторические романы и пьесы писателя, литературоведческое исследование «Л. Толстой и Достоевский». С 1920 года жил в эмиграции.

Михайлов Олег Николаевич (род. в 1932 г.) — писатель, литературный критик, литературовед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Автор книг о жизни и творчестве И. Бунина, А. Куприна. Активно работает в жанре исторического романа. Автор романов о поэте Г. Р. Державине, полководцах Кутузове и Ермолове, об императоре Александре III.

Михальская Нина Павловна (род. в 1925 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о зарубежной литературе, в том числе популярной книги для школьников «В странствие к далеким берегам».

Никулин Лев Вениаминович (1891—1967) — писатель. Автор нескольких романов, из которых наиболее известен исторический роман «России верные сыны». Автор книг об известных писателях, деятелях искусства и культуры.

Окуджава Булат Шалвович (1924—1997) — поэт, прозаик, драматург, участник Великой Отечественной войны. Наибольшую известность поэту принесли ставшие широко популярными авторские песни («Ах, Арбат мой, Арбат!», «До свидания, мальчики», «Ваше благородие, госпожа разлука...», «Пожелание друзьям», «Песенка кавалергарда» и многие другие).

Оцуп Николай Авдеевич (1894—1958) — поэт, литературовед. Первый сборник стихотворений поэта «Град» опубликован в Петрограде. Вскоре он вынужден был эмигрировать. Боролся с фашистами в рядах французского сопротивления, в итальянских партизанских отрядах. Оцуп ввел в употребление термин «Серебряный век» применительно к русской поэзии начала XX столетия.

Ошанин Лев Иванович (1912—1996) — поэт, автор популярных патриотических и лирических песен. В годы Великой Отечественной войны поэтом созданы песни «Дороги» («Эх, дороги, пыль да туман...»), «Ехал я из Берлина...», «Возвращение». В послевоенные годы были написаны такие известные песни, как «Песня о тревожной молодости», «Течет Волга». На стихи Л. Ошанина писали музыку выдающиеся композиторы — И. Дунаевский, В. Соловьев-Седой, А. Пахмутова, Р. Паулс, Н. Богословский, Д. Тухмазов и многие другие.

Павловский Алексей Ильич (1926—2004) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Автор исследований о русской поэзии XX века («Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны», «Советская философская поэзия»). А. И. Павловским написаны книги о жизни и творчестве Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Ольги Берггольц.

Пластов Аркадий Александрович (1893—1972) — живописец, автор жанровых и пейзажных картин, изображающих русскую деревню («Летом», «Полдень»), труд земледельцев («Завтрак тракториста», «Жатва», «Сенокос»), трагические страницы исто-

рии родной страны («Фашист пролетел»), содержащие философские размышления о жизни («Юность»).

Рубцов Николай Михайлович (1936—1971) — поэт. Стихи Рубцова отличает жгучая, «смертная связь» с русской деревней, родной природой, малой родиной. Для его поэзии характерны проникновенный лиризм, напевность интонаций.

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897) — живописец, один из родоначальников русского реалистического пейзажа, чьи полотна передают неброскую красоту и значительность обыденных городских и сельских мотивов («Проселок», «Грачи прилетели»).

Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — живописец, работал в Польше и в России. Значительное место в творческом наследии художника занимают картины на исторические темы. Технике живописца присуще мастерство композиции, передача эффектов освещения, театральность.

Серов Валентин Александрович (1865—1911) — живописец и график. Жизненной свежестью, богатством колорита отличаются ранние произведения художника («Девочка с персиками»). Портретам зрелого периода присуща отточенная выразительность. Обращался к темам русской истории («Петр I»).

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Учение Соловьева о Софии — премудрости Божьей оказало значительное влияние на поэзию русских символистов, в том числе на раннюю поэзию А. Блока.

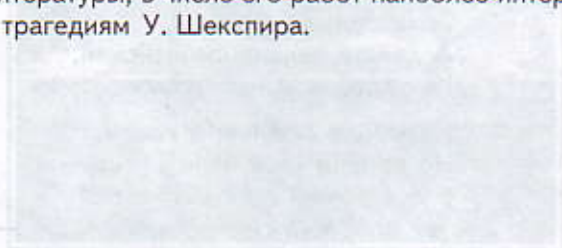
Суриков Василий Иванович (1848—1916) — живописец. Художник запечатлел на своих полотнах переломные моменты русской истории («Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаком»), судьбы ярких представителей отечественной истории («Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове»).

Творогов Олег Викторович (род. в 1928 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Научные труды литературоведа посвящены древней русской литературе, культуре Древней Руси. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Фатьянов Алексей Иванович (1919—1959) — поэт-песенник.

На стихи поэта написано свыше двухсот песен известными композиторами — В. Соловьевым-Седым, Б. Мокроусовым, А. Новиковым, М. Блантером и др. Широкой популярностью пользовались песни Фатьянова «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..», «В городском саду», «Потому что мы пилоты...», «Хвастать, милая, не стану...», «Когда весна придет, не знаю...», которые и до сих пор звучат по радио, телевидению, на встречах с друзьями...

Шаринов Дементий Алексеевич (1907—1990) — художник-график, широко известны его иллюстрации к произведениям русских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др. Художник иллюстрировал и произведения классиков мировой литературы; в числе его работ наиболее интересны иллюстрации к трагедиям У. Шекспира.

Литературные места России

Александр Трифонович Твардовский

ГОРОД СМОЛЕНСК

В 1995 году к пятидесятилетию победы в Великой Отечественной войне в Смоленске был открыт памятник. Скульптурная композиция запечатлела поэта А. Т. Твардовского и воспетого им солдата, неунывающего Василия Теркина, на привале за дружеской беседой. Почему памятник Василию Теркину установлен в Смоленске? Конечно же, потому, что это литературный герой и всенародный любимец смоленского происхождения.

«Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед...» —

не без гордости заявляет сослуживцам Теркин. А главное — со Смоленском тесно связана судьба создателя «Василия Теркина».

В смоленские газеты присылал свои первые стихи Саша Твардовский из родного Загорья. В Смоленск он переехал, твердо решив стать поэтом. С начала 1928 года его стихи регулярно появляются на страницах смоленской молодежной газеты «Юный товарищ». Молодого литератора поддержал живший тогда в Смоленске поэт Михаил Васильевич Исаковский. Когда несколько стихотворений Твардовского было опубликовано в московских изданиях, окрыленный таким успехом, поэт поспешил уехать в Москву. Но вскоре он понял, что ему пока не хватает образования, знаний, общей культуры. Он возвращается в Смоленск и поступает на отделение языка и литературы педагогического института. Напряженно учится, очень много читает, тщательно изучает все учебные пособия по истории и теории литературы, которые может найти в Смоленске. В то же время продолжает много писать, его стихи все чаще появляются в центральной печати. В эти годы он создает свои первые поэмы, в том числе принесшую ему всероссийскую известность «Страну Муравию». Проучившись в Смоленске два го-

Памятник А. Т. Твардовскому и Василию Теркину
в г. Смоленске.

да, Твардовский перевелся в Московский институт философии, литературы и истории и окончательно переехал в Москву.

В Смоленске одна из улиц носит имя Твардовского. В 1990 году был открыт музей «А. Т. Твардовский в Смоленске» (Запольный переулок, 4).

Краткий словарь литературоведческих терминов

Автобиография (гр. *autos* — сам, *bios* — жизнь, *graphō* — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллегория (гр. *allēgoria* — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитерация (лат. *ad* — со, *littera* — буква, т. е. собуквие) — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность (например: «В сто сорок солнц закат пылал...» — В. В. Маяковский).

Амфибрахий (гр. *amphi* — кругом, *brachys* — краткий) — трехсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— ' —).

Анализ произведения в литературоведении (гр. *analysis* — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Анапест (гр. *anápaistos* — отраженный назад, обратный дактилю) — трехсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — ').

Аннотация — краткое изложение содержания книги, рукописи, статьи.

Антитеза (гр. *antithesis* — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (гр. *archaios* — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афоризм (гр. *aphorismos* — изречение) — обобщенная глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заостренной форме. Афоризм сродни пословице, но в отличие от нее принадлежит определенному лицу (писателю, ученому и т. д.).

Баллада (прованс. *ballar* — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряженным сюжетом.

Ба́сня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Действующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения (басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова, пародийные басни Козьмы Пруткова, С. Михалкова и др.).

Беллетристика (фр. *belles lettres* — изящная словесность) — в широком смысле слова — художественная литература, в более узком — художественная проза, в отличие от поэзии и драматургии.

Бе́лый стих — нерифмованный стих, появился в XVI веке (например, так написан «Борис Годунов» А. С. Пушкина).

Бестсе́ллер (англ. *best* — лучший и *sell* — продаваться) — книга, имеющая особый коммерческий успех, пользующаяся читательским спросом.

Библиоте́ка поэ́та — серия книг, посвященная творчеству крупнейших поэтов, отдельным поэтическим жанрам («Русская баллада», «Русские былины» и др.). Основана серия М. Горьким в 1931 году.

Би́блия (гр. *biblia* — буквально «книги») — собрание древних текстов религиозного содержания.

Бы́лина — жанр русского фольклора, героико-патриотическая песня о богатырях и исторических событиях. (См. статью в разделе, посвященном этой теме.)

Во́пленицы (плакальщицы) — исполнительницы причитаний (И. Федосова, М. Крюкова и др.).

Геро́й литерату́рного произведе́ния, литерату́рный геро́й — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипе́рбола (гр. *hyperbolē* — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гротеск (фр. *grotesque*, ит. *grottesco* — причудливый, от *grotta* — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Дактиль (гр. dactylos — палец) — трехсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —).

Двусложные размеры — я м б (— —), хорей (— —).

Деталь (фр. détail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диалог (гр. dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Драма (гр. drama — действие) — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр (фр. genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завязка — событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звúкопись в стихосложении — то же, что система звуковых повторов, подобранных с расчетом на звукоподражание.

Идея (гр. idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инверсия (лат. inversio — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придает фразе особую выразительность.

Интервью (англ. interview) — предназначенная для печати беседа (журналист и писатель, ученый и студент и пр.).

Интерпретация (лат. interpretatio — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интонация (лат. intonare — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация дает возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирония (гр. eironeia — притворство, насмешка) — скрытая, неявная насмешка.

Композиция (лат. compositio — составление, соединение) — расположение, т. е. построение, произведения.

Крылатые слова — широко употребительные меткие слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульминация (лат. culmen (culminis) — вершина) — момент наивысшего действия в художественном произведении.

Культура речи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

Легенда (лат. legenda — буквально «то, что следует прочесть») — произведения, созданные народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Летопись — памятники исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Литературовед — специалист, изучающий закономерности историко-литературного процесса, анализирующий творчество одного или нескольких писателей.

Литературоведение — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.

Метафора (гр. metaphora — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Монолог (гр. monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Неологизмы (гр. neos — новый и logos — слово) — слова или словосочетания слов, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальные новообразования слов.

Ода (гр. ödē — песня) — торжественное стихотворение, посвященное какому-то историческому событию или герою.

Олицетворение — перенесение человеческих черт на неодушевленные предметы или явления.

Описание — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейзаж (фр. paysage, от pays — местность) — картина природы в художественном произведении.

Повесть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объему и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Подтэкст — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Портрёт (фр. *portrait* — изображение) — изображение внешности героя в произведении.

Послóвица — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.

Поэма (гр. *poíēma* — творение) — один из видов лироэпических произведений, для которых характерны сюжетность, событийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Прóза (лат. *proza* (*oratio*) — целеустремленная речь) — прямая, свободно движущаяся речь, литературное нестихотворное произведение.

Псевдонім (гр. *pseudos* — вымысел, ложь и *опута* — имя) — подпись, которой автор заменяет свое настоящее имя. Некоторые псевдонимы быстро исчезали (В. Алов — Н. В. Гоголь), другие вытеснили настоящую фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков) и даже передавались наследникам (Т. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящей фамилии (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Публицистика (лат. *publicus* — общественный) — род литературы и журналистики, рассматривает актуальные политические и экономические проблемы.

Развязка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Рассказ — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рецензия — один из жанров критики, отзыв на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Отзыв содержит некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главной мысли книги, рассказ о ее героях с рассуждениями об их поступках, характерах, взаимоотношениях с другими лицами. В отзыве отмечаются и самые интересные страницы книги. Важно раскрыть и позицию автора книги, его отношение к героям, их поступкам.

Ритм (гр. *rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Риторика (гр. *rhetorike*) — наука об ораторском искусстве.

Рифма (гр. *rhythmos* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Романтизм, романтический — направление в литературе, проникнутое стремлением показать в ярких образах высокое назначение человека (например, «Старуха Изергиль» М. Горького).

Сати́ра (лат. *satira*, < *satura* (ланх) — буквально «смесь, всякая всячина») — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика действительности, человека, явления (сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Сравне́ние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной вырази́тельности, или художественные средства (например, аллегория, метафора, гипербола, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать человека, событие или предмет ярко, конкретно, наглядно.

Стихотворе́ние — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объема, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворе́ние в про́зе — один из видов лирических произведений в прозаической форме. Обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объем, эмоциональность, бессюжетная композиция (например, стихотворения в прозе И. С. Тургенева).

Строфа́ (гр. *strophē* — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определенным расположением рифм.

Сюже́т (фр. *sujet* — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении и положенных в его основу.

Тема (гр. *thema*) — круг жизненных явлений, изображенных в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Трагедия (гр. *tragōdia* — буквально «козлиная песнь») — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее

борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трехсложные стихотворные размеры — дактиль (— — —), амфибрахий (— — —), анапест (— — —).

Устное народное творчество, или *фольклор*, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространенные виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фантастика (гр. *phantastikē* — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чудесного» мира.

Хорей (гр. *choreios* < *choros* — хор) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).

Художественное произведение — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.

Цитата — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.

Эзопов язык (от имени древнегреческого баснописца Эзопа) — особый вид письма, иносказание (например, эзопов язык произведений Салтыкова-Щедрина).

Экспозиция (лат. *expositio* — изложение, объяснение) — обрисовка положения действующих лиц, в котором они находятся до начала действия.

Элегия (гр. *elegeia*, от *elegos* — жалобная песня) — стихотворение средней длины, обычно печального содержания, проникнутое грустью.

Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.

Эпиграф (гр. *epigraphē* — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпизод (гр. *episodion* — буквально «вставка») — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок

(фрагмент), в котором говорится о законченном событии, происшествии.

Эпитет (гр. epitheton — буквально «приложенное») — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.

Эссе (фр. essai — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Юмор (англ. humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех веселый и доброжелательный.

Ямб (гр. iambos) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —)

Содержание

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (продолжение)	3
М. Е. Салтыков-Щедрин	—
История одного города (<i>Отрывок</i>)	6
Н. С. Лесков	15
Старый гений	16
Н. С. Лесков и его герои, его отношение к России	25
Л. Н. Толстой	27
После бала	29
Поэзия родной природы	41
<i>А. С. Пушкин</i> . «Цветы последние милей...»	42
<i>М. Ю. Лермонтов</i> . Осень	43
<i>Ф. И. Тютчев</i> . Осенний вечер	—
<i>А. А. Фет</i> . Первый ландыш	—
<i>А. Н. Майков</i> . «Поле зыблется цветами...»	44
А. П. Чехов	45
О любви	47
А. П. Чехов и его понимание историзма	58
ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	59
И. А. Бунин	—
Кавказ	61
Историзм И. А. Бунина	65
А. И. Куприн	67
Куст сирени	68
А. А. Блок	76
Мир на Куликовом поле	77
На поле Куликовом	81
Россия	85

С. А. Есенин	88
Пугачев (<i>Отрывки</i>)	89
И. С. Шмелев	96
Как я стал писателем (<i>С сокращениями</i>)	97
Московский говор	106
М. А. Осоргин	108
Пенсне	109
Писатели улыбаются	114
Журнал «Сатирикон»	—
Древняя история	116
Средние века	119
Новая история	121
Эпоха изобретений, открытий и завоеваний	122
Тэффи	125
Жизнь и воротник	126
М. М. Зощенко	130
История болезни	131
А. Т. Твардовский	136
Василий Теркин (<i>Главы из поэмы</i>)	138
А. П. Платонов	164
Возвращение (<i>В сокращении</i>)	165
Стихи и песни о Великой Отечествен- ной войне 1941—1945 гг.	190
М. Исаковский. Катюша	192
Враги сожгли родную хату	193
Б. Окуджава. Песенка о пехоте	194
«Здесь птицы не поют...»	195
Л. Ошанин. Дороги	196
А. Фатьянов. Соловьи	197
Фронтная судьба «Катюши»	198
В. П. Астафьев	202
Фотография, на которой меня нет	203

Русские поэты XX века о Родине, родной природе и о себе	221
И. Анненский. Снег	—
Д. Мережковский. Родное	—
Не надо звуков	222
Н. Заболоцкий. Вечер на Оке	223
Уступи мне, скворец, уголок	—
Н. Рубцов. По вечерам	225
Встреча	—
Привет, Россия	226
«Мне трудно без России»	227
Поэты русского зарубежья о Родине	—
Н. Оцуп. Мне трудно без России... (Отрывок)	—
З. Гиппиус. Знайте!	228
Так и есть	—
Дон Аминадо. Бабье лето	—
И. Бунин. «У птицы есть гнездо...»	229
Литература и история	230
ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	235
У. Шекспир	—
Ромео и Джульетта (Сцены). Перевод Б. Пастернака	240
Сонеты	251
Ж.-Б. Мольер	253
Мещанин во дворянстве (В сокращении). Перевод Н. Любимова	255
Дж. Свифт	307
Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей (Главы из романа). Перевод А. Франковского	309
В. Скотт	327
Айвенго (Главы из романа). Перевод Е. Бековой	330
Старые нравы	369

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 373

Теоретические материалы	—
Историзм литературы	—
Композиция	374
Роман	375
Рассказ	—
Повесть	376
Комедия	377
Трагедия	378
Песня	—
Романс	379
Элегия	—

Словарь имен известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника 380

Литературные места России 386
 А. Т. Твардовский. Город Смоленск —

Краткий словарь литературоведческих терминов 388

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник для общеобразовательных учреждений

В двух частях

ЧАСТЬ 2

Авторы-составители

**Коровина Вера Яновна,
Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*

Редактор *Е. И. Правоторова*

Художественный редактор *А. П. Присекина*

Художники *Ю. В. Христоч, И. И. Пчелко*

Технический редактор и верстальщик *Н. В. Лукина*

Корректоры *Т. Ю. Дубровина, Т. М. Андрианова, А. К. Райхчин*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с диапозитивов 15.12.08. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 24,76 + 0,42 форз. Тираж 50 000 экз. Заказ № 27699.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.saprkg.ru

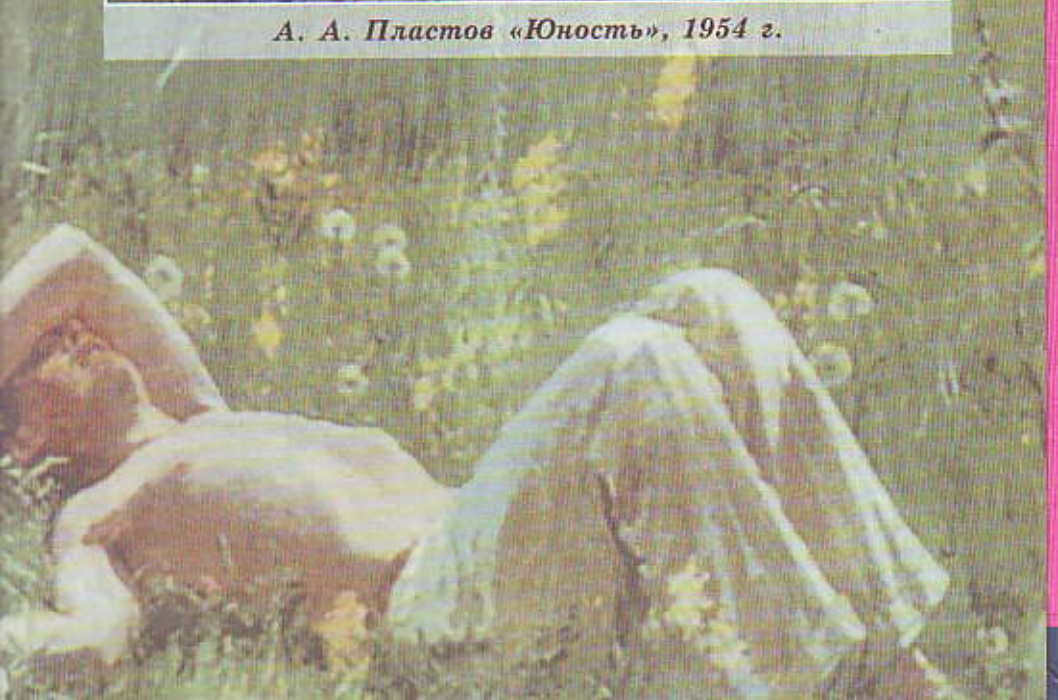
Гаснет вечер, даль синеет,
Солнышко садится,
Степь да степь кругом — и всюду
Нива колосится!
Пахнет медом, зацветает
Белая гречиха...
Звон к вечерне из деревни
Долетает тихо...
А вдали кукушка в роще
Медленно кукует...
Счастлив тот, кто на работе
В поле заночует!

Гаснет вечер, скрылось солнце.
Лишь закат краснеет...
Счастлив тот, кому зарею
Теплый ветер веет;
Для кого мерцают кротко,
Светятся с приветом
В темном небе темной ночью
Звезды тихим светом;
Кто устал на ниве за день
И уснет глубоко
Мирным сном под звездным небом
На степи широкой!

И. Бунин

А. А. Пластов «Юность», 1954 г.

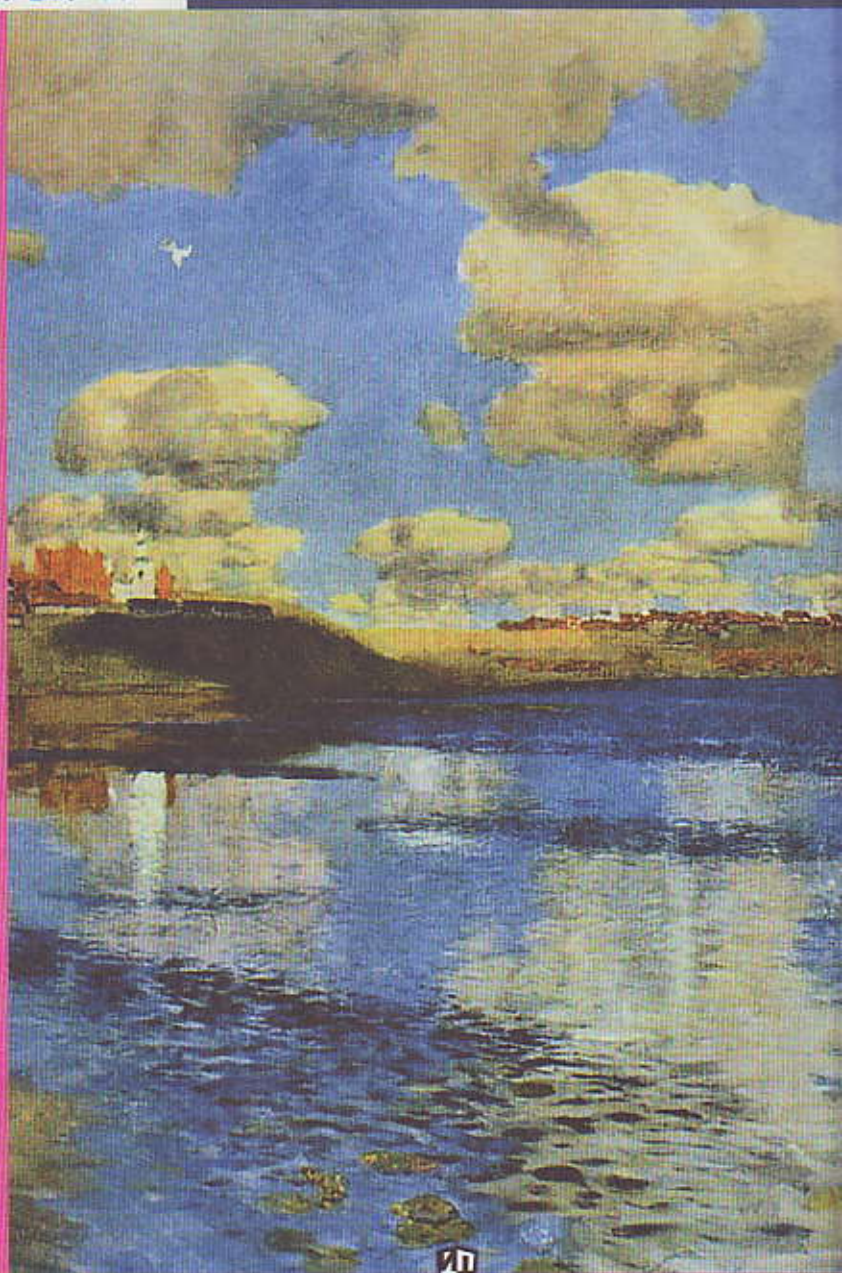

ISBN 978-5-09-021340-0

9 785090 213400

ЛИТЕРАТУРА

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО